

Министерство науки и образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
Институт истории и международных отношений
Кафедра всеобщей истории и международных отношений

О. Э. ТЕРЕХОВ
ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА В ТРУДАХ ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Монография

КЕМЕРОВО 2020

УДК 930.1(430)
ББК ЮЗ (4Гем) 663д (Шпенглер О)
Т 35

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Кемеровского государственного университета*

Рецензенты:

Т. В. Евдокимова, доктор исторических наук, профессор ВГСПУ
С. В. Артамошин, доктор исторических наук, профессор БГУ

Терехов О. Э.

Т 35 История и политика в трудах Освальда Шпенглера: проблемы историографии: монография / О. Э. Терехов; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2020. – 163 с.

ISBN 978-5-8353-2653-2

В монографии рассматриваются идейно-теоретические и историографические аспекты политической концепции немецкого философа, историка, культуролога и публициста О. Шпенглера. Автор показывает ее тесную взаимосвязь с его философией истории и культурологией. Основной акцент в монографии делается на анализ зарубежной и отечественной историографии политических идей Шпенглера в контексте феномена немецкой «консервативной революции» в период Веймарской республики в Германии. Подробно проанализированы идейно-теоретические аспекты политической концепции Шпенглера и дан очерк историографии его интеллектуального наследия. Издание адресуется историкам, политологам, философам, преподавателям и студентам вузов, а также широкому кругу читателей.

930.1(430) УДК
ЮЗ (4Гем) 663д (Шпенглер О) ББК

ISBN 978-5-8353-2653-2

© Терехов О. Э., 2020
© Кемеровский государственный
университет, 2020

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Идеино-теоретические взгляды О. Шпенглера.....	7
1.1. Предпосылки формирования. «Кризисные годы классического модерна».....	7
1.2. Культурно-историческая и политическая концепция Шпенглера....	25
Глава 2. Историко-философское наследие Шпенглера как предмет исследования.....	48
2.1. Шпенглер и западная гуманитарная мысль.....	48
2.2. Шпенглер в отечественной гуманитарной мысли.....	71
Глава 3. Политическая концепция Шпенглера: проблемы интерпретации.....	90
3.1. Шпенглер и «консервативная революция».....	90
3.2. «Консервативная революция» в историографическом дискурсе.....	113
Заключение.....	138
Литература.....	140
Приложение.....	152

Введение

В 1918 году исполнилось столетие со дня выхода в свет одной из самых парадоксальных книг XX столетия – первого тома «Заката Европы» немецкого философа истории, культуролога и консервативного политического публициста Освальда Шпенглера (1880 – 1936). Как показало время, труд никому не известного «дилетанта-мыслителя», при всей его формальной не академичности, начиная от заглавия самой книги, содержал множество разнообразных идей и интуитивных догадок, к которым западная и отечественная гуманитарная мысль неоднократно возвращались в течение столетия. С «Заката Европы» начинается становление современной цивилизационной теории в исторической мысли и исторической науке новейшего времени. Культурно-историческая концепция (философия истории) Шпенглера, при всем ее нарочитом антиакадемизме, стала одним из символов историографической революции XX столетия.

Дискуссия, особенно в германской гуманитарной мысли, которая развернулась вокруг «Заката Европы» с момента выхода первого тома, отражает интеллектуальный накал времени и сама по себе стала свидетельством эпохи. Необычность когнитивного формата книги фактически с ходу, безапелляционно, заставляла ее противников и сторонников относить автора либо в шарлатаны, либо представлять его гением-одиначкой, покусившемся на основы основ классического рационального исторического знания. Дискуссия проходила на фоне возрастающей популярности «Заката Европы» со стороны читающей публики, которой были мало интересны интеллектуально-рафинированные размышления профессионалов.

Но необходимо заметить, что историческая концепция Шпенглера, его культурология, безусловно, являются неотъемлемой частью гуманитарного дискурса прошлого века и оказывают определенное влияние на современное состояние гуманитарной науки. Однако не менее важной частью интеллектуального наследия автора «Заката Европы» следует считать его политическую концепцию. Шпенглер был политически ангажированным публицистом и не скрывал этого. «Закат Европы» возник из очерка о политических идеологиях: либерализме и консерватизме. Будучи идеологом германского консерватизма, в форме так называемой «консервативной революции» периода Веймарской республики, убежденным противником демократии и парламентаризма, защитником традиционных прусско-немецких ценностей, сторонником авторитарного государства и «прусского социализма», Шпенглер внес значительный вклад в идейно-теоретическую разработку идеологием германской правой мысли между двумя мировыми войнами. Политическая составляющая интеллектуального наследия Шпенглера не менее важна, чем его исторические воззрения. Более того, без политической концепции Шпенглера не возможно до конца понять культурно-историческую концепцию «Заката Европы» и других его философско-исторических и культурологических работ.

Предметом данного исследования с одной стороны, являются идейно-теоретические аспекты политической концепции, ее взаимосвязь с его культурно-исторической концепцией, а также историографический анализ и оценка интеллектуального наследия одного из ведущих представителей феномена «консервативной революции» в Веймарской Германии Освальда Шпенглера (1880 – 1936), который занимает важное место в германской и европейской гуманитарной и общественно-политической мысли первой трети XX столетия. Он по праву считается одной из ключевых фигур традиционалистского модернизма (авторский термин) в германской и европейской мысли. Философ истории, историк, культуролог и публицист, Шпенглер оказал заметное влияние на немецкую и европейскую консервативную мысль своей эпохи. В интеллектуальном наследии Шпенглера отразились основные этапы эволюции германского консерватизма: традиционализм консерваторов кайзеровского рейха, культурпессимизм младоконсерватизма в форме «консервативной революции» веймарского периода германской истории, мотивы правого радикализма и нигилизма в национал-социалистическом духе.

С другой стороны, историография культурно-исторической и прежде всего политической концепции Шпенглера. Историография политической концепции Шпенглера анализируется в русле немецкой «консервативной революции», что представляется весьма актуальным, так как на протяжении нескольких десятков лет в гуманитарной мысли сохраняется устойчивый интерес к данному феномену.

Следует также отметить, что методологической основой общеисторической части предлагаемого исследования станет концепция «реакционного модернизма», однако необходимо отметить, что изначально ее авторы Д. Хэрф, Т. Рокремер, Р. П. Зиферле и др. акцентировали внимание прежде всего на восприятие техники, технологического прогресса и науки идеологами реакционного модернизма. Мы же полагаем, что данную проблему необходимо рассматривать комплексно в широком социокультурном контексте, показывающем всю сложность и неоднозначность этого интеллектуального и общественно-политического направления германской и европейской мысли. Мы также, принимая термин «реакционный модернизм», считаем, что он не совсем адекватно отражает описываемый феномен, так как включает в себя различные его направления (по Хэрфу, который ввел в научный и общественно-политический дискурс этот термин). Например, революционного националиста Э. Юнгера и вполне традиционалистски настроенного консерватора О. Шпенглера.

В западной гуманитарной литературе политическая концепция Шпенглера описана достаточно подробно (Koktanek, 1968; Eckermann, 1980; Herf, 1985; Felken, 1988; Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz, 1994; Bussche, 1998; Farrenkopf, 2001; Mohler, Weißmann, 2005). В отечественной гуманитарной мысли культурно-историческая и политическая концепции Шпенглера долгое время (советский период), за редким исключением, причем, неоп-

ределенным по выводам, рассматривались исключительно в отрицательном свете. Изменения произошли уже на современном этапе, когда появился ряд работ, в которых отечественные исследователи непосредственно обратились к анализу политических взглядов Шпенглера (Афанасьев, 2003; 2007; 2009; Артамошин, 2002b; 2009; 2011b; 2018; Терехов, 2011; 2013; 2014; 2015; 2017; 2019). Несмотря на то, что в современной отечественной гуманитарной мысли политическая концепция Шпенглера, его роль и место в структуре немецкой «консервативной революции» периода Веймарской республики в Германии получили должное освещение. Однако, тем не менее, остается еще ряд общеисторических и историографических проблем, которые требуют рассмотрения: взаимосвязь и взаимообусловленность культурно-исторической и политической концепций автора «Заката Европы», эволюция политической концепции Шпенглера, содержание и сущность ее идейно-теоретических аспектов. Практически не исследованным пластом остается историография интеллектуального наследия Шпенглера.

Автор данной монографии, не претендуя на полноту освещения вышеуказанных проблем в исследовании творчества немецкого философа и публициста, попытался обозначить в их изучении некие маркеры, которые помогут осмыслению интеллектуального наследия Шпенглера в современной отечественной гуманитарной мысли. В первой главе рассматриваются предпосылки культурно-исторической и политической концепций Шпенглера, а также дается анализ его политических взглядов в контексте идей «консервативной революции». Во второй главе автор, ввиду отсутствия в отечественной гуманитарной мысли трудов посвященных историографии интеллектуального наследия автора «Заката Европы», дает краткий историографический очерк этой проблематики в западной и отечественной литературе. Третья глава раскрывает содержание историографических дискуссии вокруг феномена «консервативной революции» и роли Шпенглера в ней. В приложении приведены в авторском переводе два небольших политических текста Шпенглера из сборника 1937 г. «Речи и статьи», ранее не издававшихся на русском языке. При написании монографии автор частично опирался на свои предыдущие исследования.

Автор выражает благодарность рецензентам: доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения Волгоградского государственного социально-педагогического университета Татьяне Васильевне Евдокимовой и доктору исторических наук, профессору, декану исторического факультета Брянского государственного университета Сергею Викторовичу Артамошину.

Глава 1. Идеино-теоретические взгляды О. Шпенглера

1.1. Предпосылки формирования. «Кризисные годы классического модерна»¹

Великий немецкий гуманист XX столетия Томас Манн в письме писательнице Иде Бой-Эд писал: «Я чувствую, что великая опасность, привораживающая уставшее от релятивизма и жаждущее абсолюта человечество, это обскурантизм в любой его форме (успех римской церкви), и я на стороне великих наставников Германии, Гёте и Ницше, которые умели быть антилиберальными, не давая ни малейших поблажек никакому обскурантизму и ничуть не поступаясь человеческим разумом и достоинством. Видите, я не отвернулся от Ницше, хотя, правда, задешево отдам его умную обезьяну, господина Шпенглера» (Манн, 1975. С. 32).

Характеристика Шпенглера, данная ему Манном, как нельзя точно отражает парадоксальность его межеумочного положения в духовном и интеллектуальном пространстве своего времени. С одной стороны, как автора сенсационного труда, который привлек внимание всех без исключения, с другой мыслитель-дилетант, которого так и не признали «аристократы духа» в тогдашней Германии. Емкая и хлесткая оценка Манна тому яркий, но далеко не единственный пример. То, что Шпенглер являлся «Enfant terrible» (ужасное дитя) западной гуманитарной мысли XX столетия, не вызвало сомнений даже у тех интеллектуалов, которые с интересом и благосклонно отнеслись к его идеям. Автодидакт, хотя и с дипломом профессионального философа и математика, надменно относившейся к современной ему академической науке, претендующий ни много ни мало на «коперниканское открытие в области истории» (Шпенглер, 1993. С. 147), Шпенглер, безусловно, стоит особняком в контексте западной гуманитарной мысли прошлого столетия, не вписываясь ни в одно из ее направлений и течений.

Собственно говоря, и сам Шпенглер сознательно культивировал образ мыслителя-одиночки, стоящего «над схваткой» (крылатое выражение Романа Роллана в годы Первой мировой войны, которое отражала его пацифистскую позицию). Это, судя по его биографии, было ему чрезвычайно удобно, так как полностью соответствовало его позиции пророка и мистификатора, стремившегося подобной интеллектуальной ролью, или, перефразируя его же терминологию интеллектуальном гештальтом, как можно больше обезопасить себя от вторжения реальной действительности, порой жесткой и не красивой, не совсем отвечающей его тонким эстетическим вкусам и запросам.

Ретроспектива восприятия интеллектуального наследия Шпенглера показывает всю его неоднозначность, которая соответствует самому объекту. Согласно Ольги Балла, «Шпенглер состоялся не как идеология, а именно как

¹ В заглавии параграфа частично использовано название книги Д. Пойкерта: (Peukert, 1987).

миф – влияние которого более всеобъемлюще, более тонко и, вследствие этого, менее явно» (Балла, 2010. С. 44). И далее она продолжает: «Одна из основных особенностей мифа – в отличие от, допустим, той же идеологии, в том, что он дает возможности занимать внутри него очень разные – вплоть до противоположности! – позиции и, таким образом, способен объединять носителей даже противостоящих друг другу идеологий. К влиянию Шпенглера на европейскую культуру это применимо в полной мере» (Балла, 2010. С. 44). Конечно, нельзя не согласиться с этим утверждением автора, мифологизма в восприятии идей Шпенглера гораздо больше, чем рационального их осмысления, особенно в 1920 – 1930-х гг.

Однако, следует отметить в условиях кризиса модерна того периода европейской истории миф стал всеобъемлющей основой миропонимания и мировосприятия в различных сферах культуры: от повседневной жизни до философии. Между тем, любая интеллектуальная конструкция изначально базируется на рациональной основе. Применительно к состоянию европейской интеллектуальной мысли межвоенного периода, на который приходится творчество Шпенглера, этой основой стал модерн. Кризис модерна проходил в контексте самого модерна. Поэтому, как нам представляется, рассматривать мировоззренческие и теоретико-методологические предпосылки культурно-исторической и политической концепции Шпенглера необходимо в интеллектуальном пространстве немецкого и шире европейского модерна.

В конце XIX – начале XX вв. европейское общество вступило в стадию развития, которую позднее исследователи стали называть кризисом классического модерна (Peukert, 1987), кризисом первого модерна и «рефлексивной модернизацией» (Breuer, 1993; Beck, 1993). Под «рефлексивной модернизацией» следует понимать, по мысли известного германского социолога У. Бека, «модернизацию модерна: модерн становится проблемой для самого себя; его базовые принципы, основные установки и ключевые институты в процессе радикальной модернизации подвергаются внутренней коррозии, поэтому модерн как проект должен быть заново переосмыслен» (Die Modernisierung der Moderne., 2001. S. 11).

«Это ощущение кризиса не в последнюю очередь было реакцией на целый ряд общественных, культурных и научных трансформаций, которые получили точную понятийную фиксацию в созданном Ницше образе «переоценки всех ценностей» (Мёккель, 2007. С. 149). Причины кризиса модерна неоднократно описаны как его современниками, так и последующими исследователями. Это и появление неклассической рациональности (Ницше, иррационализм) как реакция на эрозию традиционных ценностей и кризис культуры, и огромные сдвиги в экономической, общественной и социокультурной сферах европейского общества (возникновение «массового общества»), и разочарование в методах академической рациональности познания природы и общества (яркий пример кризис историзма), и многое другое. Иными словами: образ человека, природы, принципы познания общества, культ разума,

вера в прогресс, сциентизм, секуляризм, создаваемые и вырабатываемые европейским человеком с раннего Нового времени, достигли на рубеже XIX – XX вв. пика своего развития, за которым (по вышеуказанным причинам) началось разрушение тотальной целостности мировосприятия, а метанарратив модерна оказался не в состоянии достичь новой целостности, то есть, говоря словами У. Бека, модерн становится проблемой для самого себя.

Как пишет Б. В. Подорога: «Период господства метанарративов – это состояние модерна, которое в явном виде существует от начала Нового Времени (XVII в.) до конца первой половины XX-ого столетия, после чего начинается их распад, знаменующийся появлением множества «малых нарративов», определяющихся продуцированием знания в рамках локальных языковых игр» (Подорога, 2015. С. 4). «Рефлексивная модернизация», основанная на этих малых нарративах, расширила интеллектуальные возможности познания окружающей действительности, что, например, незамедлительно сказалось на трансформации базовых идеологий западного общества: консерватизма, либерализма и социализма.

Интеллектуальный дискурс кризиса классического модерна проходил практически исключительно в модернистских категориях. Здесь мы подходим к одной из важнейших проблем европейского модернистского дискурса последней трети XIX – первой половины XX веков – проблеме соотношения традиционализма и модернизма в структуре европейской научной и общественно-политической мысли. Проблема, сложность и многогранность которой в полной мере были осознаны европейскими гуманитариями только во второй половине прошедшего столетия (на этом этапе к ее изучению активно подключились также и американские исследователи).

Если принять точку зрения о том, что процесс всеохватывающего шествия модерна в европейском обществе и европейской культуре начинается с Нового времени (особо при этом выделяют Просвещение), то согласно Ю. Хабермасу (который в этом утверждении, в свою очередь, опирался на мнения Э. Дюргейма и Дж. Г. Мида), «рационализированные жизненные миры создаются скорее посредством рефлексии традиций, которые утратили свою самобытность; посредством универсализации норм действия и генерализации ценностей, освобождающих ситуации «более широких возможностей» и коммуникативное действие от ограниченных контекстов; наконец, посредством таких образцов социализации, которые рассчитаны на формирование абстрактных Я-идентичностей и форсируют индивидуацию подрастающего поколения. Это и есть в общих чертах тот образ модерна, каким его рисовали классики теории общества» (Хабермас, 2003. С. 9).

Таким образом, модерн возник из традиции. Во всяком случае, традиция является имманентной составляющей модерна. Но сформулированная в проекте модерна идея создания нового типа общества и человека, с одной стороны, отвергала традиционные критерии идентичности, с другой – предлагала созданные на основе разума новые ценностные парадигмы, отрицаю-

щие прошлое и устремленные в будущее. Модерн по своей природе футуристичен. Этот футуризм модерна способствует отрыву человека от традиций, прошлого, истории и памяти.

Традиционалистский нарратив иллюстрирует все своеобразие мира традиции, не имеющего аналогов с современностью, но он, тем не менее, пытается объяснять понимание картины мира традиции при помощи модели мира современности. Именно это противоречие стало краеугольным камнем для традиционалистских модернистов. С момента своего появления модерн вел борьбу против рудиментов парадигмы традиции внутри собственной структуры. И, наоборот, традиционалисты, используя ментальные, познавательные и т. д. возможности модерна, стремились приспособить традицию к модерну.

Характерна в этой связи дискуссия об истоках и сущности консерватизма. Консерватизм, как известно, стал тем мировоззренческим, идейным и социокультурным феноменом, в котором в наиболее полной мере проявилась традиция в эпоху модерна. Дефиниция консерватизма, его сущностные характеристики явились на протяжении десятилетий предметом обширных дискуссии в западной гуманитарной мысли. Основоположник изучения консерватизма немецкий социолог К. Манхейм в своей работе 1925 года «Консервативная мысль» однозначно выводил истоки консерватизма в традиционализме, хотя и отмечал различие между ними (Манхейм, 1994). Манхейм также одним из первых указал на тесную взаимосвязь и взаимообусловленность между консерватизмом и идеологией Просвещения на то, что консерватизм – это идеология Антипросвещения, но находящаяся в дискурсе Просвещения.

Известный американский политолог С. Хантингтон в своей ранней работе «Консерватизм как идеология» (1957 г.) выделил три теории в объяснении сущности консерватизма – аристократическую, в которой консерватизм трактуется исключительно как реакция феодально-аристократического класса на Французскую революцию и ее последствия. Автономную теорию определения консерватизма, сторонники которой рассматривают консерватизм как автономную систему, идей которой являются всегда общезначимыми. И третья теория описания консерватизма – ситуативная, в которой он определяется в качестве идеологии, возникающей при определенных, но повторяющихся исторических обстоятельствах, когда возникает угроза разрушения исторически сложившихся институтов государства и общества (Хантингтон, 2016. С. 231 – 232).

Сходную с Хантингтоном классификацию консерватизма представил современный германский историк К. Ленк. Он выделяет следующие подходы к интерпретации консерватизма. Один из них – историко-социологический, в котором консерватизм считается аристократической и клерикальной реакцией на последствия Великой французской буржуазной революции. Консерватизм стремится сохранить доиндустриальные, феодальные институты обще-

ства. Таким образом, в историко-социологической интерпретации консерватизм выступает как ограниченная во времени и пространстве идеология аристократии против эмансипации буржуазных слоев общества (Lenk, 1989. S. 13). Второй подход к изучению консерватизма Ленк определяет как универсально-антропологический. Сторонники этого подхода исходят из позиции существования вечных универсальных ценностей. Консерватизм в такой интерпретации выступает как система сохранения универсальных ценностей и добродетелей, обладающая действенной силой для всех социальных слоев и исторических периодов (Lenk, 1989. S. 14 – 15). Третий подход рассматривает консерватизм как некий ситуационный феномен. Он основывается на представлении о возникновении в тот или иной момент истории угрозы существующему социально-политическому порядку. Консерватизм в данной интерпретации выступает как исторически модифицированный арсенал прежних идеологических образцов, которые можно использовать для сохранения общественного равновесия (Lenk, 1989. S. 16).

Таким образом, исследователи однозначно прослеживают связь между традиционализмом и консерватизмом даже если и рассматривают в отдельных случаях консерватизм как полностью модернистскую идеологию. Как нам представляется, многогранность этой связи в период кризиса классического модерна объективно описывают концепции, в которых исследователи попытались рассмотреть консерватизм в качестве модернистской теории, направленной на преобразования или приспособление его традиционалистской основы к условиям модерна. Речь, прежде всего, идет о концепциях, которые описывают консерватизм в качестве антимодернистского, но все же находящего внутри модерна феномена. Это и концепция «реакционного модернизма» Д. Херфа и смежные с ней концепции «альтернативного модерна» германского социолога Р. П. Зиферле (Sieferle, 1995), «другого (иного) модерна» британского историка-германиста Т. Рокрэмера (Rohkrämer, 1999).

Интеллектуальная мысль Германии 1871 – 1945 гг. в силу объективных (позднее образование национального государства и поздняя модернизация) и субъективных (немецкий идеализм, консерватизм как преобладающее мировоззрение и идеология) обстоятельств являлась кладом идей традиционалистского модернизма. Противоречие между традицией и модерном уже особо чувствовалось в конце XIX века и переживалось немцами как кризис великой немецкой культуры. Известный историк Э. Трельч писал в 1916 г.: «Немцы по своей природе метафизики и мыслители, стремящиеся изнутри, из духовной глубины универсума понять сущность мира и вещей, людей и судеб» (Трельч, 1995. С. 542). Противопоставление немецкой «Kultur» французской и английской «civilisation» к концу XIX – началу XX вв. приобрело в Германии открыто антимодернистские черты.

Это противоречие не в последнюю очередь было реакцией на целый ряд общественных, культурных и научных трансформаций не только германского, но и в целом западного общества, которые получили точную понятий-

ную фиксацию в созданном Ницше образе «переоценки всех ценностей». В конце XIX в. изменение – в форме кризиса – культурных, нравственных и научных ценностей образует точку пересечения в процессе вызревания современных жизненных форм. Отказ от классических философских понятий (субстанция, материя, трансцендентность) и вместе с тем от механицистских, рационалистических методов познания пересекается с общественными и культурными переменами, которые стимулируют потребность в новом философском и культурном образе и начале.

Ницшеанская критика эпохи в последней трети XIX века, его утверждение о смерти бога стали исходным пунктом становления так называемого «кризисного сознания» (Klemperer, 1962. S. 44). Критика Ницше основ западной цивилизации сделала его «отцом» современного иррационализма. Неприятие Ницше «массового человека», пророчества о будущем столетии как столетии демократии и социализма привели его к идее смерти цивилизации и «переоценке всех ценностей». Как полагал Клемперер, в своем парадоксальном мировоззренческом и интеллектуальном положении между консерватизмом и нигилизмом, между сохранением и разрушением, Ницше предопределил главную дилемму германского консерватизма в XX веке (Klemperer, 1962. S. 46).

Т. Манн писал о Ницше как о мыслителе, который поразительно полно и сложно сконцентрировал и подытожил все особенности европейской культуры и европейского духа, впитавший в себя все прошлое европейской истории и культуры чтобы, затем, пережить его и осовременить в своем мифотворчестве. По мнению Манна, Ницше стал фигурой исторического значения благодаря тому, что возглавил интеллектуальное движение, «в котором воплотилось исторически неизбежное возмущение духа против рационализма, безраздельно господствовавшего в XVIII и XIX веках» (Манн, 2009. С. 329).

Культурные и нравственные ценности и достоверности, направлявшие движение буржуазной интеллектуальной и социокультурной эмансипации, во второй половине XIX в. также утрачивают свою силу и значимость. Новые межчеловеческие отношения, как следствие технического прогресса, потребительской ориентации к жизни, формирования основ «массового общества» все настойчивее проявляют себя. Происходит отказ от образа человека, который предлагала буржуазно-просветительская эпоха. На социокультурном и политическом уровне ставится под сомнение успешное воплощение буржуазно-рациональных прогрессистских идей и целей.

Общество охватил синдром, говоря словами М. Вебера, формальной рациональности. Эту тенденцию хорошо почувствовал и отразил один из основоположников социологии Фердинанд Тённис в своем труде «Общность и общество. Основные понятия чистой социологии» (1887). Рассматривая вертикальные и горизонтальные связи в современном ему обществе, Тённис обнаруживает, быстро формирующийся двойной контур социальных и общественных отношений. «Само это отношение, и тем самым связь, понимается

либо как реальная и органическая жизнь – в этом состоит суть *общности* [Gemeinschaft], – либо как идеальное и механическое образование таково понятие *общества* [Gesellschaft]» – констатирует социолог (Тённис, 2002. С. 9 – 10). И далее он продолжает: «Говорят об общности языка, нравов и веры; но – об обществе деловых людей, попутчиков, ученых» (Тённис, 2002. С. 10). Таким образом, Тённис с точки зрения формальной социологии разделяет органические и механические социальные образования, и главное, верно подмечает процесс, который можно назвать распадом традиционных ценностей в условиях прогрессирующего овеществления общества, когда все подчиненно логике формальной рациональности. Недаром книга Тённиса имела большой успех и читающей публики и считается одним из первых трудов, описывающих новую реальность в условиях начавшегося кризиса модерна.

Другой стороной этой тенденции стала критика рационального начала с его претензией на абсолютный авторитет. Сторонники этой критики выступали за восстановление в правах прочих способностей человека (созерцание, ощущение, понимание, жизненные установки). Здесь следует упомянуть как об исторической школе в гуманитарных науках, так и о формирующейся под влиянием Ницше и Дильтея философии жизни. «Истины единого и всеобщего разума претерпевают историзацию и релятивизацию, и даже теоретическая рациональность теряет свой привилегированный познавательный статус» (Мёккель, 2007. С. 148). Представителей философии жизни объединяет констатация углубляющегося кризиса мировоззренческих и бытийных оснований современного общества, причем причина этого кризиса виделась ими в экономическом, техническом и научном прогрессе.

Для представителей философии жизни характерно неприятие университетской, профессиональной философии, обращение к сугубо жизненным проблемам и категориям (бытие, временность и т. д.), пренебрежение к категориям формальной логики и теории познания, что вызвало преимущественно негативную реакцию со стороны университетской философии. Биографии и, возможно, предполагаемая университетская карьера, таких видных представителей философии жизни как Ницше Клагес, Зиммель тому пример. Шпенглер принадлежит к этому же ряду. Единственным исключением является В. Дильтей, который, как известно, был известным университетским профессором философии.

Однако подобная интеллектуальная и структурная независимость позволяла этим мыслителям быть более восприимчивыми, чем многие академические философы, к веяниям времени, к актуальным вопросам своей эпохи. Актуализация проблематики кризиса модерна в форме критики позитивизма, культурпессимизм, ставка на иррационализм и интуицию позволили философии жизни существенно расширить предметную область познания человека и общества, которые стали рассматриваться как история «формирование интеллектуального характера человека Нового времени, с его регулярностью, точностью и субординацией, как процесс, параллельный упадку душевной

стороны человеческого существа, расщеплению и отчуждению целостной личности, как она сложилась еще до развития промышленного производства в XIX в.» (Мёккель, 2007. С. 158).

Эти кризисные процессы в европейской и, в частности, германской гуманитарной мысли свидетельствовали о постепенном переходе человека и общества в «новое состояние», которое впоследствии получило название постмодерна, и которое такие направления, как философия жизни, в конечном итоге предвосхитили и подготовили на интеллектуальном уровне. В данном случае, говоря о кризисе модерна, нельзя не сказать об одном из значительных его проявлений – кризисе исторического сознания, кризисе историзма. Существует большое количество исследований посвященных проблеме кризиса историзма, в которых анализируются и рассматриваются ее различные аспекты (из последних отечественных см.: Могильницкий, 2001; 2003; 2008). Эти аспекты многообразны и в каждом случае имеют под собой национальную специфику традиции восприятия и трактовки истории, свой образ истории в целом. Но, как справедливо замечала П. П. Гайденко, характеризуя сущность кризиса историзма, это был «поворот от вопросов методологии исторического знания к исследованию структуры самой исторической реальности», который сразу же заставил спросить: «Что такое историческое бытие, или историчность (*Geschichtlichkeit*), как предпочитали говорить немецкие теоретики» (Гайденко, 1969. С. 230).

Когда мы говорим о кризисе исторического сознания, кризисе историзма на рубеже XIX – XX вв., применительно к Германии речь идет о кризисе такого яркого феномена германской гуманитарной мысли как немецкий историзм. Культурно-историческая и политическая концепция Шпенглера является интеллектуальным и психо-эмоциональным порождением этого феномена. Несмотря на «методологический анархизм» и парадоксальность, истоки философско-исторических воззрений автора «Заката Европы» находились в русле мощной эпистемологической и социокультурной традиции немецкого историзма, которая долгое время определяла историческое сознание представителей германской культуры в целом. Более того, Шпенглер, сам, очевидно, не желая того, предпринял попытку трансформации базовых теоретико-методологических и идейных принципов немецкого историзма в условиях его кризиса начала XX столетия.

Историзм как тип мировоззрения и исследовательская практика формируется в германской культурной традиции на рубеже XVIII – XIX вв. как реакция на идеи Просвещения и Великой Французской буржуазной революции. Второй составной частью историзма становится движение романтизма с его обостренным чувством истории. Один из ведущих представителей немецкого историзма Фридрих Мейнеке, характеризуя его сущность, писал: «Историзм прежде всего – не что иное, как применение к исторической жизни новых жизненных принципов, обретенных в ходе великого немецкого движения от Лейбница до смерти Гёте» (Мейнеке, 2004 С. 6). Другой видный

теоретик и практик немецкого историзма Эрнст Трёльч связывал возникновение этого феномена с коренной историзацией знания и мышления, последовавших после натурализма и догматизма Просвещения и Великой Французской буржуазной революции (Трёльч, 1994. С. 16 – 17). Мейнеке и Трёльч подчеркивали общеевропейский характер историзма, особо выделяя его немецкий вариант. Среди представителей германской интеллектуальной мысли значительный вклад в формирование принципов немецкого историзма внесли: философы Гердер, Гегель, Гумбольдт, историк Л. фон Ранке, юристы германской исторической школы права.

Отличительными чертами немецкого историзма, который был представлен достаточным разнообразием школ и концепций, являются: признание отличия истории и природы и, соответственно, различие методов познания природы и истории, зависимость человека от нравственных норм и ценностей, идея провиденциализма, в онтологическом плане акцент на значимости индивидуального и неповторимого в деятельности субъектов и коллективных общностей в истории, повышенный интерес к ценностной значимости уникальных феноменов, возникающих в автономных культурно-исторических мирах. Важнейшую роль играла идея развития в ее различных интерпретациях: от диалектики Гегеля до приближенных к позитивизму натуралистических ее трактовок. Характерной чертой немецкого историзма также стала тесная связь между историей и философией, которая породила специфическую форму философии истории в ее германском интеллектуальном варианте.

И, конечно же, говоря о немецком историзме, как особом типе мировоззрения, нельзя не забывать его идейно-политическую составляющую. Именно немецкой гуманитарной мысли принадлежит приоритет создания культа государства в истории, причем в его консервативно-националистической форме. Следует заметить, что консерватизм, как онтологический и гносеологический, идейно-мировоззренческий принцип, был той чертой, которая заметно отличала немецких интеллектуалов от их европейских коллег. «В отличие от Западной Европы, в Германии преобладающее влияние в общественном самосознании приобрела консервативная политическая традиция, опирающаяся на две основные идеи – национализм и историзм» (Женин, 2013. С. 123). Долгая борьба за создание единого национального государства придала истории в Германии статус идеологического императива.

Под кризисом историзма необходимо понимать разрушение традиционного образа истории, который сформировался XIX столетии (Могильников, 2001). В 1925 году Мартин Хайдеггер прочитал цикл лекций под общим названием «Исследовательская работа Вильгельма Дильтея и борьба за историческое мировоззрение в наши дни» (Хайдеггер, 1995). Оценивая ситуацию в историческом познании, он констатирует наличие его глубокого кризиса. Причем, по мнению Хайдеггера, сила кризиса такова, что ставится под вопрос фундаментальная проблема западной науки – проблема познания смысла человеческого существования. Как полагал Хайдеггер, в конце XIX – на-

чале XX вв. историческая наука перестала играть роль объединяющей научной дисциплины западной гуманитарной мысли. И в этом, согласно Хайдеггеру, заключалась основная проблема принципов и методов современного исторического познания.

Дильтей для Хайдеггера является ключевой фигурой в деле обновления исторического мировоззрения. Как нам представляется, философия истории Шпенглера была первой, и едва ли не последней, попыткой применения в мистифицированной форме исторического метода Дильтея к эмпирической истории, хотя он категорически отрицал какое-либо влияние на себя, называя в числе своих предшественников только Гёте и Ницше. По этому поводу Шпенглер писал своему издателю Оскару Веку о том, что ему пришлось «ознакомиться с полусотней предшественников, среди них наиболее известны – Лампрехт, Дильтей и Бергсон. Количество их тем временем должно было перевалить за сотню. Если бы я захотел прочитать хотя бы половину, то и сегодня не закончил бы работу... сегодня вообще невозможно высказать что-нибудь такое, что не было бы затронуто в посмертных сочинениях Ницше» (Felken, 1988. S. 40). В многочисленных переизданиях первого тома «Заката Европы» Шпенглер постоянно отмечал, что его главными учителями являются Гёте и Ницше.

Особенно тенденции кризиса историзма проявились в годы Первой мировой войны и в дальнейшем в межвоенный период и охватили всю историческую и философско-историческую мысль Европы. В Германии кризис немецкого историзма сильно переживался на идейно-политическом уровне. Теоретико-методологические проблемы исторической науки трогали историков меньше. Немецкие историки, подсознательно понимая необходимость каких-то изменений, на уровне методологии, тем не менее, предпочитали находиться в русле старых «обкатанных» традиций. Труд Э. Трёльча составлял в этом отношении исключение. «Закат Европы», который разрушал устоявшиеся академические каноны, является знаковой книгой эпохи кризиса историзма и в тоже время примером продолжения традиций немецкого историзма на новом уровне теоретического осмысления.

Критика механистического материализма, классического рационализма, позитивизма, гегелевской диалектики, иррационализм, культурпессимизм, мистическое ожидание наступления новой эры в истории человечества самым непосредственным образом отражались на повседневных социокультурных и политических практиках европейского человека и общества. Например, политические идеологии и практики, оснащенные современными методами познания общества, начинают эволюционировать в сторону их более массового восприятия, а для этого пытаются заигрывать с различного рода радикализмом. Характерна в этой связи эволюция национализма. По словам британского историка Эрика Хобсбаума: «Национализм из понятия, связанного с левыми и либеральными идеями, превратился в среде мелкой бур-

жуазии в шовинистическое, имперское, агрессивно-ксенофобское движение, точнее – в правый радикализм» (Хобсбаум, 1998. С. 192.).

Р. П. Зиферле полагает, возникновение правого радикализма стало специфическим ответом на кризис либерализма и социализма (Sieferle, 1995. S. 11). Становление «массового» общества требовало нового опыта преодоления политических конфликтов. Оно разрушило привычные представления о социальной действительности и наглядно продемонстрировало, что социальное действие может исходить не только со стороны разумного индивидуума. Социальные процессы в «массовом» обществе приобретают собственную логику развития. Категория «индивидуум» заменяется категориями «класс», «нация», «раса». По мнению части правых, порождение капитализма – либеральный индивидуализм, необходимо преодолеть надындивидуальным коллективным субъектом, будь то класс или нация.

Интеллектуальная и общественно-политическая атмосфера Германии того времени была окутана ожиданием некоего рубежного мировоззренческого и идейно-политического учения, которое должно поставить окончательную точку в противостоянии немецкой культуры с цивилизацией Запада. Позволим себе привести обширную цитату из И. Феста, в которой он очень точно описал социокультурную составляющую этого процесса: «Над этой занятой своими делами и, казалось бы, так уверенной в своём завтрашнем дне страной, над её растущими крупными городами и промышленными районами довлел некий своеобразный романтический небосвод, тёмный купол которого населяли мистические образы, древние герои и боги, – отсталость Германии имела идеологическую природу. Конечно, в немалой степени к этому приложили свою руку академический обскурантизм, фольклор германистов, а также потребности в украшательстве со стороны того слоя буржуазии, которому так хотелось поверх материальных целей, кои он преследовал с такой неутомимостью и динамизмом, увидеть более высокие ориентиры. Но в то же время за всеми этими пристрастиями постоянно ощущалась бюргерская строптивость в культурной сфере по отношению как раз к тому современному миру, возведению которого помогали столь энергично и успешно, – это была своего рода оборонительная жестикующая в адрес новой, лишённой поэзии реальности, имевшая своим истоком не дух скептицизма, а дух пессимистического романтизма, и позволявшая распознавать в себе латентную готовность к контрреволюционному протесту» (Фест, 1993. С. 161).

В Германии обратной стороной такого «культурного подвижничества» немецких интеллектуалов были «побочные» продукты германской политической и культурной традиции и германской модернизации последней трети XIX – начала XX в.: национализм, милитаризм, империализм, аполитичность и т.д., т.е. все то, что давало благоприятную почву консерватизму – главному интеллектуальному достижению немецкого духа, а впоследствии объясняло Первую мировую войну как борьбу духа и разума, культуры и цивилизации, единства немецкого народного сообщества против западного буржуазного

индивидуализма. Эти интеллектуальные и политические установки составили основу «идей 1914 года». Характерно, что современники понимали трагизм и противоречивость состояния немецкого духа. В 1914 г. русский философ В. Ф. Эрн произнес речь «От Канта к Крупну», в которой напрямую связал вершины немецкой культуры с милитаризмом германского общества, феноменализм Канта и пушки Крупна (Эрн, 1993).

Современный немецкий историк О. Данн следующим образом характеризует атмосферу ожидания войны: «Война великих европейских держав, разразившаяся в начале августа 1914 года, ни для кого не была неожиданностью. Редко бывало так, чтобы о войне так много говорили задолго до ее начала. Прежде чем начались военные действия, война уже давно существовала в головах европейцев... Эта большая война стала возможна благодаря новому национальному мышлению культурных (!) народов Европы, его основные особенности можно выразить четырьмя понятиями: национализм, милитаризм, империализм и расизм» (Данн, 2003. С. 212).

В Германии противопоставление немецкой Kultur французской и английской «civilisation» к концу XIX – началу XX вв. приобрело антизападные черты, тогда как во время Первой мировой войны оно стало общим местом не только трактатов философов и историков, официальной пропаганды, но и на уровне повседневности, что отразилось в знаменитой формуле «идей 1914 года». В интеллектуальный и общественно-политический дискурс это выражение ввел экономист Йохан Пленге. Он писал в первые недели войны: «Тот день, когда мы станем предаваться воспоминаниям об этой войне, окажется для нас праздником мобилизации сил. Праздник второго августа... В этот день родился новый дух – дух, накрепко сплотивший все экономические и политические силы в одно целое... Новое Германское государство! идеи 1914 года». (Рингер, 2008. С. 219).

«Идеи 1914 года» переживались немецкими интеллектуалами как возможность духовного и политического очищения от влияния западной цивилизации, как культурная война, а также как возможность духовного и политического единения немецкой нации с началом войны. Они были идеологическим подобием гражданского мира, который кайзер объявил 1 августа 1914 года (Klemperer, 1962. S. 57). «Идеи 1914 года» представляют собой сложный комплекс различных национальных мифов, текущей политики и воображаемых иллюзий германских интеллектуалов. Содержание «идей 1914 года» представляет кульминационную точку в развитии культуркритических направлений кайзеровского рейха. Они получили дальнейшую радикализацию в ходе Первой мировой войны и послужили в годы Веймарской республики идейным источником для таких направлений как, например, «консервативная революция». Поэтому нельзя не согласиться с утверждением Ф. Рингера о том, что они не были для них «чисто милитаристским явлением» (Рингер, 2008. С. 221). «Миссия, которую они приписывали германской нации, была

не менее внятной, чем кампания союзников (*страны Антанты – авт.*) за демократию прогресс и мир» (Рингер, 2008. С. 221).

В число главных компонентов «идей 1914 года» входят: представление об особом историческом пути Германии (*Sonderweg*) в сравнении с западной цивилизацией, идея о высокой миссии немецкой культуры и немецкого духа, который в форме немецкого идеализма противостоит западному позитивизму, мысль о политическом преимуществе немецкого консерватизма и национализма над западным либерализмом и демократией, формирование органического понимания функционирования государства и общества, становление знаменитой концепции «народного сообщества» (*Volksgemeinschaft*) в духе так называемого «немецкого (прусского) социализма».

Таким образом, содержание «идей 1914 года» представляет кульминационную точку в развитии культурпессимистической мысли в кайзеровском рейхе, в центре которой находилась дихотомия культуры и цивилизации. «Идеи 1914 года» воспринимались как выход из кажущегося почти безальтернативным процессом отчуждения, рационализации и атомизации общества. Мировая война интерпретировалась как революционный и апокалипсический переход к постматериальному миру, который должен вернуть жизни ее вечные ценности (Gossler, 2001. S. 55 – 56.).

Как показывают нам современные исследования, конфликт немецкого духа с западной цивилизацией носил более глубокий характер, чем это трактовали современники, что, собственно говоря, и констатировали в своих трудах теоретики концепции «реакционного модернизма». По словам американского историка-германиста Д. Эли: «Таким образом, германская история несет в себе динамику эпохи до 1914 г., сложные последствия которой рассматриваться как условие возникновения нацизма. Но это не была динамика, которая глубинно соответствовала примату доиндустриальных традиций, сложившихся в начале девятнадцатого века, а то и еще раньше, традиций, стимулируемых комплексом противодействия современным веяниям, протекавшего в собственно немецкой форме антимодернизма. Наоборот, речь шла о модернизирующемся обществе, основательно нацеленном на будущее» (Эли, 2014. С. 28 – 29).

Прямым следствием влияния «идей 1914 года» на немецкое общество стала резко возросшая публицистически-пропагандистская деятельность германских интеллектуалов в попытке обоснования истинных целей войны со стороны Германии. В начале 2015 года вышел знаменитый памфлет известного экономиста и социолога Вернера Зомбарта «Торгаши и герои» (Зомбарт, 2005), который предвосхитил, написанную четырьмя годами позже, книгу Шпенглера «Пруссачество и социализм». Во введении автор пишет: «борьба идет между торгошом [*Handler*] и героем [*Held*], между торгошеским и героическим мировоззрением, торгошеской и героической культурой» (Зомбарт, 2005. С. 9). Торгаши – это англичане, герои – немцы. Зомбарт утверждает: «И мировая война 1914 года получает свое более глубокое всемирно-

историческое значение только как англо-германская война» (Зомбарт, 2005. С. 10). Памфлет Зомбарта вобрал в себя многие клише и стереотипы германских интеллектуалов относительно английского и западного духа и культуры в целом. Во всяком случае, Зомбарт едва ли первый на социокультурном уровне уловил центральный нерв противоречий Германии и Великобритании, который заключался в скрытой боязни немецких мандаринов превращения пока еще культурно традиционалистской Германии в политическую Англию. Неслучайно «сочинение Зомбарта о торгашах стало шедевром среди работ этого рода» (Рингер, 2008. С. 225).

Зомбарт принадлежал к направлению в германской гуманитарной мысли периода Первой мировой войны, которое условно называют культурмилитаризмом. Друг Зомбарта, один из основателей философской антропологии, философ и социолог Макс Шелер представлял несколько иное направление в «идеях 1914 года». Автор ряда известных эссе военных лет: «Гений войны» (1915), «Европа и война» (1915), «Война как совокупное переживание» (1916) и ряда других, Шелер исходил из идеи о том, что «война справедливая и священная (*bellum iustum*), потому что вытекает из европейского предназначения Германии, «единственного оплота и защиты европейского достоинства». Борьба Германии за существование – это борьба против азиатской угрозы, под которой он имеет ввиду прежде всего русский деспотизм и экспансионизм последних двух столетий» (Михайловский, 2015. С. 54). Поэтому война с Францией, по мнению Шелера, являлась войной несправедливой, так как он рассматривал Францию, наряду с Германией, хранительницей европейского духа. А вот война с Англией, представлялась Шелеру вполне справедливой, ибо, по его мнению, Великобритания само отделила себя от Европы. Другим положительным моментом войны Шелер считал рождение единого немецкого духа. «Но как бы то ни было, все это заключено в одну общую раму; все это, даже в величайшем размахе своих возможностей, регулируется и направляется в единую колею тем совокупным переживанием, совместным прохождением, проживанием сквозь то единственное, что зовется «Германией» вообще, что не является всего лишь нацией, всего лишь государством или империей; что является всем этим одновременно, но вместе с тем есть и нечто большее, чем всё это. Совокупное переживание, общая жизнь – существуют!», – писал он (Шелер, Война как совокупное переживание).

Апофеозом умонастроений «идей 1914 года» среди германских интеллектуалов стал знаменитый «шедевр германского славянофильства» (Парамонов, 1990) «Размышления аполитичного» (1918) Томаса Манна (Манн, 2015). Книга в буквальном смысле этого слова изобилует блистательными афоризмами, определениями, догадками, размышлениями о Германии и Западе, культуре и цивилизации, государстве и политике, консерватизме, либерализме и демократии и т. д. «Размышления аполитичного», стали квинтэссенцией германского консерватизма, через которые «можно кратко сформу-

лизовать идеальный образ нации в глазах немецких консерваторов, а также уточнить их представления о ее извечном враге – римском Западе» (Хряков, 2010. С. 19).

Необходимо отметить, что Манн, оставаясь и отстаивая патриотическую позицию, тем не менее, не изменил своему духу гуманизма. В отличие от того же Зомбарта, он с позиции «человека культуры» попытался объяснить свой патриотизм. Манн связал свою художественно-экзистенциальную позицию с положением Германии, чтобы оправдать справедливость «немецкой войны». В его понимании Первая мировая война – это война идей. Германия, под пером Манна, предстала главным транслятором и защитницей тех культурно-эстетических ценностей, которые он выражал в собственном творчестве, против механической, упрощенной, рационалистической и демократической цивилизации Запада, которую Манн понимал, в отличие от многих своих коллег германских интеллектуалов, достаточно широко как англосаксонский, романо-латинский тип и образ жизни. То, что Манн романтизировал вильгельмовскую Германию, в которой немецкий бюргер к началу войны превратился в немецкого буржуа, стремящегося к активизму, а не к романтическому созерцанию и размышлению, стало ясно ему самому уже после войны. Это, не в малой степени, обусловило в последующем его переход на сторону демократической Веймарской республики. Как писал известный современный исследователь германского правого радикализма Штефан Бройер, Германия к началу XX столетия отнюдь не страдала дефицитом буржуазности (Breuer, 1993. S. 25).

Иными словами: Томас Манн в «Размышлениях аполитичного» был прав, когда писал о романтической культуре, о достижениях немецкой культуры, но не прав, когда говорил о современной ему Германии, излишне романтизируя и мистифицируя ее. Например, цель войны, по Манну, заключалась в том, что Германия воюет только для того, чтобы сохранить свою национальную сущность и идентичность. Поэтому, он, Томас Манн, в любом случае остается патриотом. «Мне пришлось бы запереть рот на замок, ставить моему сражающемуся народу пацифистско-гуманистические палки в колеса, что ни слово объявлять войну преступлением Германии против духа; никакого ордена ни за какое эссе о Фридрихе я бы все равно не получил, но честь литератора была бы спасена. На такое я оказался не способен. И неспособность эта стяжала мне обвинение в том, что из честолюбия (пардон тщеславия) я-де проповедую «националистический катехизис» (Манн, 2015. С. 180).

Помимо интеллектуально-виртуозного обоснования патриотической позиции в годы войны, книга Манн имела еще одно важное значение для эволюции немецкого национализма и консерватизма. По мнению ряда исследователей, основу мировоззренческой и идеологической позиции германских консерваторов составляла их вера в возможность существования аполитичного общественного порядка, в котором политика была бы изгнана из бытия

или, по крайней мере, отдана в руки государства и его руководящей элиты (Bussche, 1998. S. 18). Такой подход германских консерваторов к пониманию политического свидетельствует, по утверждению автора, об изначальной иррациональности их мировоззренческих, идеологических и политических взглядов. Об иррациональности политических воззрений немецких консерваторов писал также известный политолог Курт Зонтхаймер (Sontheimer, 1992).

Таким образом, в германском консерватизме после 1918 года происходит процесс политизации иррациональности, которая была вызвана объективными условиями исторического развития Германии. В наиболее развернутом виде позиция аполитичности немецких консерваторов представлена у Т. Манна в «Размышлениях аполитичного». Отношение Манна к политике можно рассматривать как образец для всей элиты кайзеровского рейха (Bussche, 1998. S. 24). Основная мысль Манна, в трактовке Буше, заключалась в идее о том, что политика в западном ее понимании чужда немецкому народу и немецкой культуре. Любая демократия в Германии бессмысленна, так как она не принесет желаемых результатов, а немецкая аполитичная культура должна противостоять западной цивилизации. В этом Манн видел смысл войны (Bussche, 1998. S. 27). С данной точкой зрения нельзя не согласиться. Само название книги Манна красноречивое её свидетельство.

Первая мировая война стала важным фактором политической и социокультурной трансформации немецкого общества. Модернизационные процессы, скрывавшиеся какое-то время под покровом сугубо традиционалистских институтов германской империи, вышли в годы Первой мировой войны на передний план, показывая всю тяжесть общественного и социокультурного дисбаланса Германии. Пример «идей 1914 года», которые являются вершиной кризисного сознания, культурпессимизма в среде германских интеллектуалов, демонстрирует нам всю сложность и противоречивость германского общества. Поражение в Первой мировой войне, Ноябрьская революция 1918 года радикализировали умонастроения германских националистов и консерваторов, особенно молодое поколение так называемых фронтовиков и близких к ним по возрасту представителей правого политического лагеря Германии. Причем эта радикализация выразилась в попытке синтеза традиционализма и модернизма, что привело к созданию двух радикально-консервативных идейных и политических феноменов – «консервативной революции» и национал-социализма.

«Консервативная революция», одним из духовных лидеров которой по праву считается Шпенглер, собственно, и была попыткой того контрреволюционного протеста, о котором тайно грезил немецкое общество перед войной, особенно молодое поколение, увлеченное мистикой германской истории. «Консервативная революция» возникла на пике общественно-политического кризиса 1918 – 1919 гг. Поражение кайзеровского рейха в первой мировой войне, Ноябрьская революция, учреждение демократической Веймарской республики, Версальский мирный договор нарушили привычный жизненный

уклад немецкого общества и перевернули общественные представления немцев. В условиях краха идеологии традиционного германского консерватизма представители молодого поколения немецких консерваторов выступили против возвращения к традиционной форме консервативной идеологии и политики, что привело к появлению идеологии «консервативной революции», предпосылки которой формировались еще до войны.

Необходимо отметить, что в идеологии «консервативной революции» ситуационно соединились национальные мифы германской истории, понимаемые в духе витализма и иррационализма, культурпессимизма и политического романтизма. Но, в тоже время «консервативные революционеры обладали ясным пониманием не возможности удержать традицию в рамках добуржуазных общественных и экономических структур и в этом отношении они выступили апологетами различных версий «реакционного модерна». Поэтому, несмотря на апелляцию к традиционным ценностям, желанию позиционировать себя «истинными защитниками» немецкого духа, «консервативные революционеры» далеко вышли за рамки традиции. Это привело к трансформации как самого понимания традиции, так и трактовок ее существенных признаков.

В интеллектуальном и общественно-политическом контексте такого подхода проблема соотношения традиции, культурпессимизма и модерна в идеологии «консервативной революции» становится проблемой синтеза культуры и цивилизации ради претворения в жизнь проекта консервативного модерна. «Консервативные революционеры» не были едины в создании будущего желаемого общества «реакционного модерна». Да это было бы странно требовать от представителей движения, не обладавшего программным и политическим единством. Слишком разные были пути ее ведущих идеологов к тому феномену, который в конечном итоге получил название «консервативной революции». Кто-то шел к этому через традицию, кто-то через восприятие современности.

Таким образом, интеллектуальным и общественно-политическим взлёт-ом реакционно-модернистских настроений в Германии стали годы Веймарской республики и Третьего рейха. Веймарская республика представляла собой удивительный сплав футуризма и архаики в истории Германии. Нацистская диктатура, используя мощные силы модерна, направила их в разрушительное русло человеконенавистнической идеологии и практики, ради ложно понятой химеры национального возрождения².

Культурно-историческая и политическая концепция Шпенглера, получившая свой законченный вид в годы Веймарской республики, является одной из интеллектуальных вершин германского традиционалистского модернизма в форме «консервативной революции». По словам Жильберта Мерлио:

² Подробно о проблеме национал-социализм и модернизм см.: (Корнева, 2007).

«Шпенглеровская культуркритика является компендиумом консервативной критики культуры» (Merlio, 2009. S. 12).

1.2. Культурно-историческая и политическая концепция Шпенглера

В написанном в годы Первой мировой войны, первом томе своего главного труда «Закат Европы» (1918), Шпенглер выстраивает глобальную философско-историческую концепцию развития человечества. В основе этой концепции находилась одна из центральных идей немецкой гуманитарной мысли – идея борьбы западной цивилизации и немецкой культуры. Шпенглер выступал за сохранение традиций, но он пришел к выводу о том, что старые традиции были уже в значительной мере утрачены, и связь поколений разрушена. Как и консерваторы XIX века, Шпенглер рассматривал общество в качестве органического целого, однако существенным отличием его представлений об обществе от традиционного консерватизма является отсутствие опоры на религию. По его мнению, государство основывается на принципе «воли к власти» и не нуждается ни в какой-либо божественной санкции. В этом отношении Шпенглер выступил последователем своего духовного учителя Ницше.

Феномен «Заката Европы» имеет не только философско-историческую и культурологическую составляющую. Книга является образцом того, насколько зачастую тесно в германской гуманитарной мысли проходила связь между собственно научными изысканиями и теми идеологическими выводами, которые можно было сделать из них. Книга наглядно свидетельствовала, какие политические теории можно было вывести из казалось бы сугубо философского учения о закате культур. Впрочем, сам Шпенглер и не отрицал политический подтекст своей книги, выход который был приурочен к окончательной победе немецкого оружия в мировой войне (Шпенглер, 1993. С. 127), а замысел «Заката Европы» возник из политического очерка 1911 г., написанного им как отклик на текущие политические события (Шпенглер, 1993. С. 183).

Шпенглера, как политически ориентированного мыслителя, в первую очередь занимал вопрос о проявлении в духовных и материальных феноменах культуры выражения ее идеологической и мировоззренческой основы. Издателю Курту Вольфу он следующим образом характеризовал суть замысла «Заката Европы»: «Проблема формы духовного и социального развития сегодняшней Европы образует здесь сущность окончательного анализа человеческой культуры» (Felken, 1988. S. 40). В самой книге он более образно проговаривает эту мысль: «Становилось ясным, что политическая проблема не может быть понята из самой политики и что существенные черты, скрытые в глубинах, зачастую осязаемо проявляются лишь в сфере искусства, часто даже только в форме весьма отдаленных научных и чисто философских мыслей» (Шпенглер, 1993. С. 183).

В таком контексте «Закат Европы» является знаковой книгой, в которой отразился переход Шпенглера от политического традиционализма типичного для немецких консерваторов кайзеровской эпохи к радикализации

идейно-политических воззрений после поражения Германии в Первой мировой войне, Ноябрьской революции и учреждения буржуазно-демократической Веймарской республики. Эта разница особенно наглядно заметна в проблематике первого и второго томов (вышел из печати в 1922 г.). Если в первом томе политика присутствует подспудно, как бы на заднем фоне философско-исторических размышлений Шпенглера, то во втором – политика и все, что ей сопутствует, становится едва ли не главным предметом рассуждений Шпенглера. При этом в первом томе Шпенглер предстает как консервативный мыслитель традиционалистского типа, хотя и с известными оговорками, то второй том являет нам во многом политического радикала, признанного духовного и интеллектуального вождя, стремительно набирающего популярность в национально ориентированных и патриотических настроенных кругах Веймарской Германии феномена «консервативной революции».

Будучи сторонником идеи несовместимости немецкой культуры с западной цивилизацией, Шпенглер отверг итоги Ноябрьской революции в Германии. Учреждение буржуазно-демократической Веймарской республики он воспринял как предательство исторических, культурных и национальных традиций германской государственности. Республика означала для Шпенглера крушение прусской государственно-политической традиции. В данном политическом контексте рассуждений Шпенглера о мировой истории, культурно-историческая концепция «Заката Европы» стала едва ли не главным идеологическим оружием Германии после войны. Сама идея возвращения к культурно-историческим типам, казалось бы, забытым в европейской философско-исторической мысли, вызвала неподдельный интерес у широкой публики. Циклическая концепция истории, предложенная Шпенглером, явно не вписывалась в контекст господствующего европоцентризма западной гуманитарной мысли начала XX столетия. Шпенглер, сам того не желая, обнажил кризисные точки развития западной цивилизации и показал ограниченность и конечность любого исторического процесса в пространстве и времени.

Особенно это касалось главного вывода Шпенглера о наступлении цивилизации и «Закате Европы». Высшей точкой упадка и разложения культурно-исторических типов становится для Шпенглера цивилизация, которую он называет последней стадии существования культур. В этом и заключалась основная идея первого тома: показать на грандиозных исторических примерах судьбу западной (фаустовской) культуры, входящей в стадию цивилизации, которая неизбежно должна была закончиться ее распадом. Естественно, что в условиях поражения Германии в Первой мировой войне и общего духа культурпессимизма в послевоенной Европе, фаталистическая философия истории Шпенглера вызвала большой интерес в широких слоях общества. В Германии книгу называли «духовным наркотиком» горечи поражения.

В своей манере критики культуры и цивилизации «Закат Европы» идет в русле популярного философского направления начала столетия философии

жизни, к которой принадлежал Шпенглер как мыслитель, и отличается склонностью рассматривать формирование интеллектуального характера человека Нового времени, с его регулярностью, точностью и субординацией. Это воспринималось как процесс, параллельный упадку душевной стороны человеческого существа, расщеплению и отчуждению целостной личности, как она сложилась еще до развития промышленного производства в XIX в. Именно философия жизни в Германии стала центром иррационалистических тенденций в гуманитарной мысли, которые в политической плоскости находились между традиционалистским консерватизмом кайзеровского рейха и новыми подходами к жизни, которые иногда соседствовали с откровенной реакцией.

Исходя из логики философии жизни, определявшей главными категориями познания не строго формализованные понятия, а проявления субстанции продуктов человеческой деятельности, главным объектом культурно-исторической концепции Шпенглера стала культура, понимаемая как некое пространственное образование. Культура подобна живому организму и проходит все стадии живого организма. «Культуры суть организмы», – утверждает Шпенглер (Шпенглер, 1993. С. 262). При этом Шпенглер разделяет идею культуры «совокупность ее внутренних возможностей» (Шпенглер, 1993. С. 262) и зримое чувственное проявление культуры в картине истории. Таким образом, история у Шпенглера неотъемлемая часть человеческой культуры, более того главная часть, в которой отражается и выражается весь ход культуры. Если культура и ее важнейшая составляющая часть история обладают ритмом биологического развития, то Шпенглер полагает, что для их изучения вполне пригодны методы познания динамичных систем, например биологии. «Средство для познания мертвых форм – математический закон. Средство для понимания живых форм – аналогия», – пишет он (Шпенглер, 1993. С. 129). Поэтому свой метод изучения культуры и истории Шпенглер называет морфологией всемирной истории.

Из такого понимания культуры и истории вытекает другая принципиальная теоретико-методологическая установка Шпенглера – противопоставление истории и природы. Говоря о морфологии всемирной истории, Шпенглер, тем не менее, четко различает внешнюю и внутреннюю логику жизненного мира культуры, истории и природы. Биологические ритмы природы депсихологизированны то есть не являются продуктом культурной рефлексии. В методологии автора «Заката Европы» данный феномен обозначается двумя ключевыми понятиями «мир–как–история» и «мир–как–природа». Шпенглер отделял «механическое восприятие мира от органического, совокупность гештальтов от совокупности законов, образ и символ от форумы и системы, однократно-действительное от постоянно-возможного, цель планомерно упорядочивающей фантазии от цели разлагающего опыта...» (Шпенглер, 1993. С. 131 – 132). Природа, по мнению Шпенглера, это гештальт, который помогает человеку осознать свое место в физическом мире. История –

это гештальт, который помогает постичь человеку живое бытие мира по отношению к собственной жизни. «Так проясняются перед нами принципы *гештальта* и *закона* в качестве двух основных элементов всякого мирообразования» (Шпенглер, 1993. С. 253). Природа – ставшее, история – становящееся. В понятиях «природы» и «истории» для каждого человека, согласно Шпенглеру, «противостоят друг другу две крайние возможности упорядочения окружающей его действительности в картину мира» (Шпенглер, 1993. С. 250).

Как пишет Б. В. Подорога, природа, по Шпенглеру, определяет человека как консервативного агента культурного единства, история дает ему возможность собственной легитимации «оправдывающую его стремления к утверждению собственной необходимости и общезначимости» (Подорога, 2015. С. 4). Иными словами: природа – это мертвая субстанция, история и культура – это живая, постоянно изменяющаяся субстанция. «История и природа противостоят в нас друг другу, как *жизнь* и *смерть*, как *вечно становящееся время* и *вечно ставшее пространство*» (Шпенглер, 1993. С. 321). История не подчиняется, как природа, принципу причинности, ее удел – судьба. Законы естествознания не распространяются на постижение истории.

Хотя в этом подходе Шпенглера заключен великий парадокс его культурно-исторической концепции, будучи убежденным противником переноса законов естествознания на изучение культуры и истории, он в своей морфологии всемирной истории уподобил жизнь культуры биологическому ритму. Сложно сказать, что двигало Шпенглером в данном случае, то ли остаточные влияния позитивизма, то ли, наоборот, некая пародия на позитивистскую методологию истории. Во всяком случае, судя по многочисленным страницам первого тома «Заката Европы», Шпенглеру стоило не малого труда обосновать такую теоретико-методологическую позицию, которая, тем не менее, в дальнейшем подверглась острой критике со стороны профессионального научного сообщества.

Всемирная история в том виде, который сложился в западной исторической науке, эта картина человечества, стоящая перед глазами западного человека. Шпенглер отвергает европоцентристскую историческую схему древний мир – средние века – новое время и предлагает рассматривать историю через призму существования локальных культур. Всего, по мнению Шпенглера, в истории человечества существовало восемь культур: египетская, вавилонская, китайская, греко-римская, византийско-арабская, майя, индийская и западноевропейская. Каждая культура подчинена жесткому циклу исторического развития, который Шпенглер определил примерным временным сроком в 1000 лет. Каждая культура проходит в своём развитии стадии рождения, расцвета и гибели. Каждая культура обладает суммой присущих только ей особенностей, которые выражаются в философии, искусстве, науке, экономике, политике и т. д. Каждая культура выражается в так называемом прафеномене, вбирающим в себя все ее особенности. Представитель одной куль-

туры не может до конца постигнуть прафеномен другой. Поэтому культуры замкнуты и не проницаемы друг для друга. Но поскольку биологический ритм жизни присущ каждой культуре, то используя метод аналогий, можно проследить судьбу каждой культуры. Из существующих к началу XX столетия локальных культур жива только западноевропейская, или как определял ее Шпенглер, фаустовская культура, которая вступила в свою завершающую фазу развития – стадию цивилизации.

Главная идея «Заката Европы», ради которой, собственно, Шпенглер и написал свой труд, заключается в переводе анализа политической и мировой ситуации начала XX столетия на язык исторической мифологии, а именно: введения через свою культурно-историческую концепцию термина «цивилизация», в котором, по мнению Шпенглера, отражаются все глобальные социокультурные, политические, социально-экономические проблемы и противоречия Запада. Это намерение Шпенглер выражает уже в первой фразе введения к своему труду: «В этой книге впервые делается попытка предопределить историю» (Шпенглер, 1993. С. 128). Речь, согласно Шпенглеру, идет о том, чтобы проследить судьбу единственной оставшейся, по его мнению, культуры в мировой истории – западноевропейской-американской культуры. Отталкиваясь от первоначального замысла работы, политического очерка посвященного текущим проблемам современности, в частности надвигающейся мировой войны (Шпенглер, 1993. С. 183), Шпенглер приходит к выводу о том, что понять современные ему политические проблемы, можно только исходя из исторической ретроспективы. Но академическая история с ее рационализмом его не устраивала. Таким образом, задача первоначально, связанная с трактовкой современной Шпенглеру политики, выросла до возможности построения новой философии истории.

Цивилизация, в представлении Шпенглера, заключительная стадия существования культуры. Поэтому по аналогии, рассмотрение цивилизации мертвых культур, может прояснить характерные черты цивилизации фаустовской культуры. «Гибель Запада, рассмотренная таким образом, означает не больше и не меньше как *проблему цивилизации*» (Шпенглер, 1993. С. 163). У каждой культуры есть своя цивилизация. «Цивилизация – неизбежная *судьба* культуры. Здесь достигнут тот самый пик, с высоты которого становится возможным решение последних и труднейших вопросов исторической морфологии» (Шпенглер, 1993. С. 163). Цивилизация разрушает традиционную основу культуры, базис которой составляет мистический и почвеннический прафеномен, и выпускает на свет силы космополитизма, экономики, денег, политики, цезаризма и т. д.

Цивилизация зима культуры, ее закат. Характерными чертами цивилизации являются: безрелигиозность, скептицизм, культ пользы и счастья, космополитизм, мировой город, который давит провинцию, воля к мировому могуществу, физическому покорению земной поверхности, власть четвертого сословия, к которому Шпенглер относил и буржуазию. Важнейшей чертой

цивилизации является империализм и создание мировых империй. Вместо органического человека культуры возникает новый тип личности – городской кочевник, обитатель большого города, оторванный от традиций, иррелигиозный, интеллигентный человек «массовой культуры». Религией такого человека на стадии цивилизации в разных культурах становятся сугубо прагматические и утилитарные доктрины: буддизм, эллинизм, социализм. Мастер исторических аналогий и сравнений Шпенглер отмечает: «Переход от культуры к цивилизации происходит в античности в IV веке, на Западе – в XIX веке» (Шпенглер, 1993. С. 164).

Таким образом, понятие «цивилизации» является системообразующей теоретико-методологической и идейной конструкцией «Заката Европы». Характерно, что в трактовке этого понятия, которая явно выходила за границы западной гуманитарной и в целом общественно-политической традиции, критики Шпенглера обвиняли в чрезмерном пессимизме его исторической перспективы. Однако критики культурно-исторической концепции Шпенглера в первую очередь уличали автора «Заката Европы», и во многом вполне справедливо, в историческом дилетантизме, не обращая внимания, за редким исключением, на те реальные процессы и проблемы, которые сумел выявить Шпенглер. Между тем, культурно-историческая концепция Шпенглера была попыткой преодоления традиций германского исторического и политического мышления. Недаром первый том «Заката Европы» иногда называют началом «консервативно революционного» движения в Веймарской республике.

В этой связи показателен первый ответ Шпенглера своим критикам в эссе «Пессимизм ли это?», опубликованном в 1921 г. в «Прусском ежегоднике». По мнению Шпенглера, следует отказаться от романтического мировосприятия истории и политики. Используя терминологию Ницше, он называет подобный подход исторической болезнью (Шпенглер, 1991. С. 176). «Мы – немцы – с 1870 года страдали от этого больше, чем всякий другой народ. Разве мы не обращались повсюду – к древним германцам, рыцарям Крестовых походов, грекам Гельдерлина, когда мы хотели узнать, что делать в век электричества?» (Шпенглер, 1991. С. 176). И далее: «Историческая болезнь лежит еще и в немецком идеализме и гуманизме наших дней...» (Шпенглер, 1991. С. 176). Консерватор и традиционалист Шпенглер понимал ограниченность традиционного немецкого романтизма, выраженного в различных феноменах германской культуры.

Шпенглер, таким образом, четко обозначает идейный водораздел между традиционным немецким консерватизмом и ценностными, идейными и политическими установками, нарождающейся «консервативной революции». Но об этом чуть ниже. В данном контексте критики Шпенглером немецкого романтизма нельзя не упомянуть книгу 1919 г. другого виднейшего представителя «консервативной революции» Карла Шмитта «Политический романтизм». Шмитт поднял эту тему еще в 1919 г. Романтизм, по мнению Шмитта, не может придать подлинную нормативность действия и решения в политике.

Шмитт подвергает критике воззрения немецких романтиков за то, что они сводили политику к пустопорожнему (вечному) разговору, который означал лишь поверхностное снятие противоречий между противоборствующими субъектами (классами или сословиями) в некоем абстрактном «третьем», которым могли стать государство, нация, церковь все что угодно: «Такие слова и впечатления, как «трансцендентальный», «тотальность», «культура», «жизнь», «традиция», «длительность», «аристократия», «государство», «Церковь», обосновываются такими суждениями, которые сами опять-таки конституируются из оформления аффекта. Все это – резонерствующий резонанс, в котором слова и аргументы переплавляются в лирическую философию государства, в поэтическую науку о финансах, в музыкальную агрономию» (Шмитт, 2015. С. 188). Перефразируя Шпенглера, следует сказать, что немецкий романтизм равно как и его порождение немецкий идеализм были главными историческими болезнями Германии, которые «революционные консерваторы» намеривались вылечить.

Как мы отмечали выше, феномен «консервативной революции» возник на стыке различных философских, идейных и политических течений. Однако главной качественной ее характеристикой стала попытка синтеза традиционализма и модернизма в общем социокультурном разрезе послевоенного духовного и ценностного кризиса в Германии. Критика Шпенглером и Шмиттом традиционного немецкого романтизма и консерватизма на первой стадии становления «консервативной революции» уже была важным маркером размежевания «старых» и «новых» консерваторов. Исследователи идей «консервативной революции» стремились выявить ее структурную преемственность с немецким консерватизмом XIX в., но, в тоже время, подчеркивали ее новаторский, современный характер по отношению, например, к немецкому консерватизму кайзеровской империи.

Поэтому для того чтобы получить целостную картину идейно-теоретических аспектов политической концепции Шпенглера и понять ее место в структуре «консервативной революции» необходимо выделить ее главные идейно-теоретические категории и сравнить их трактовку у Шпенглера и других теоретиков «революционного консерватизма». К числу таких политических категорий относят понятия: «социализм», «нация», «народ», «государства», «империя». Системообразующими идеями всех политических концепций «консервативных революционеров» составляло их представление о государстве и понимание национализма. Несмотря на определенные различия во взглядах «консервативных революционеров» на государство в целом, в государственно-правовой доктрине «революционного консерватизма», несомненно, имелись черты сходства. Государство в представлении «консервативных революционеров» должно было быть сословно-корпоративным, надпартийным, основанным на принципе реализации народной воли («органическая демократия»), имеющим силу и авторитет, чтобы отстаивать свои интересы как внутри, так и вовне его. По мнению К. Зонтхаймера, для «консерва-

тивных революционеров» идея государства была тождественна идее авторитарного государства (Sontheimer, 1992. S. 195). Что касается национализма: то как отмечал британский исследователь немецкой «консервативной революции» Роджер Вудс, «консервативные революционеры» позиционировали свои идеи как национализм нового типа, связанный с опытом Первой мировой» (Вудс Р. URL: <http://gefter.ru/archive/18362>). От себя добавим, они стремились преодолеть узкоклассовые интересы национализма кайзеровской эпохи, и брали за основу своего «нового национализма народ и нацию в целом.

Существует также другой ряд категорий, относящихся к мировоззренческой составляющей «консервативной революции». «Консервативные революционеры» подводили под свои политические взгляды широкую и разнообразную философскую базу, например, та же культурно-историческая концепция Шпенглера, без которой невозможно понять его политическую концепцию. По верному замечанию Буше, политизация аполитичных немецких консерваторов проходила под воздействием различных философских, политических, социальных концепций (Bussche, 1998). Признавая важность данного ряда категорий, мы отсылаем читателя к книге А. Молера, в которой автор дал хороший анализ мировоззренческих основ «консервативной революции» (Mohler, 1950; Молер, 2017), и сосредоточим внимание через политическую концепцию Шпенглера на политических категориях «консервативной революции». Для упрощения схемы анализа, мы будем следовать хронологии произведений Шпенглера.

В разработку концепции «прусского социализма» Шпенглер внес выдающийся вклад. В написанном, как непосредственный отклик на события и последствия Ноябрьской революции, политическом эссе «Пруссачество и социализм» (1919 г.) были намечены главные идеи, формирующегося «консервативно-революционного» движения, о чем Шпенглер в последствии не без гордости писал (Spengler, 1932. S. VII). С другой стороны, по замечанию биографа и исследователя творчества Шпенглера А. М. Коктанека, политические работы Шпенглера являлись не просто его реакцией на текущие политические события, но и практическим применением его философии истории (Koktanek, 1968). Если первый том «Заката Европы» большинство будущих «консервативных революционеров» восприняли неоднозначно, то значение «Пруссачества и социализма» для становления идеологии «консервативной революции» в Веймарской Германии трудно переоценить. Трудно не согласиться с мнением Р. фон Буше о том, что интеллектуальный вклад Шпенглера в придание германскому консерватизму новой идейно-ценностной легитимации весьма значителен (Bussche, 1998. S. 129). Пожалуй, наиболее рельефно значение «Пруссачества и социализма» для развития «консервативно-революционной» мысли Веймарской Германии выразил другой видный представитель «консервативной революции» Э. Юнгер, который в 1932 году написал на предназначенном лично для Шпенглера экземпляре только вы-

шедшего своего «Рабочего»: «Освальду Шпенглеру, выковавшему после разоружения Германии первое новое оружие» (Felken, 1988. S. 114).

Проблема определения и трактовки социализма являлась одной из основных в творчестве Шпенглера. В первом томе «Заката Европы» он попытался обосновать свое понимание этого духовного и политического феномена истории Запада XIX – XX вв. «Социализм есть ставшее иррелигиозным фаустовское жизнечувствование» – писал Шпенглер (Шпенглер, 1993. С. 546). Социализм в понимании Шпенглера являлся этическим кодексом фаустовского человека эпохи цивилизации, еще не растерявшего свою жизненную активность. Он отверг экономическую трактовку социализма и наполнил понятие «социализм» этическим содержанием. «Этический социализм – это в пределе достигаемый максимум определенного жизнечувствования, находящегося под аспектом целей» (Шпенглер, 1993. С. 550). Социализм, по мнению Шпенглера, это – «система воли к власти» (Шпенглер, 1993. С. 550). Шпенглер делает вывод о близости принципов этического социализма с прусским духом, основными чертами которого были: право на труд, долг и воля к власти. Таким образом, уже в первом томе «Заката Европы» содержались основные компоненты шпенглеровской концепции «прусского социализма».

Концепция «прусского социализма» получила у Шпенглера более или менее окончательное оформление еще в период Ноябрьской революции. В письме своему близкому другу Г. Клерису от 18 декабря 1918 года он писал: «То, что желает реализовать сегодня социализм, является точно тем, чего давно хотело сделать государство Гогенцоллернов: организацию производства, государственное транспортное сообщение, служение индивидуума государству; иными словами: формирование антилиберальных и авторитарных форм государства» (Spengler, 1963. S. 112). В другом письме Г. Клерису от 27 декабря 1918 года Шпенглер развил свою мысль относительно возможного синтеза консерватизма и социализма: «Поистине, наше будущее заключено, с одной стороны, в прусском консерватизме, после того как он полностью очистится от феодально-аграрной ограниченности, с другой стороны – в трудящихся, после того как они сами освободятся от анархо-радикальных масс» (Spengler, 1963. S. 113).

Шпенглер начинает «Пруссачество и социализм» с утверждения о том, что необходимо «освободить немецкий социализм от Маркса, так иного не существует» (Шпенглер, 2002. С. 9). Он призывает объединить старопрусских дух и социалистический образ мышления, ибо немцы, по его убеждению, являются социалистами. Главные предпосылки Ноябрьской революции он усматривал во влиянии двух факторов: деятельности проанглийски настроенных элементов в правящей элите кайзеровской Германии и в восстании в ноябре 1918 г. марксистки настроенного пролетариата (Шпенглер, 2002. С. 17). Не обходит вниманием Шпенглер и роль радикальной интеллигенции в идейной подготовке революции. Ноябрьскую революцию свершил, по его

мнению, не народ, а «негодный сброд во главе с отбросами интеллигенции» (Шпенглер, 2002. С. 17).

Как полагал Шпенглер, немцы изначально были глубоко антиреволюционным народом, приверженным к дисциплине и порядку (инстинктивными социалистами), подлинная социалистическая революция в Германии произошла в августе 1914 года благодаря военному единению нации (Шпенглер, 2002. С. 21). То же, что случилось в ноябре 1918 года, являлось ни чем иным как восстанием «четвертого сословия» – массы, интересы которой расходились с интересами немецкого общества (Шпенглер, 2002. С. 23). «Четвертое сословие» усвоило чуждые немецкой традиции демократические формы мышления и присвоило социалистическую идею себе. Немецкая революция возникла из теории, а не в результате жизненных потребностей немцев. «Немецкий, точнее, прусский инстинкт говорил: власть принадлежит целому» – писал Шпенглер по поводу раскола общественного мнения Германии в ходе революции (Шпенглер, 2002. С. 24).

Характеризуя социализм как начальную стадию цивилизации фаустовского культурно-исторического типа, Шпенглер исходил из концептуально-теоретических построений «Заката Европы». Три народа фаустовской культуры в ходе развития своего исторического и политического бытия в полной мере воплотили идею социализма: немцы, англичане и испанцы. Идейный и смысловой центр «Пруссачества и социализма» – трактовка Шпенглером противопоставления Пруссии и Англии как максимума и минимума «сверхличной государственной социалистической идеи, государства и его отрицания». Английский дух, исторический и политический опыт являются воплощением либерализма, прусский – дисциплины, солидарности и чувства долга. «Каждый за себя – это по-английски; все за всех – это по-пруски» (Шпенглер, 2002. С. 56). Характерна в этой связи оценка Шпенглером возможностей демократии в Англии и Германии: «Демократия в Англии означает возможность для каждого стать богатым, в Пруссии же – возможность для каждого достигнуть высшей ступени общественной лестницы» (Шпенглер, 2002. С. 71). Противопоставляя прусский (немецкий) и английский дух, Шпенглер вводит в оборот свои знаменитые образы-символы тевтона (рыцаря-служителя ордена) и викинга (разбойника-добытчика).

Противоположны не только жизненные ценности, но и хозяйственный уклад обеих народов. От викингов произошел тип свободного торговца, от рыцаря – чиновника-администратора (Шпенглер, 2002. С. 82). Если немец чтит экономический авторитет государства, то англичанин в экономической деятельности надеется только на свои силы, что обусловило специфику немецкого и английского капитализма. Хозяйственный уклад, который называется капитализмом, достиг в Англии, по мнению Шпенглера, высшей степени развития. Копировать экономические и политические формы английского капитализма в Германии бессмысленно. На страницах «Пруссачества и социализма» Шпенглер неоднократно проводил мысль о том, что германский

либерализм был карикатурой английского. Жесткая критика Шпенглером традиций английского капиталистического этоса не случайна. Он, как и большинство «консервативных революционеров», был антилиберально и антикапиталистически настроен. Антилиберальные политические взгляды ведущих идеологов «консервативной революции» привели их к идее глубокого кризиса капитализма и буржуазного общества в целом. Как полагал Шпенглер, в системе «пруссского социализма» финансовый капитализм и марксизм должны быть в одинаковой мере преодолены.

Какое место, согласно Шпенглеру, занимал марксизм в грандиозной метафизической и политической борьбе двух великих народов фаустовской культуры? По его мнению, Маркс превратил исторически-национальное своеобразие английского классового общества и британской социально-экономической структуры в универсальные категории. Наоборот, прусское социальное сознание является не классовым, а сословным. В своей теории социализма К. Маркс заимствовал лишь внешние проявления прусской идеи: дисциплину, сплоченность, организацию. Труд для Маркса выступал в качестве товара, а не обязанности (Шпенглер, 2002. С. 120). Шпенглер надеялся на то, что в будущем «пруссский социализм» вытеснит марксизм из общественного сознания.

С. В. Артамошин отмечает, что пример концепции «пруссского социализма» Шпенглера позволил «консервативным революционерам» начать работу над разработкой модели социализма альтернативной социал-демократической (Артамошин, 2018. С. 266). Идею Шпенглера о социализме, как возможной государственной формы будущего германского рейха, продолжил второй значительный представитель идеологии «консервативной революции» Артур Мёллер ван ден Брук. В отличие от Шпенглера, Мёллер не был сторонником противопоставления германского и английского духа. Мёллер понимал социализм как общество равных возможностей с ярко выраженной национальной компонентой. Таким образом, он изъясил из марксистского социализма его интернациональное содержание и заменил национальным (Артамошин, 2018. С. 266 – 267). Мёллер вообще считал пролетарский интернационализм марксизма материалистической утопией (Мёллер ван ден Брук, 2009. С. 134), плодом века Просвещения, либерализма, рационализма, плоского материалистического понимания истории. Знаменитое определение Мёллера социализма гласит: «У каждого народа – свой собственный социализм» (Мёллер ван ден Брук, 2009. С. 167). Мёллер говорит о том, что под «немецким социализмом» следует понимать не демократический социализм и марксистский коммунизм, а «корпоративную идею о государстве и экономике, которую, скорее всего, в жизнь должен воплотить консервативно настроенный революционер» (Мёллер ван ден Брук, 2009. С. 169). «Немецкий социализм» очищенный от марксизма и либерализма, нацеленный на создание социального государства. «Немецкий социализм не является первейшей

задачей Третьего рейха. Он должен быть его фундаментом» (Мёллер ван ден Брук, 2009. С. 171).

Проблема социализма являлась одной из основных в идеологии «консервативной революции» не только в ее правом варианте (Шпенглер и Мёллер), но и в ее левом крыле – революционных националистов Эрнста Юнгера и национал-большевиков Эрнста Никиша – вопрос о социализме в его национальном варианте был едва ли не главным. Идейный лидер революционного национализма (нового национализма) Юнгер, характеризуя его суть, писал: «Краеугольные камни в здании националистического государства – национализм в чистом виде, социализм, обороноспособность и авторитарная структура» (Юнгер, 2008. С. 103). В обширном философском эссе «Рабочий. Господство и образ» (1933 г.) в образе Рабочего Юнгер создал законченный тип социального рабочего государств, которое, по его мнению, должно прийти на смену буржуазному бюргерскому государству (Юнгер, 2000).

Суть национал-большевистской концепции Никиша заключалась в создании геополитического союза Германии и Советской России, под руководством Германии. По мнению Никиша, если перед Веймарской Германией стоял геополитический выбор, то он должен был однозначно решиться в пользу Востока, а не Запада, в пользу Советской России, а не Антанты. Стратегия журнала Никиша «Соппротивление» была призвана разрушить мосты, соединяющие Германию с буржуазным обществом. В этом сказывалась левая политическая основа взглядов Никиша и в этом заключалась идейная основа немецкого правого национал-большевизма. Большевистская Россия являлась для Никиша «центром антиверсальского мира» (Никиш, 2012. С. 236). Никиш был готов скопировать и перенести в Германию государственную систему СССР, но вместо лозунга «пролетарской классовой борьбы» он предлагал лозунг «национальной классовой борьбы». В национал-большевистской идеологии ортодоксально-марксистская идея о «пролетарской организации класса» уступает место идее о «национальной пролетарской организации всего народа, всей нации». Образцом для такой социальной организации общества и государства были для Никиша прусские традиции.

Политическое эссе «Пруссачество и социализм» было написано Шпенглером в период работы над вторым томом «Заката Европы». Вышедший из печати в 1922 г. этот том в полной мере представил публике политическую концепцию Шпенглера. Во втором томе «Заката Европы» Шпенглер обратился к философско-историческому обоснованию своих консервативных политических взглядов. По существу главная тема второго тома – это политика во всех ее проявлениях: в истории, государстве и обществе. Шпенглер бесхитростно ставит политику в центр исторического развития, космического течения жизни. «Политика в высшем смысле – это жизнь, и жизнь – это политика» – пишет он (Шпенглер, 1998. С. 354), а политическая история имеет преимущество перед другими сферами исторического бытия.

Анализируя политическую историю, Шпенглер возвращается к противопоставлению цивилизации и культуры через оценку роли в истории социальных сословий, которые, по его мнению, являются отображением метафизического момента в истории (Шпенглер, 1998. С. 365). Создателями и носителями культуры в истории, по Шпенглеру, выступают дворянство и духовенство. Именно в этих двух сословиях сосредоточен смысл исторического процесса. Творческая сила дворянства вырастает из кровной связи с землей. Поэтому сама судьба и история предназначили дворянству руководство государством. Позитивно оценивает Шпенглер и крестьянство, которое как сословие кровно связано с землей и поэтому также является носителем культуры. Разрушение культуры начинается с появлением крупных городов. Шпенглер выделяет два типично городских сословия эпохи заката культуры и наступления цивилизации – буржуазию и городской плебс или «массу» (четвертое сословие). Но если буржуазия в понимании Шпенглера сохраняла хоть какую-то часть культуры, то городской плебс был ее непосредственным могильщиком. С наступлением цивилизации сословия гибнут, а борьба за власть происходит между диктаторами (цезарями). В этой связи Шпенглер отрицательно оценивал роль демократии.

В этой связи Шпенглер обращается к оценке места и роли государства в истории. «Всемирная история – история государств», – утверждал он (Шпенглер, 1998. С. 385). Особенность консервативного понимания государства у Шпенглера состоит в его морфологическом подходе, в стремление рассматривать государство в исторической динамике. Государство для Шпенглера является естественной формой исторического существования народа, такой как для отдельного рода – семья. Народ и род выступают у Шпенглера «единицами» истории, причем род – это наименьшая, а народ – наибольшая единица в потоке истории.

Здесь необходимо осветить вопрос об отношении Шпенглера к понятиям «народ», «нация» и «раса». Признавая тезис о том, что всемирная история – есть история народов, Шпенглер призывал обратить пристальное внимание на роль человека в космическом потоке истории. В этом случае, как нам представляется, Шпенглер стоял у истоков антропологического поворота в истории. Единство отдельных личностей в истории в народе создает язык. Дальнейший этап – это нация, которая формируется через государство. И наконец, раса, которую Шпенглер в духе своей философии жизни через историю определял, как нечто космическое и душевное. Шпенглер не придает значение размерам черепа, главную роль в принадлежности того или иного индивидуума к расе играет, по его мнению, культура ландшафт, чувство «крови и почвы». Шпенглер не был расистом в классическом смысле этого слова.

Особенности государства определялись особенностями народа и культуры, в соответствии с этим государство понималось им как органический индивидуум, в котором единичная воля подчинялась общей (что, собственно,

было в духе индивидуализации исторических феноменов как в немецком историзме). Проблема стабильности государства – это вопрос о его внутреннем авторитете, который зависел не от конституции, а от работы правительства и авторитета вождя. Государственно-образующим сословием, по Шпенглеру, было дворянство, державшее государство «в форме». Таким образом, истинным порождением культуры и, соответственно, подлинным государством могло быть, по мнению Шпенглера, только сословное государство.

С наступлением цивилизации и приходом буржуазии к политической власти авторитет государства начинает падать. На место традиционного представления о государстве приходят частные интересы, материальные ценности и власть денег. Наступает эпоха ненавистной Шпенглеру демократии с ее парламентаризмом и господством партийных интересов, коррупцией и манипуляцией общественным сознанием. Демократия верный признак и начало упадка и гибели культуры. Для Шпенглера государственная мысль была тесно связана с личностью вождя. Демократические формы правления он понимал как проявление политической деградации.

Прямым порождением демократии стал парламентаризм. Шпенглер считал парламентаризм «продолжением буржуазной революции иными средствами» (Шпенглер, 1998. С. 441). Парламентаризм лишен глубины и прошлого. Парламентская форма государственного правления создает иллюзию народного представительства, но в действительности центр тяжести большой политики смещается в сторону корпоративных интересов воротил финансовой олигархии. С распадом парламентаризма государство в эпоху цивилизации вступает в свою заключительную стадию – стадию цезаризма; господства сильной харизматической личности, но лишенной культурно-исторической детерминации. «Цезаризмом я называю такой способ управления, который, несмотря на все государственно-правовые формулировки... бесформен по своему внутреннему существу», – характеризовал Шпенглер последнюю стадию существования государства в истории (Шпенглер, 1998. С. 459). Цезарь одновременно выступает могильщиком демократии, парламентаризма, либерализма и создателем мировой империи.

Обращается Шпенглер во втором томе «Заката Европы» к проблемам трактовки вопросов экономики. Исходя из принципа морфологического понимания жизни и истории, Шпенглер пишет: «Экономическое мышление и деятельность – эта одна сторона жизни, получающая неверное освещение, стоит только начать рассматривать ее как самостоятельную разновидность жизни» (Шпенглер, 1998. С. 496). Тем самым, он выразил сомнение в оправданности существования политической экономии как науки, особенно в ее английском варианте. В своем подходе к объяснению экономической жизни Шпенглер следует традициям консервативной немецкой школы национальной экономии, которая выводила специфику экономической жизни из национально-исторических традиций народов. Он углубляет подобный подход и в своей виртуозной морфологической интеллектуальной отточенности доводит

его до логического завершения, формулируя в чеканном тезисе «всякая экономическая жизнь есть выражение душевной жизни» (Шпенглер, 1998. С. 498), отношение «консервативных революционеров» к проблемам экономики. Шпенглер выступил с претензией на то, что его взгляды на экономику находятся по ту сторону капитализма и социализма. Политика и экономика – две стороны космического потока истории.

Во втором томе «Заката Европы» Шпенглер одним из первых среди «консервативных революционеров» поднимает актуальную и волнующую для них тему – тему техники. Техника, по Шпенглеру, имеет тот же возраст, что и свободно движущаяся в космическом пространстве жизнь. Происхождение техники Шпенглер объясняет желанием человека соперничать с природой, его стремлением к подражанию с помощью наличных средств и предметов природе. В силу своей специфики фаустовская культура достигла подлинного мастерства в изобретении и применении техники. Вершиной этого развития стала техника эпохи цивилизации фаустовской культуры. «Крестьянин, ремесленник и даже купец оказались вдруг чем-то малозначительным рядом с тремя фигурами, которых вывела на свет и воспитала машина на пути своего развития: предпринимателем, инженером, фабричным рабочим» (Шпенглер, 1999. С. 535). И далее Шпенглер, касаясь оценки техники в период современной цивилизации, выдвигает идею, которая в гуманитарной мысли XX столетия неоднократно поднималась и дискутировалась. Он говорит о том, что современная техника оторвалась от своего создателя, а ее сущность становится все более эзотерична. Западная философия техника в прошедшем веке много раз возвращалась в этой идее Шпенглера, достаточно назвать имена Мартина Хайдеггера, братьев Эрнста и Фридриха Юнгеров. У Шпенглера тема техники получила своё продолжение в очерке 1931 г. «Человек и техника» (Шпенглер, 1995).

Во втором томе «Заката Европы» Шпенглер затронул большинство тем, разрабатываемых в дальнейшем идеологами «консервативной революции» в своих многочисленных трудах. Мы не будем подробно останавливаться на анализе этих идей, отсылая читателя к монографии С. В. Артамошина (Артамошин, 2018). В данном случае, в контексте сравнения политической философии Шпенглера с основными идейно-теоретическими аспектами идеологии «консервативной революции» необходимо сказать, что апелляция к идее авторитарного, национального, корпоративно-сословного государства была характерна для основных проектов государственного устройства Германии, выдвинутых «консервативными революционерами»: «прусского социализма» О. Шпенглера, «Третьего рейха» А. М. ван ден Брука (Мёллер ван ден Брук, 2009), тотального государства «рабочего» Э. Юнгера (Юнгер, 2000), «органического государства» Э. Ю. Юнга (Jung, 1991), «децизионистского государства суверена» К. Шмитта (Шмитт, 2000; 2010) и других.

В первой половине 1920-х гг. на волне популярности «Заката Европы» и «Пруссачества и социализма», имея связи с консервативными политиче-

скими кругами (о политической элите Веймарской Германии см. новейшее исследование: Евдокимова, 2011), Шпенглер не удержался и испытал искушение политическим ангажементом, который в конечном итоге свелся к различным речам перед узкой аудиторией политической и экономической элиты Веймарской Германии. К этому периоду принадлежит ряд значительных выступлений и публикаций Шпенглера: «Двойной лик России и немецкие восточные проблемы» (1923)³, «Новые формы мировой политики» (1924)⁴, «Франция и Европа» (1924), «Политический долг немецкой молодежи» (1924) и ряд других. Квинтэссенцией политических размышлений и эволюцией политической концепции Шпенглера стало второе, после «Пруссачества и социализма», большое политическое эссе «Воссоздание Германского рейха» (1924)⁵.

Шпенглер начинает эссе с описания и оценки политической ситуации в Веймарской республике, которую образно называет болотом. Однако вину за это Шпенглер возлагает не только на Веймарскую Германию, но и на кайзеровский рейх. Именно с его возникновением, как полагал Шпенглер, в политическую жизнь Германии вторглись политические партии, которые возникли из идеологии буржуазной революции 1848 г. и мало понимали национальные задачи. Вина кайзеровского рейха, Шпенглер включал сюда и фигуру высокочтимого им Бисмарка, заключалась в том, что правительство было увлечено внешней политикой и не занималось политическим воспитанием народа, чем воспользовались политические партии. «Германское правительство никогда не умело заниматься политическим воспитанием», — пишет он (Шпенглер, 2015. С. 7). Правящая элита отказалась налаживать взаимопонимания с народом и учитывать его мнение, а главное — воспитывать народ в духе великого немецкого рейха. Итогом этого стало вырождение партий, которые, по мнению Шпенглера, перестали выражать мнение различных частей народа, а стали парламентской площадкой для политической карьеры отдельных персоналий. В такой ситуации партии в 1918 г. становятся хозяевами немецкой политики и Германии. Шпенглер негодует по поводу Веймарской конституции, которую, как он считал, новые хозяева немецкой политики создавали для себя и своей свиты. Критика Шпенглером кайзеровского рейха и последствий его краха для Германии шла в русле критики «консервативной революцией» предвоенного немецкого консерватизма и национализма. Поскольку Германия середины 1920-х гг. представлялась Шпенглеру болотом, лишенным каких-либо перспектив, он вознамерился создать проект возрождения германского рейха.

Шпенглер был убежден, что «народ есть то, что из него делают» (Шпенглер, 2015. С. 39). История и судьба народа зависят в первую очередь от руководящих личностей, которые своим примером подают образец служения государству и народу. В истории Германии, по Шпенглеру, сложился

³ Рус. пер.: (Шпенглер, 2009).

⁴ Там же.

⁵ Рус. пер.: (Шпенглер, 2015).

немецкий тип руководящей личности: Фридрих Великий, Бисмарк, Мольтке. Но главным достоинством этого немецкого типа стало сословие чиновничества, обладавшее, по мнению Шпенглера, высокой нравственностью, этикой служения государству, долгом перед государством. «Государственный служащий есть воплощение государственного суверенитета», – характеризует Шпенглер суть немецкого чиновничества (Шпенглер, 2015. С. 45). Революция и парламентаризм Веймарской республики уничтожили сословие чиновничества. Поэтому первой задачей воссозданного германского рейха будет восстановление этого сословия. В поисках человеческого материала будущего сословия чиновников Шпенглер одним из первых в общественно-политической мысли дает характеристику военного поколения то есть того поколения, которое и сформировало идеологию и персональный состав «консервативной революции» (Шпенглер, как и Мёллер ван ден Брук, принадлежали к более старшему поколению). В последующем проблема поколения фронтовиков и их роли в становлении право- и леворадикальной политической мысли в Германии неоднократно затрагивалась в публицистической и научной литературе (отметим лишь общие работы: Mohler, 1950; Mohler, Weißmann, 2005; Breuer, 1993; Артамошин, 2018). Новый немецкий тип, согласно Шпенглеру, сформировался на рубеже XIX – XX вв. и в полной мере проявил себя в годы войны. «Данный тип впервые нашел свое воплощение в великолепных юных добровольцах 1914 года» (Шпенглер, 2015. С. 50).

Затрагивает Шпенглер и проблему правового обеспечения возрожденного германского рейха. Он сетует на то, что старогерманское право было заменено римской правовой наукой и со временем уничтожено. В этом контексте Шпенглер приводит положительный для него пример сбережения правовых традиций ненавистной ему Англии, современное право которой, по его мнению, восходит к традициям норманнского права. Шпенглер пытается реконструировать основные идеи и образы старогерманского права, к характерным чертам которого он относил: свободу, чувство семьи и государства. Шпенглер вновь, как в «Пруссачестве и социализме», провозглашает чувство долга, повиновение и обязанность главными добродетелями германского народа «Всякое право соответствует обязанности. Обязанность – в отношении индивида, семьи, союза, нации...» (Шпенглер, 2015. С. 78).

Помимо вопросов обуздания деятельности политических партий, возрождения касты чиновников и государства на основе принципов старогерманского права Шпенглер уделяет внимание экономическим проблемам будущего рейха. Веймарская республика, по его мнению, сознательно устранило государство из экономической политики в пользу господства частного капитала. Главная проблема национального экономического возрождения – создание независимой платежеспособной финансовой системы в Германии, а также установление справедливой налоговой системы. Шпенглер выступал за справедливое налогообложение, но без уравниловки. В этом отношении он еще раз возвращается к критике марксизма. Он не выступал против частной

собственности, но считал, что государство должно быть в роли верховного арбитра в сфере экономики и социальных отношений. Экономическую ситуацию в Веймарской республике, где господствовал финансовый капитал, Шпенглер называет бескровной социальной революцией, уничтожающей социальную ткань общества.

В основе всего социального механизма функционирования общества лежат, согласно Шпенглеру, понятия «труда» и «собственности». Труд, по его мнению, следует освободить от его материалистического восприятия и интерпретации. Труд и рабочего, и предпринимателя важен в одинаковой мере, как источник творческого развития. Однако и обладание собственностью не представлялась Шпенглеру легким делом, ибо, как писал Шпенглер, «собственность обязывает» (Шпенглер, 2015. С. 129). Шпенглер, следуя своему пониманию прусского духа, изложенного в «Пруссачестве и социализме», полагал, что есть прусский и английский императив собственности. В прусском императиве собственник управляет собственностью «как если бы она была доверена тебе народом» (Шпенглер, 2015. С. 129). Прусское понимание собственности содержит в себе, по признанию Шпенглера, определенный род социализма. Английское понимание собственности – чистая спекуляция. Шпенглер опять критикует Маркса за его понимание классовой борьбы в духе и реалиях английского капитализма, но в отличие от «Пруссачества и социализма», он, все же, признает политическую составляющую в экономике «всякое большое предприятие в экономике имеет политическую природу» (Шпенглер, 2015. С. 131).

Необходимо отметить, что экономические воззрения Шпенглера не выходили за рамки основных социально-экономических представлений «консервативных революционеров», ратовавших в целом на создание корпоративного государства и общества. Известный французский исследователь «консервативной революции» Луи Дюпё полагал, что в отличие от доиндустриального консерватизма, идеологи «консервативной революции» положительно воспринимали технический прогресс и процесс индустриализации Германии. Он выделял три подхода в отношении к капитализму и буржуазному обществу в «консервативно-революционной» мысли Веймарской Германии. Сторонники первого не стремились к уничтожению частной собственности, но в тоже время их социально-экономические воззрения были приближены к идее корпоративного государства, но без особого ограничения частной инициативы (А. Мёллер ван ден Брук, О. Шпенглер, Э.Ю. Юнг). Приверженцы второго – выступали за создание чисто корпоративной экономики и корпоративного государства, в которых интересы частного бизнеса и частной инициативы были подчинены государству (революционные националисты из группы Эрнста и Фридриха Юнгеров, левые национал-социалисты, «Тат-крайз»). Третий, и самый радикальный подход, был представлен национал-большевиками, которые предлагали национализировать народное хозяйство (Dureux, 1994. S. 292).

«Воссоздание Германского рейха» стало последним крупным политическим произведением Шпенглера 1920-х гг. В условиях стабилизации Веймарской республики второй половины 1920-х гг., разочаровавшись в практической политике, Шпенглер выходит из поля политического дискурса и сосредотачивает свои интеллектуальные усилия на дальнейшей работе по изучению мировой истории. Но при этом он избегал публикации своих новых работ по философии истории. Единственным исключением стал вышеупомянутый очерк «Человек и техника». Написанные Шпенглером после «Заката Европы» философские, философско-исторические и культурологические тексты частично были опубликованы в сборнике «Речи и статьи» (Spengler, 1937), но основная их часть была извлечена из архива Шпенглера и опубликована Антоном Мирко Коктанеком в 1960-х гг. (Spengler, 1965; 1966). Мировой экономический кризис 1929 – 1933 гг. резко пошатнул и без того напряженную политическую ситуацию в Германии. Рост правого и левого радикализма заставил Шпенглера вновь обратиться к публицистике. Вышедшая летом 1933 г., уже после захвата власти национал-социалистами, последняя крупная работа Шпенглера «Годы решений» (Шпенглер О., 2006) по праву считают итогом его творчества и одной из главных работ «консервативной революции».

Д. Фелькен относит книгу к важнейшим историческим источникам эпохи, исходя из трех позиций. Во-первых, книга Шпенглера показывает иногда мало заметный (текущий – по определению Фелькена) переход «позднего» правого консерватизма Веймарской республики в национал-социалистическую идеологию. Во-вторых, «Годы решений» были первым и последним крупным новым трудом «консервативных революционеров», опубликованным в Германии в годы Третьего рейха и они как бы завершали активную теоретическую фазу движения, начатую в 1919 г. первым томом «Заката Европы» и «Правом молодых народов» Мёллера ван ден Брука (Moeller van den Bruck, 1919). Дальнейшие издания трудов идеологов «консервативной революции», в том числе и Шпенглера, были либо переизданием, либо носили компиляционный характер. В-третьих, по «Годам решений» хорошо видна эволюция «консервативной революции»: от ее истоков до краха Веймарской республики. Если «Пруссачество и социализм» было, по мнению Фелькена, трудом, написанным между эпохами, то в последнем сочинении Шпенглера явственно проявляется дух двадцатого столетия (Felken, 1988. S. 195).

По словам Шпенглера, «Годы решений» возникли из небольшого доклада 1929 г. «Германия в опасности», прочитанного в Гамбурге. Основная часть работы была написана им в 1932 г. Книги сопутствовал коммерческий успех. В общей сложности было продано свыше ста тысяч экземпляров, а фигура автора опять, как вначале 1920-х гг., привлекла к себе общественное внимание. Шпенглер говорит о том, что Германия и весь мир живет в титанические десятилетия и предсказывает грядущие радикальные изменения,

особенно в мировой политике. Задача Германии в этих условиях стать не объектом (как в данный момент), а субъектом мировой политики, так как «немецкий народ достаточно молод для того, чтобы в себе переживать, формировать и решать всемирно-исторические проблемы, когда другие народы уже слишком состарились и заостенели, чтобы бы способными на нечто большее, чем защиту» (Шпенглер, 2006. С. 14). Надо сказать, это зловещее предсказание и отнюдь не от поклонника национал-социализма, коим автор не являлся.

Шпенглер критикует немецкую историю, особенно новейшую, начиная с Бисмарка, немецкий идеализм, немецкую демократию за местечковый подход к истории и не понимание современной ситуации. «Материалистическое понимание истории столь же рационалистично, как идеалистическое...», утверждает он (Шпенглер, 2006. С. 23). Он полагал, что фаустовская культура все глубже вступает в эпоху цезаризма. Поэтому столкновение, в том числе и военное, между будущими цезарями неизбежно – предрекает Шпенглер. Большая политика вступает в свои права как искусство возможного. Необходимо вновь научиться в ней ориентироваться, чтобы не остаться на обочине истории. Шпенглер вводит свою известную метафору знания и понимания тенденций большой политики, «подобно искусному наезднику управлять миром при помощи шпор» (Шпенглер, 2006. С. 32). Но, понимая грандиозность такой задачи, Шпенглер не претендует на ее полное решение. Он ставит перед собой более узкую цель, «лишь показать, в каком историческом положении находятся Германия и мир...» (Шпенглер, 2006. С. 32).

«Мы вступили в эпоху мировых войн», – констатирует Шпенглер (Шпенглер, 2006. С. 36). Эпоху, которая, по его мнению, приведет к созданию мировой империи. Шпенглер, основываясь на своей культурно-исторической концепции, проводит параллели между фаустовской и античной культурой эпохи империализма, утверждая, как в «Закате Европы», что империализм судьба любой культуры. Он также подтверждает свой тезис, высказанный в «Воссоздании Германского рейха», о значении экономики, которое возросло в эпоху империализма. Бисмарк, на его взгляд, создал предпосылки для империалистического подъема немецкой экономики. Характеризуя роль экономики в период империализма, Шпенглер, неожиданно для него, хвалит Англию, которая достигла больших успехов в развитии экономики в XIX столетии «через умное правление аристократии, будь то тори или виги» (Шпенглер, 2006. С. 51). Экономика и политика две стороны империализма современности. Шпенглер определяет современную «державу большого стиля» (его выражение) как государство, имеющее развитые армию, флот, политические организации, финансовую и кредитную систему, мощные промышленные группы, и ставящая перед собой всемирно-исторические цели. Широкими историческими мазками рисует Шпенглер будущее крупнейших государств мира: Германии, Англии, Франции, США, СССР, Японии.

Идея и об эпохе мировых войн, образует первую главную тему «Годов решений». Вторую и третью тему образуют идеи о «белой» и «цветной» революциях. Под «белой» революцией Шпенглер понимает не только горизонтальную борьбу между нациями, что и образует эпоху мировых войн, но перемещение этой борьбы в вертикальную классовую борьбу внутри наций. Борьбы руководящих слоев белых народов с их противниками внутри государств. «Она соединяет в себе «горизонтальную» борьбу между государствами и нациями с вертикальной борьбой между ведущими слоями белых народов и другими слоями белых народов и другими слоями, тогда как на заднем плане уже началась более опасная вторая часть революции, а именно: нападение на белых в целом со стороны всей массы цветного населения» (Шпенглер, 2006. С. 81). Накал «белой» революции, по мнению Шпенглера, настолько высок, что «эта борьба разворачивается не только между слоями людей, но и между уровнями духовной жизни вплоть до каждого отдельного человека» (Шпенглер, 2006. С. 81).

«Белая» революция, как полагал Шпенглер, подспудно началась в фаустовской культуре с эпохи Просвещения, с победы материалистического миропонимания, а развернулась особенно остро после Первой мировой войны. Главными бенефициарами этой революции стали либерализм и социализм. Рассматривая историю и эволюцию идеологии «белой» революции, Шпенглер дает множество образных и довольно точных характеристик ее главным вехам. Например, говоря о рационалистической мысли Просвещения, Шпенглер пишет: «Она занялась лишением понятий «народ», «право» и «правительство» их исторического содержания, совершенно материалистически представила различия между богатством и бедностью как моральную противоположность, о которой заявила скорее в агитаторских целях, чем искренне в нее верила» (Шпенглер, 2006. С. 100). Или: «Активный либерализм последовательно прогрессирует от якобинства к большевизму» (Шпенглер, 2006. С. 103). Вообще стиль «Годов решений», заставляет читателя вспомнить «Закат Европы» с его метафорически-чеканным языком, не оставляющим места для рефлексий над текстом.

Итоги «белой» революции для Запада печальны. «Старые, достопамятные формы государства лежат в руинах» (Шпенглер, 2006. С. 127). Им на смену пришел бесформенный парламентаризм, являющейся, по мнению Шпенглера, пародией на государственное управление. Наследственный суверенитет заменен выборами, на которых господствуют партии. Среди партий большую роль играют рабочие партии, главные выгодополучатели «белой» революции. Значительно девальвировалось понятие «труда» в сторону его экономического упрощения. В своей оценке труда в индустриальном обществе Шпенглер, как всегда, блестяще использовал свой метафорический и образный стиль: «Говоря словами Ницше, произошла переоценка экономических ценностей, поскольку любая ценность в глазах масс выражается в деньгах и оплате, то массовый низший труд должен оплачиваться лучше, чем

высший труд ведущих личностей, что и было сделано» (Шпенглер, 2006. С. 138 – 139). Мировой экономический кризис 1929 г. Шпенглер считал следствием подобного подхода к экономике.

Самое главное, «белому» миру в условиях его упадка грозит «цветная» расовая революция, наступление народов Азии и Африки, которых Шпенглер сравнивает с варварами, и которые начинают копировать фаустовские формы организации общества, в частности классовую борьбу. Шпенглер отмечает моральную и физическую усталость белых народов. Характерна в этой связи оценка Шпенглером роли Советской России в этой «цветной» революции. «Москва» стала, по его мнению, после 1917 года решающим фактором для всего мира. «Азия вновь овладела Россией», – утверждает он (Шпенглер, 2006. С. 63). Он сравнивает Советскую Россию с Золотой Ордой и определяет советскую форму власти как татарский абсолютизм. Россия понимается Шпенглером в новом свете, как главная составляющая часть борьбы «Азии» против «Европы». «Москва» стала после 1917 года решающим фактором для всего мира. «Россия – госпожа Азии. Россия и есть Азия» (Шпенглер, 2006. С. 179). Большевизм, рассматриваемый таким образом, теряет свой изначальный «западный» характер и выступает теперь не в качестве новой формы псевдоморфоза русской истории, но как специфически «азиатский» феномен: Шпенглер отказывает большевистскому режиму называться государством в западном смысле этого слова, каким, по его мнению, при всех издержках была петровская Россия.

Говоря об идейно-тематических пластах «Годов решений», нельзя не затронуть тему, которая неоднократно поднималась в шпенглерiane после Второй мировой войны (в частности у Коктанека и Фелькена) – критика Шпенглером нацистского захвата власти. Автор данной монографии не разделяет точку зрения апологетов антинацизма Шпенглера. Он, как известно, при всей критичности своего отношения к вождям национал-социализма в целом поддерживал движение. Да, безусловно, в «Годах решений» Шпенглер себе позволил пустить ряд критических стрел в сторону национал-социалистов, назвав нацистов немецкими мечтателями, и заявив, что «можно сказать с определенностью уже сегодня национальный переворот 1933 года представлял собой что-то ужасное и останется таковым в глазах будущего» (Шпенглер, 2006. С. 10). Опять пророческое замечание автора «Заката Европы». Восприятие Шпенглером идей и практики национал-социализма было типичным для «консервативных революционеров. С одной стороны, они находили у нацистов много своих идей. С другой – не принимали плебейский характер движения и особенно его политическую практику. Дело, на наш взгляд, не в том, как Шпенглер относился к национал-социализму, а в том, что в «Годах решений» он преследовал иные цели и задачи, мало связанные с текущими повседневными политическими событиями. Книга по праву считается одной из главных в интеллектуальном наследии Шпенглера, итогом его

политических воззрений, продолжением и развитием культурно-исторической и политической концепции «Заката Европы».

Выход «Годов решений» был прохладно встречен национал-социалистической пропагандой (Koktanek, 1966; Felken, 1998; Гергилов, 2007). Отказ Шпенглера от предложения Геббельса публично поддержать нацистский режим, непониманием между Шпенглером и Гитлером на ежегодном вагнеровском фестивале летом 1933 г. привело к тому, что в августе, уже после выхода и успеха книги, нацисты развернули кампанию против ее автора. Кампания закончилась в декабре 1933 г., когда Геббельс лично наложил запрет на упоминания имя Шпенглера в прессе, но ее отголоски звучали еще в 1934 г., превратив фигуру Шпенглера прямо-таки в демонического противника нацистского режима. Последние два года своей жизни, а он скончался в мае 1936 года, Шпенглер находился в вакууме интеллектуального и общественно-политического дискурса. Авторитет автора «Заката Европы» вновь понадобился в период интенсивной идеологической подготовки войны. В 1937 г. нацистский режим напечатал первый сборник трудов с 1933 г. Шпенглера – книгу «Речи и статьи» (Spengler, 1937).

Послевоенная судьба интеллектуального наследия Шпенглера, как и в целом идей «консервативной революции», становится предметом в большей степени интеллектуального и гуманитарного дискурса, чем общественно-политического. Его культурно-историческая и политическая концепции, несмотря на то, что продолжают оказывать определенное влияние на гуманитарную (влияние идей Шпенглера на становление цивилизационного подхода в общественных науках) и общественно-политическую мысль («новые правые»), становятся в первую очередь ценными источниками эпохи, в которой они были созданы.

Глава 2. Историко-философское наследие Шпенглера как предмет исследования

2.1. Шпенглер и западная гуманитарная мысль

С момента выхода первого тома «Заката Европы» в германской и европейской гуманитарной и общественной мысли развернулись дискуссии вокруг основного идейно-теоретического посыла «Заката Европы». Сенсационность книги, по сути, парадоксальная в силу своей ориентированности отнюдь не на массовое сознание, предвосхитила и ее парадоксальную судьбу. Популярность сочинения Шпенглера способствовала острой дискуссии, развернувшейся как вокруг книги, так и вокруг самого автора – никому не известного учителя гимназии, и породила множество мифов.

Довольно быстро сформировалось два подхода к его трактовке. Первый – воспринимал Шпенглера как пророка, что особенно было популярно у читающей публики. Второй – рассматривал автора «Заката Европы» как дилетанта, вторгшегося своими неуёмными фантазиями в святая святых – интеллектуальную рефлексию академической науки. Консервативность классического рационального знания, не готового принять новый тип восприятия истории и культуры, предложенный Шпенглером, вызвала попытку вытеснить «Закат Европы» в маргинальное поле западного культурного сознания. Но чем больше было нападок со стороны официальной критики, тем больше росла популярность книги у широкого читателя. «Закат Европы» содержал тот культурфилософский заряд, который, будучи необходимым XX веку, всегда выводил сочинение Шпенглера в произведения «первого ряда» как наиболее отвечающее запросам времени» (Степанова, 2014. С. 6).

Академическое научное сообщество в своем большинстве, по сути, так и не признало за автором «Заката Европы» равного интеллектуального субъекта, с которым можно вести какие-то дискуссии на предмет его исследования. Особенно, за редким исключением, это касается немецкой гуманитарной мысли, которую, по остроумному замечанию Теодора Адорно, Шпенглер отчитал «как фельдфебель одногодичника-добровольца» (Adorno, 1969. S. 53). «Спор о Шпенглере», критика маститых историков Э. Трёлча и Ф. Мейнеке, долгое послевоенное забвение, несмотря на широкую популярность у читающей публики, сделало из Шпенглера некую маргинальную фигуру в германской гуманитарной мысли. Один из ведущих послевоенных немецких историков Эрнст Нольте в своей фундаментальной монографии об исторической мысли XX столетия хоть и включил Шпенглера в число историков и философов, тем не менее, давал ему достаточно сдержанную оценку. Нольте указывал на то, что в своей критике культуры и характеристике цивилизации Шпенглер не был оригинальным исследователем для своего времени. Л. Клагесс, К. Брейзинг, В. Ратенау, М. Вебер были куда более значительными и важными интерпретаторами этой проблематики (Nolte, 1991. S. 218).

В данном случае также можно посмотреть на проблему роли и места Шпенглера в гуманитарной мысли XX века и с другой стороны. Не влияния идей Шпенглера, а как проблему казуса самоучки в истории гуманитарной мысли. Шпенглер, безусловно, стоит особняком в контексте германской и западной гуманитарной мысли прошлого столетия, не вписываясь до конца ни в одно из ее направлений и течений.

Однако, несмотря на свой «интеллектуальный анархизм» и парадоксальность мышления, истоки философско-исторических и политических воззрений автора «Заката Европы» находились в русле мощной социокультурной традиции немецкого консерватизма и историзма, которая долгое время определяла историческое сознание представителей германской культуры в целом. Более того, Шпенглер, очевидно, не желая того, предпринял попытку трансформации базовых теоретико-методологических и идейных принципов немецкого историзма в условиях его кризиса начала XX столетия и внес значительный вклад в идеологию немецкого консерватизма.

И тут надо отдать должное немецкой гуманитарной мысли с ее, казалось бы, строгим академизмом, не оставляющим места интеллектуальным вольностям и строго каравшей тех, кто как-то пытался выйти за его рамки. Германские гуманитарии на уровне интуиции и метафизики признавали за Шпенглером своего, пусть в несколько фривольном смысле трактующего историю и культуру, представителя.

Аналогичным образом складывалась судьба шпенглерианы и в других национальных историографиях. С той лишь разницей, что западные гуманитарии, в отличие от германских, изначально сосредотачивали свое внимание на философско-исторической и культурологической концепции Шпенглера, как бы не замечая, или отодвигая глубоко на задний план его политически сочинения и политический взгляды. И в этом нет ничего преднамеренного. Для западной гуманитарной мысли именно философия истории Шпенглера представляла объект критики. Западные гуманитарии не были отягощены проблемой «преодоления прошлого» и поэтому особо не акцентировали внимание, до определенного времени, на политический подтекст философии истории «Заката Европы». Интерес и осмысление политических идей Шпенглера придет позже, в рамках расширения исследований по идеологии «консервативной революции», когда для западных гуманитариев, неожиданно, откроется то, что автор «Заката Европы» играл в этой преимущественно идейной революции далеко не последнюю роль.

«Спор о Шпенглере» с 1919 по 1922 год проходил преимущественно в немецкоязычном пространстве. Любопытна статистика, которую приводит переводчик «Заката Европы» на русский язык Карен Свасьян, с 1921 по 1940 год в Германии вышло 54 работы о Шпенглере (Свасьян, 1993. С. 6). Сюда входят статьи, эссе, рецензии, газетные заметки, отдельные издания. Большинство критиков отрицательно восприняли книгу Шпенглера. Отдельные положительные отклики, как, например, краткий отзыв известного социолога

Георга Зиммеля, перед своей кончиной успевшего прочитать первый том «Заката Европы», и оценившего его «как важнейшую философию истории со времен Гегеля» (Felken, 1988. S. 114), мало что прибавляли к, в целом, негативной оценке основных идей Шпенглера.

Особое неприятие вызывал надменный дилетантизм Шпенглера и его пессимизм. Карл Йоел, один из участников знаменитого антишпенглеровского выпуска журнала «Логос, писал: «Немецкая наука не может принять гипотезу книги, Шпенглера тем более, что эта гипотеза в недостаточной степени обоснована. Ибо лишь наука может выполнить этот долг, хотя, судя по всему, присущая нашему времени жизненная сила уже сотрясла карточный домик построений этой книги. Дело выглядит почти так, как если бы в «Закате Европы» возвещала о себе гибель эпохи, которая слишком отдалилась от вечных и абсолютных ценностей и в силу этого должна была прийти к тому, чтобы в конце концов отчаяться в себе» (Joel, 1921. S. 133).

Первоначальные итоги дискуссии вокруг первого тома «Заката Европы» подвел в 1922 году историк Манфред Шрётер в книге «Спор о Шпенглера» (Schroeter, 1922), которую можно назвать первой историографической работой о Шпенглере. Соглашаясь со многими критиками «Заката Европы» из различных предметных областей (история, археология, метафизика и т. д.), Шрётер, тем не менее, пытается также встать на точку зрения Шпенглера. Не потому что он, по его мнению, прав в своих выводах, а потому что «в проблеме Шпенглера у нас, кажется, есть возможность пропустить важные вопросы культурно-критического самопознания нашего времени через универсальный синтез, данный автором, возможно, более глубокого порядка, чем мы сами предполагаем. Таким образом, влияние этой книги как феномена времени имеет определенное значение для культурного осознания настоящего» (Schroeter, 1922, S. V).

Ведущие представители германской гуманитарной мысли также достаточно скептически отнеслись к теоретико-методологическим построениям Шпенглера. Эрнст Трёлльч, несмотря на то, что находит место для Шпенглера в своем фундаментальном труде 1922 года «Историзм и его проблемы», включая его в немецкую и европейскую традицию исторического познания, тем не менее, нещадно критикует автора «Заката Европы» за забвение христианских, гуманистических ценностей, за культурпессимизм, за отсутствие веры в живительные силы европейской цивилизации. Трёлльч в итоге склонен отнести «Закат Европы» к особому роду изящной словесности, чем к строго академическим штудиям. Говоря об отличии своего труда от книги Шпенглера, он писал, что его книга «носит научный характер и не относится к литературе, столь живо возбуждающей в наши дни фантазию и чувство» (Трёлльч, 1994. С. 9).

Нестор германской историографии первой половины XX столетия Фридрих Мейнеке в статье 1923 года о Шпенглере пишет о том, что будоражащее воздействие книги Шпенглера непосредственно связано с тяжелей-

шим кризисом историзма и исторической науки из-за разрушения европейского мира и европейской культуры (Meinecke, 1959. S. 183). Однако Мейнеке считает, что рассматривать историю как сугубо биологический процесс, как это, по его мнению, делает Шпенглер, не правомерно. Применение методов естественных наук в науках о духе, позволит в лучшем случае объяснить только некоторые всеобщие законы, игнорируя при этом индивидуальное в истории (Meinecke, 1959. S. 186 – 187). «Спрашивается, как этот грубый и неотесанный натурализм может рассуждать о «культуре» и тем более о «душе» культур» - комментирует Мейнеке теоретико-методологические установки Шпенглера (Meinecke, 1959. S. 188). Мейнеке в целом дает нелицеприятную характеристику Шпенглера, называя его «ренегатом духа, который пилит сук, на котором сам же и сидит» (Meinecke, 1959, S. 192). Это, по мнению Мейнеке, типичная ошибка дилетантизма, пренебрегающего границей между знанием и не знанием. Но, как полагает Мейнеке, если придерживаться точки зрения о том, что предстоит тяжелая работа по преодолению кризиса историзма, то Шпенглер может рассматриваться не как первооткрыватель или реформатор, а как инспиратор и подстрекатель дискуссии о новых путях исторической науки (Meinecke, 1959. S. 194 – 195).

В философской среде немецкой гуманитарной мысли также как и в исторической науке достаточно негативно отреагировали на выход «Заката Европы». Основоположник философской феноменологии Эдмунд Гуссерль, который был решительным противником релятивизма и скептицизма в гуманитарном познании, считал, что подход Шпенглера угрожает самым основаниям науки и культуры. «Закат Европы», эта новейшая теория малодушного философского скептицизма» комментировал он, в частности, название труда Шпенглера (Мёккель, 2007. С. 165). Гуссерль сам признавал наличие кризиса европейской культуры и цивилизации, особенно после Первой мировой войны. И с этой точки зрения был по одну «сторону баррикад» со Шпенглером, но в отличие от него предлагал выход из кризиса исключительно на пути греческо-европейской философии. В 1935 году Гуссерль прочитал свой известный доклад «Кризис европейского человечества и философия», в котором более четко разграничил свой подход с подходом Шпенглера. Гуссерль видел телос мировой истории в том, что все человеческие типы и типы культуры со временем ассимилируются с европейским человечеством и образуют в конце концов единую, универсальную человеческую цивилизацию (Гуссерль, 1986), что в корне противоречило принципам исторического круговорота Шпенглера.

По мнению исследователей культурно-историческая концепция Шпенглера повлияла на становление философии экзистенциализма «раннего Хайдеггера». В. П. Визгин, сравнивая два фундаментальных труда германской гуманитарной мысли межвоенного периода: «Закат Европы» О. Шпенглера и «Бытия и время» Хайдеггера, пишет: «В регистре теоретической фундаментальной философии «Бытие и время» было таким же бестсел-

лером, как в философии истории «Закат Европы». Больной, истерзанной душе европейца, оба сумели сказать что-то глубоко ее взволновавшие и предельно близкое, оба ответили на ищущий своего слова дух времени» Визгин, 2015. С. 68). Но для Хайдеггера, как представителя академической философии, были не приемлемы сама форма сочинений Шпенглера, которую он считал ближе к журналистской, чем к научной, и ряд его базовых идей. Хайдеггер не разделял мысль о том, культура всецело определяет истории и философию, не разделял Хайдеггер также биологизм и исторический фатализм Шпенглера.

Однако, как замечает известный отечественный исследователь творчества Хайдеггера И. А. Михайлов, концепция Шпенглера, по всей видимости, оказалась для Хайдеггера одним из главных препятствий на пути создания собственной философии истории. Хайдеггер отчетливо понимал принадлежность Шпенглера традиции философии жизни и к Дильтею и то, что Шпенглер сохраняет противопоставление гуманитарных и естественных наук, методологически важное для Дильтея, однако разработанный Дильтеем метод описания, играющий ключевую роль как в философии жизни, так и в феноменологии Шпенглером целиком и полностью отвергается. «Наверное, самым неприемлемым оказался для Хайдеггера, даже не отказ Шпенглера от претензии философской мысли на общезначимость, а то, что его коллеге удалось обосновать – правда, лишь в системе координат своей философии – тот самый синтез, к которому стремился и сам Хайдеггер» (Михайлов, 1999. С. 155).

Говоря о реакции немецких интеллектуалов на выход «Заката Европы» нельзя опять не упомянуть Т. Манна, который вдогонку к своему эпистолярному наследию (цит. в первой главе) в 1924 году написал небольшое эссе «Об учении Шпенглера»⁶. Основной лейтмотив отношения Манн к Шпенглеру – ирония. «Закат Европы» он называет великим трудом господина Шпенглера. Его успех у широкой публики, Манн объясняет, исключительно катастрофическим положением Германии и Европы после Первой мировой войны. Манн в эссе использует свое знаменитое определение Шпенглера как пораженца рода человеческого (Манн, 2009. С. 117), считая его антигуманистом и фаталистом и оказывая ему в принадлежности к великой немецкой гуманистической традиции, к которой он относит учителей Шпенглера Гёте, Шопенгауэра и Ницше. Особенно яростно Манн протестует против концепции исторического круговорота Шпенглера и его идеи об отсутствии единой культуры человечества. Вместе с тем, суждения Манна о культурно-исторической концепции Шпенглера противоречивы. С одной стороны, он пишет «по сравнению со свинцовым историческим материализмом этого учения другой (скажем, материализм Маркса) не более чем голубой идеалистический туман» (Манн, 2009. С. 122), с другой – верно определяет консер-

⁶ Впервые на русском языке опубликована: Манн Т. Об учении Шпенглера / Соб. соч. Т. 9 / Пер. с нем. М.: Издательство художественной литературы, 1960. Мы цитируем по изданию: (Манн, 2009).

вативную основу культурно-исторического и политического учения Шпенглера. «Он, тайный консерватор, человек культурного мира, казалось бы парадоксально утверждает цивилизацию; но все это видимость видимости, двойное противоречие, потому что он и в самом деле ее утверждает, – не только словом, которому якобы сопротивляется его существо, но и всем своим существом!» (Манн, 2009. С. 120–121).

Во второй половине 1920-х гг. дискуссия о Шпенглере в германской гуманитарной мысли прекращается. Ряд произведений, например «Человек и техника», написанных Шпенглером в этот период, найдут свое отражение в гуманитарном дискурсе уже во второй половине XX столетия. Единственным событием, по крайней мере в Германии, которое привлекло внимание к фигуре Шпенглера стал выход в 1933 году его последней крупной философско-исторической и публицистической работы «Годы решений». Книга вышла после прихода к власти национал-социалистов и вызвала у новой власти определенное неприятие, развивавшееся на фоне нежелания автора «Заката Европы» публично поддержать национал-социалистический режим в Германии. Перипетии этой дискуссии достаточно хорошо описаны в работах А. М. Коктанека и К. Вольнхальса (Koktanek, 1966; Koktanek, 1968; Vollnhals, 1984), в отечественной историографии Р. Е. Гергиловым (Гергилов, 2007), поэтому мы не будем комментировать эту полемику Шпенглера с национал-социалистами, а точнее его травлю в Третьем рейхе. К тому же о подлинном отношении Шпенглера к национал-социализму стало известно значительно позже и даже не сразу после окончания Второй мировой войны. В 1930-е гг. в условиях национал-социалистической диктатуры идеи Шпенглера прямо связывались с ее идеологическим прикрытием и подготовкой. Его консервативные и националистические взгляды, критика демократии и либерализма, открытое неприятие Веймарской республики отодвинули на задний план в его интеллектуальном наследии культурно-историческую концепцию «Заката Европы» со всеми ее плюсами и минусами, выдвинув вперед Шпенглера-публициста и одного из ведущих представителей «консервативной революции».

Характерно, что противоположный немецкому идеализму и консерватизму либеральный лагерь в тот исторический период делал относительно культурно-исторической и политической концепции Шпенглера абсолютно идентичные выводы. Мы имеем ввиду известную работу австрийского и британского философа и логика науки, основателя критического рационализма К. Поппера «Открытое общество и его враги». Написанная в 1938–1943 гг. в период эмиграции автора и опубликованная в 1945 г. в Великобритании, книга Поппера со временем стала манифестом неопозитивистской, антитоталитарной и либерально-демократической мысли Запада. Именно в этом труде автор впервые обнаружил свою концепцию «открытого и закрытого общества», направленную, по словам автора, против идеологии и практики тоталитаризма «Цель этой книги состоит поэтому в попытке углубить наше пони-

мание сущности тоталитаризма и подчеркнуть значение непрекращающейся борьбы с ним» (Поппер, 1992. С. 29). Однако в идейно и теоретико-методологической борьбе с тоталитаризмом Поппер, на наш взгляд, избрал достаточно своеобразный подход. В истории европейской гуманитарной мысли он выделил ряд социально-философских течений, которые несут, по его мнению, прямую ответственность за идеологию и практику европейского тоталитаризма.

И главным в этой череде течений Поппер объявил историзм по его терминологии историцизм. «Анализ возникновения и распространения важнейших форм историцизма является одной из центральных тем этой книги, которую поэтому можно даже охарактеризовать как комментарии на полях истории развития историцистских учений» констатирует Поппер (Поппер, 1992. С. 30). Под историцизмом Поппер понимал философско-исторические и социально-философские концепции, в основе которых лежит принцип поиска законов исторического развития, что, исходя из теоретико-методологических убеждений Поппера как критического рационалиста, сделать не возможно, так как законы истории не поддаются какому-либо исчислению. Шпенглер в концепции Поппера вошел в ряд наиболее «злостных» историцистов-фантазеров XX века, которые своими фантазиями приближали рождение теории и практики тоталитаризма. «Мне кажется, что «Закат Европы», пишет Поппер, не следует воспринимать всерьез. Однако это симптом, это теория представителя правящего класса перед лицом поражения» (Поппер, 1992. С. 287). Под правящим классом, Поппер имел виду прусский правящий класс, который под натиском идей социализма и коммунизма был готов к восприятию идей тоталитаризма. Комментируя трактовку Поппером учения Шпенглера, можно с долей большой уверенности сказать: ну чем не марксистский подход.

Возвращаясь к оценке учения Шпенглера в 1930-х гг. нельзя не упомянуть статью 1936 г. одного из основоположников школы «Анналов» Л. Февра «От Шпенглера к Тойнби». Поводом для написания статьи стал выход первых томов «Постижения истории» А. Тойнби, рецензируя книгу английского историка Февр также обращается к оценке «Заката Европы». Французский историк был решительным противником такого обращения с историей, какой предложили Шпенглер и Тойнби, поэтому он подверг их суровой критики. Относительно метода Шпенглера Февр писал, что это протест «против «исторического атомизма», против кропотливой «монографической работы», делящей историю, словно пирог, на разрезанные ломти: историю дипломатическую, экономическую, литературную, историю искусств. наук, философских течений и т. д.» (Февр, 1991. С. 74). Содержание «Заката Европы» Февр характеризует бойко раскрашенными картинками и объясняет исключительно литературным дарованием Шпенглера и его позой пророка. Февр также касается и политического подтекста трудов Шпенглера, причем не только «Заката Европы», но и его публицистических работ и небольшой работы «Человек и

техника». «Дело в том, что в то время у Шпенглера и его читателей (*Февр имеет ввиду немецких – курсив мой*), будущих нацистов, были общие враги: демократия, буржуазный либерализм и марксизм» (Февр, 1991. С. 77). Таким образом Февр также причислял Шпенглера к духовным предтечам германского национал-социализма, хотя и призвал, что последняя книга Шпенглера «Годы решений» испортила его отношения с нацистским режимом.

И все же, несмотря на общую негативную оценку интеллектуального наследия Шпенглера, в 1940–1950-х гг. начинает развиваться тенденция интеграции культурно-исторической и политической концепции автора «Заката Европы» в контекст гуманитарной мысли первой половины XX столетия. Первым, кто попытался это сделать, стал известный британский философ-неогегельянец, историк и методолог истории Р. Дж. Коллингвуд. В своем самом известном труде «Идея истории», написанном в годы войны и вышедшем первым изданием в 1946 г., Коллингвуд включил Шпенглера в разряд современной немецкой научной истории, наряду с такими значительными именами германской гуманитарной мысли как В. Виндельбандом, Г. Риккертом, Г. Зиммелем, В. Дильтеем. Для Коллингвуда как неогегельянца была не приемлема идея Шпенглера рассматривать культуры как биологические организмы. Отмечая широкую историческую эрудицию Шпенглера и его способность постигать суть исторического процесса, Коллингвуд, тем не менее, однозначно оценивает «Закат Европы» как «рецидив позитивистского натурализма» ((Коллингвуд, 1980. С. 173) в современной философии истории. В морфологии истории Шпенглера, согласно Коллингвуду, отсутствует идея исторического процесса как духовного процесса, а наличествуют только чисто биологические структуры истории. Коллингвуд также одним из первых проводит параллель между философско-историческими концепциями Шпенглера и Тойнби. «Сходство между Шпенглером и Тойнби бросается в глаза» пишет он (Коллингвуд, 1980. С. 175).

В 1949 году выходит из печати известная работа немецкого философа-экзистенциалиста К. Ясперса «Истоки истории и ее цель». Ясперс представил, по его словам, свою философско-историческую концепцию в пику аналогичным концепциям Шпенглера, Тойнби и немецкого философа, социолога и культуролога, младшего брата М. Вебера Альфреда Вебера. Он считал, что все три вышеназванных ему мыслителя-современника создали оригинальные и всеохватывающие картины исторического развития (Ясперс, 1991. С. 31). Ясперс признает за цивилизационным подходом к изучению истории, в лице Шпенглера и Тойнби, достаточно плодотворный метод, но он не согласен с ними в их стремлении изолировать цивилизации или культуры друг от друга. Ясперс был убежден, «что человечество имеет единые истоки и общую цель» (Ясперс, 1991. С. 31), поэтому он не до конца принял цивилизационную схему деления истории.

Вернемся к А. Веберу. Этот академический ученый был первым среди своих немецких коллег, который принял философию истории «Заката Евро-

пы». Вебер не просто принял учение Шпенглера, но и активно использовал его методологию для создания собственной культурно-исторической концепции, которую он определил как культурсоциология истории. Опираясь на идеи и выводы Шпенглера, Вебер попытался синтезировать и придать в этом синтезе смысловое равноправие трем аспектам исторического процесса: культурному, цивилизационному и социальному, каждому из которых Вебер отвел свое место и свое значение в истории (Вебер, 1998. С. 546). Это именно та ступень исторического синтеза, на которой остановился и которую так и не смог преодолеть Шпенглер. Впрочем, главный философско-исторический труд Вебера «История культуры как культурсоциология» вышел в 1935 г. за пределами нацистской Германии в голландском Лейдене, а в Германии (уже ФРГ) опубликована в 1951 г. Очевидно, К. Ясперс знал о трудах своего коллеги. Однако, для основной массы немецких гуманитариев идеи Вебера стали известны только в 1950-х гг., что подтолкнуло их к повороту, правда медленному, в сторону интереса к Шпенглеру.

В 1950-х гг. первые критические обзоры культурно-исторической и политической концепции Шпенглера появились в гуманитарной мысли США. Это было связано, во-первых, с продолжающейся дискуссией вокруг «Постижения истории» Тойнби, которая вольно или не вольно отсылала к «Закату Европы». Во-вторых, интеллектуалы США, вслед за европейскими, начинают процесс осмысления нацистского прошлого и трагедии Второй мировой войны и в контексте, формирующееся в западном гуманитарном дискурсе 1950-х гг. концепции «преодоления прошлого», интеллектуальное наследие Шпенглера начинает привлекать их внимание. Именно в этом ключе написано первое англоязычное исследование Генри Стюарта Хьюза «Освальд Шпенглер. Критическая оценка» (Hughes, 1952). Автор объясняет успех «Заката Европы» в Германии кризисной ситуацией, сложившейся после Первой мировой войны. Хьюз в ходе своего исследования ставит вопросы: кем был Шпенглер, какова была его философия, был он или нет философом нацизма? По мнению Хьюза, Шпенглер был представителем иррационализма в философии, чье несравненное историческое воображение позволило ему, проиллюстрировать сравнение между нашей ныне убывающей культурой и теми, которые уже распались. Но поскольку Шпенглер отверг само понятие логического анализа его исторический метод, как полагал Хьюз, весьма сомнителен. Касаясь вопроса, был ли Шпенглер нацистом, Хьюз считает, что во всех существенных вопросах Шпенглер был нацистом, так как, по его мнению, немецкая Германия должна возродить Европу, освободив ее от западной плутократии. Различия между Шпенглером и нацистами Хьюз усматривал в том, что Шпенглер делал ставку на немецкую аристократию, а не на плебейские народные массы. И, во-вторых, Шпенглер был не высокого мнения о личности Гитлера.

Американский историк, немецкого происхождения, Клеменс Клемперер в своем труде «Консервативные движения между кайзеровским рейхом и

национал-социализмом»⁷, одной из первых работ в западной гуманитарной мысли посвященной немецкой «консервативной революции», называет Шпенглера «языческим консерватором» (Klemperer, 1962. S. 167). По мнению Клемперера, историческая диалектика Шпенглера достигла высшей точки своего развития в концепции «пруссачества», в которой он возвращается к идеям Гегеля. Шпенглер вновь вернул смысл диалектики к ее исходному пункту, идущему от понимания государства Гегелем, в создании государственных форм по образу и подобию Пруссии.

Начало современного этапа изучения наследия Шпенглера, которое в конечном итоге, привело к его интеграции в академический интеллектуальный дискурс, связано с деятельностью в 1960-х гг. ученика известного историка М. Шрётера, автора книги «Спор и Шпенглере» (см. выше), мюнхенского исследователя архива Шпенглера и философа Антона Мирко Коктанека. Работая над архивом Шпенглера, хранившимся в Баварской государственной библиотеке, Коктанек выявляет в рукописях Шпенглера достаточное количество неопубликованных работ и издает их (Spengler, 1965, Spengler, 1966). Коктанек также издал переписку Шпенглера (Spengler, 1963). В 1965 г. в честь 85-го юбилея своего учителя М. Шрётера, Коктанек издает сборник «Изучение Шпенглера» (Spengler-Studien, 1965). Сборник состоял из двух частей. В первую часть вошли персональные воспоминания современников о личных встречах со Шпенглером, во вторую – сравнительный анализ идей Шпенглера с близкими ему по духу философами Тойнби и Эдуардом Шпрангером и др. Ключевыми статьями сборника являлись: «Шпенглер и Тойнби», болгарского философа-эмигранта Георги Шишкова, и статья, одного из бывших ведущих идеологов национал-социализма, одного из крупнейших немецких специалистов по творчеству Ницше философа Альфреда Боймлера «Культурморфология и философия». Оба автора однозначно включали культурно-историческую концепцию автора «Заката Европы» в социокультурную традицию западной гуманитарной мысли новейшего времени. Шишков указывает на прямые параллели между Шпенглером и Тойнби, которого называет «английским последователем Шпенглера» (Spengler-Studien, 1965. S. 59), а Боймлер впервые в гуманитарной мысли рассмотрел влияние Ницше на Шпенглера и этим включил последнего в немецкую философскую традицию (Spengler-Studien, 1965. S. 99).

Помимо подготовки к печати неизданных трудов Шпенглера, вершиной деятельности Коктанека, в деле популяризации наследия Шпенглера, стала написанная им первая официальная биография немецкого философа «Освальд Шпенглер и его время» (Koktanek, 1968). Автор изначально не претендовал на фундаментальное академическое исследование жизни и творчества Шпенглера. Книга представляет собой достаточно подробную биогра-

⁷ Klemperer K. von. Konservative Bewegungen zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München, 1962 (первое издание книги на английском языке вышло в 1957 году под названием: «Germany's New Conservatism»).

фию с элементами анализа основных философско-исторических и политических идей Шпенглера, впрочем, автор изначально и не ставил перед собой такую задачу. Коктанек отбросил эмоциональное восприятие идей Шпенглера, столь характерное для его предшественников. Книга отличается взвешенностью в осмыслении идей Шпенглера. Особенностью книги стало то, что автор затронул достаточно по тем временам болезненную тему для немецкой общественности — тему политических взглядов и трудов автора «Заката Европы». Коктанек попытался создать целостную и как можно более объективную картину не только жизни и творческой судьбы Шпенглера, его работ, но и эпохи в целом.

Главным достоинством книги стала ее обширная источниковая архивная база, Коктанек, как уже было сказано выше, подробно исследовал архив Шпенглера. Несмотря на свой в целом популязаторский характер, труд Коктанека, несомненно, являлся важным шагом в привлечении внимания к интеллектуальному наследию Шпенглера. Характерно, что левые круги ФРГ достаточно скептически отнеслись к выходу книги. Журнал «Шпигель» писал в рецензии на книгу о том, что поскольку Шпенглер несет большую идейную ответственность за приход национал-социалистов к власти, то стоит ли уделять так много внимания его фигуре (Philosophie Spengler. Eine Art Messias, 1968. S. 172).

Говоря о развитии шпенглероведения в 1960-х гг. нельзя не отметить критический анализ культурно-исторической концепции Шпенглера известным американским социологом Питиримом Александровичем Сорокиным (Sorokin, 1966)⁸. Сорокин называет «Закат Европы» «одним из наиболее влиятельных, спорных и устойчивых по своей популярности шедевров первой половины XX в. в области культурной социологии, философии истории и немецкой философии» (Бердяев, 2007. С. 1139–1140). Однако если для европейской гуманитарной мысли культурно-историческая концепция Шпенглера выглядела сенсацией, то для одного из основоположников русской социологии и пассажира «Философского парохода» Питирима Сорокина она таковой не являлась. Он проводит параллель между концепцией Шпенглера и Н. Я. Данилевского и пишет о том, что, на примере Данилевского, в русской философии существовали подобные взгляды на историю. В целом Сорокину импонировала культурно-историческая концепция Шпенглера, но, по его мнению, многие выводы Шпенглера ошибочны, тем не менее, он писал, что «несмотря на все её недостатки книга «Закат Европы», вероятно, останется одним из самых значительных трудов первой половины XX века» (Бердяев, 2007. С. 1147).

Первый период современного этапа изучения интеллектуального наследия Шпенглера охватывает 1960 – 1980-е гг. Труд Коктанека стал переломным в западной шпенглероведении. Критика интеллектуального наследия

⁸ Русский перевод параграфа о Шпенглере: (Бердяев, 2007).

Шпенглера стала уступать место его аналитическому осмыслению и включения в некий «джентельменский» интеллектуальный набор гуманитарной мысли XX столетия. Особенно важным в этом отношении стал этап 1980-х гг. В ходе этого этапа соединились два направления в изучении наследия Шпенглера: как философа истории, культуролога и политического мыслителя консервативного толка. Для того чтобы представить целостный образ пророка заката Запада понадобилось изменить точку зрения на немецкий консерватизм как мировоззрение и политическую позицию, отказаться от его понимания как сугубо реакционной и чуждой любому изменению жизни идеологии, что, в конечном итоге, перевернуло представления о таком феномене германской истории XX века как «консервативная революция». Немецким гуманитариям, отягощенным опытом «преодоления прошлого», особенно сложно это было сделать.

В год столетия со дня рождения автора «Заката Европы» вышел сборник статей «Шпенглер сегодня» (Spengler heute, 1980). Один из авторов сборника, известный западногерманский специалист по политической философии Герман Люббе в предисловии, отмечая дату столетия со дня рождения Шпенглера, писал о том, что эта дата важный рубеж в нашей оценке его наследия. «В долговременном влиянии идей Шпенглера едва ли приходится сомневаться. Причем, вне зависимости от политической и философской оценки его произведений» утверждал Люббе (Spengler heute, 1980. S. VII), но при этом считал, что «Шпенглер не классик» (Spengler heute, 1980. S. 1), тем не менее в предисловии к сборнику отмечал значение Шпенглера как философа истории и политического мыслителя. Люббе также говорит о важной, хотя и не бесспорной, роли «Заката Европы» на становление новейшей немецкой философии истории. Люббе предлагает оценивать интеллектуальное наследие Шпенглера во всей его целостности: от философии истории до политических взглядов, как одного из значительных идеологов правого лагеря в Веймарской республике, активно боровшегося против парламентской демократии. Политическая концепция Шпенглера, по мнению Люббе, актуальна исходя из последствий для немецкой истории краха Веймарской республики и возможности его научного исследования. «Имеется немного авторов межвоенного времени, в произведениях которых так отчетливо отразились предпосылки краха либеральной парламентской системы» (Spengler heute, 1980. S. VIII). Значение Шпенглера Люббе видел в том, что в его наследии в эмоциональной форме выразилось самопознание современной научно-технической цивилизации. В условиях начала неоконсервативного поворота в гуманитарной и общественно-политической мысли ФРГ возникает запрос на реполитизация и реидеологизация ряда сторон учения Шпенглера. Однако без тех крайних выводов, который он делал. Сборник «Шпенглер сегодня» как раз и был первым шагом в этом направлении.

В том же 1980 г. вышла диссертация Карин Экерманн «Освальд Шпенглер и современная критика культуры» (Eckermann, 1980), в которой

автор представил комплексный анализ интеллектуального местоположения Шпенглера в контексте гуманитарной и общественно-политической мысли XX столетия. Диссертация состоит из двух смысловых частей. В начале своей работы Экерманн рассматривает философско-историческую и политическую концепцию Шпенглера. Основную смысловую нагрузку несет вторая, историографическая часть работы. При этом автор не просто дает анализ историографии проблемы, а выявляет сходство и различия учения Шпенглера с современными культуристорическими теориями. Так, например, Экерманн обратила внимание на влияние философско-исторических и политических взглядов Шпенглера на консервативные интеллектуальные и политические течения западной мысли второй половины XX столетия. В поле зрения автора попали левые, либералы и правые интеллектуалы-гуманитарии, в творчестве которых, так или иначе, отражались различные мотивы западного социокультурного дискурса, поднятые в свое время Шпенглером: проблема экзистенциального влияния техники на человека и социум, конфликт человека и природы, разрушения образа человека и потеря «человеческой идентичности» личностью современной западной цивилизации, разрушение демократических норм и ценностей и т. д. Общий вывод Экерманн таков: интеллектуальное наследие Шпенглера, при всей его противоречивости и неоднозначности, оказало значительное влияние на современную культурфилософию и политическую теорию. «Большая часть шпенглеровского наследия жива в сегодняшнем культуркритицизме, хотя это не всегда отчетливо осознается авторами этих концепции» (Eckermann, 1980. S. 300). Экерманн видит позитивную задачу современной науки в переработке идей Шпенглера, в отказе от его фаталистических заключений, в отказе от его неверия и смятения в отношении будущего.

В 1984 году вышло первое издание, ставшей уже классической монографии американского историка и политолога Джеффри Херфа «Реакционный модернизм: технология, культура и политика в Веймаре и Третьем Рейхе» (Herf, 2003). Монография стала новым этапом в исследовании праворадикальных идеологий и движений межвоенного периода. Для объяснения праворадикальных идейно-политических феноменов межвоенного времени, на примере немецкого правого радикализма («консервативная революция» и национал-социализм), Хэрф предложил концепцию «реакционного модернизма», отличительной особенностью которого стал синтез иррационалистических идей немецкого консерватизма и национализма с «наиболее очевидной манифестацией направленной на достижения цели рациональности» (Herf, 2003. P. 1). Немецкие правые этого периода в своей идеологии и политике пытались, по мнению Хэрфа, совместить не совместимое, одновременно целиком отрицать Просвещение и пользоваться его плодами, что создавало идейную и политическую гремучую смесь. В дальнейшем концепция «реакционного модернизма» оказала большое влияние на изучение праворадикальных направлений в межвоенный период.

Отдельная глава книги посвящена Шпенглеру, которого Хэрф считает выдающимся представителем «консервативной революции». Хэрф отказался рассматривать философско-исторические и политические взгляды Шпенглера автономно друг от друга, резонно полагая, что они взаимообусловлены. По мнению Хэрфа, и название, и содержание самой известной работы Освальда Шпенглера «Закат Европы» выдают его как одного из главных представителей антицивилизационных настроений культурной критики в Веймарской республике. Она изобилует знакомым каталогом антимодернизма, но также выявляет тему, которая получила дальнейшее развитие, а именно: примирение романтических и иррационалистических настроений с идеями технического прогресса (Herf, 2003. Р. 49). По мнению Хэрфа, Шпенглер сопоставил немецкий культуру и западную цивилизацию, но, в отличие от Клагеса или Мёллера ван ден Брука, он пытался примирить культуру с немецким национализмом двадцатого века. Шпенглер надеялся, что «Закат Европы» побудит молодое поколение к использованию технологий и политики вместо поэзии и философии. В ряде эссе и книг Шпенглер создал сложный синтез между правым романтизмом и современной политикой, описывая современные технологии языком и символикой, которые можно адаптировать к националистической массовой политике.

Интеллектуальным итогом западной «шпенглеряны» 1980-х стала книга, которая окончательно «академически» канонизировала автора «Заката Европы». Речь идет о монографии Детлефа Фелькена «Освальд Шпенглер: консервативный мыслитель между кайзеровской империей и диктатурой» (Felken, 1988). По словам итальянского шпенглероведа Массимо Феррари Цумбини, – «это первая современная монография в истинном смысле этого слова» (Zumbini, 1999. S. 12 – 13). Главным достоинством монографии Фелькена Цумбини считал то, что автор впервые рассмотрел Шпенглера не как некоего провидца и пророка, а поставил вопрос о непосредственных источниках его философско-исторических и политических взглядах. Фелькену удалось связать воедино все грани интеллектуального наследия Шпенглера в единое целое и, самое главное, комплексно рассмотреть генезис научных и политических взглядов этого «Нестора» послевоенного поколения. Само название монографии свидетельствовало о том, что автор сумел выявить основополагающий мотив мировоззренческих и идейных исканий немецкого мыслителя. Основываясь на обширном корпусе источников, в том числе и неопубликованных архивных материалах, Фелькен показал взаимозависимость и взаимообусловленность философско-исторических и политических взглядов Шпенглера. По мнению Фелькена, значение творческого и идейного наследия Шпенглера состоит в том, что он как никто другой выразил дух своей эпохи. «В этом заключается его долговременное историческое значение, но также и границы его актуальности» (Felken, 1988. S. 246).

Монография Фелькена и очередной всплеск интереса к феномену немецкой «консервативной революции» вызвали новую волну изучения твор-

чества Шпенглера на рубеже XX – XXI вв. в западной гуманитарной мысли. Голландский исследователь

Нидерландский исследователь Фритц Ботерман избрал для своей трактовки творчества Шпенглера социально-психологический подход. Особенности мировоззрения Шпенглера Ботерман связывает со спецификой его социального происхождения – из среды мелкой буржуазии (Boterman, 1992. S. 353). Эти качества, главная черта которых – психологическая маргинальность, были присущи всем консервативным интеллектуалам поколения Шпенглера и «консервативных революционеров». Ментально это поколение так и не смогло перед 1914 годом интегрироваться в кайзеровский рейх. Ботерман объясняет культурпессимизм Шпенглера процессом социально-психологической дезинтеграции «буржуазии от образования» и потерей социального статуса ее представителей из-за падения престижа классического гуманитарного образования в Германии начала XX века. Культура в значении классической науки, высокого искусства и литературы не давала больше опоры ни в моральном, ни в социальном плане, Шпенглер отвернулся от гуманистических идеалов и увлекся идеями антиинтеллектуальной философии жизни. Шпенглер находился под сильным влиянием неоромантического движения, направленного против рационализма и позитивизма (Boterman, 1992. S. 356 – 357).

Представления Ницше о декадентстве и нигилизме были переработаны Шпенглером в систему циклов культур, а закат западной культуры был сравним с другими культурами. Шпенглер взял формулу Ницше о «переоценке всех ценностей» за исходную точку своей критики культуры. Культурный кризис Запада рассматривался Шпенглером в контексте отсутствия духовной витальности. Философия культуры Шпенглера была в высшей степени романтической и направленной против идей Просвещения. Шпенглер целиком находился в русле традиций немецкой романтики. В основе философско-культурной системы «Заката Европы» лежит метафизика философии жизни, которую Ботерман определяет как эрзацрелигию (Boterman, 1992. S. 357).

В 1990-е гг. на волне нового интереса к наследию Шпенглера предпринимается опыт интернационально-компаративного рассмотрения его основных философско-исторических, культурологических и политических идей. В данном случае речь идет о сборнике «Случай Шпенглера: критический итог» (Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz, 1994). Сборник стал итогом международной конференции, прошедшей в Германии в 1992 г. В конференции и сборнике приняли участие ведущие западные исследователи творчества Шпенглера: американцы Джон Фарренкомпф и Джеффри Хэрф, ведущий французский шпенглеровед Жильберт Мерлио, немецкие исследователи: философ Герман Люббе, антиковед Александр Демандт, политолог Клеменс Волльнхальс, итальянец философ Массимо Феррари Цумбини.

Говоря о значении Шпенглера, авторы сборника высказывают ряд точек зрения на эту проблему. Например, во введении к сборнику Александр Де-

мандт выделяет два подхода в научном сообществе к оценке Шпенглера. Одни исследователи считают его интеллектуалом, который полнее всего выразил кризисный межвоенный период, другие – видят в нем в большей степени мыслителя, работавшего на сенсацию (*Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz*, 1994. S. VII). Мерлио пишет: «Спор о Шпенглере не окончен» (Merlio, 1994. S. 115). Он полагает, что Шпенглера можно читать и воспринимать из двух противоположных подходов. Представители первого подхода к интеллектуальному наследию Шпенглера рисуют образ мыслителя, стоявшего между кайзеровским рейхом и национал-социализмом. В данном случае Шпенглер воспринимается как экстремистки настроенный националист, главный представитель «консервативной революции», оказавший непосредственное влияние на духовный климат времени и идеологически подготовивший национал-социализм. Сторонники второго подхода вырывают немецкого мыслителя из социально-политического контекста времени и сосредотачивают внимание на достижениях Шпенглера в области философии истории и культуры. В противоположность обоим подходам, Мерлио считает, что отделить националистические взгляды Шпенглера от его философии истории и культурфилософии практически невозможно. Эти взгляды радикализируют его основные идеи и во многом лишают их достоверности и теоретико-познавательного содержания, но именно такой гремучий синтез как раз и составляет основу неослабевающего интереса к Шпенглери (Merlio, 1994. S. 115 – 116).

Известный американский шпенглеровед Джон Фарренкопф, размышляя о философских предпосылках культурно-исторической концепции Шпенглера, утверждал, что опасения глубокого кризиса современной цивилизации получили распространения в Германии в период Второго рейха и были связаны с появлением немецкого культурпессимизма, который был представлен именами Фридриха Ницше и Якоба Буркхардта. Однако идеи культурпессимизма перед Первой мировой войной не нашли в Германии широкой поддержки в кругах немецких историков и широкой публики (Farrenkopf, 1994. S. 61). Шпенглер, по мнению Фарренкопфа, положительно относился к традициям немецкого историзма, но воспринимал их через культурпессимизм. «Закат Европы» есть провокативный синтез творческой попытки Шпенглера создать инновационную философско-историческую и политическую концепцию в рамках традиций немецкого историзма и культурпессимизма (Farrenkopf, 1994. S. 62). Согласно Фарренкопфу, «Закат Европы» в буквальном смысле этого слова наэлектризовал образованные слои Германии, которые переживали последствия Первой мировой войны и были готовы воспринять произведение, отвергавшее традиционный оптимизм немецкого историзма на ход истории и прочность европейского интернационального порядка. Философия мировой истории и международной политики Шпенглера ясно показала слабость ранкеанской и неоранкеанской теории равновесия, которая была основана на принципе сохранения множества независимых и могущественных национальных государств и культур. В этой связи Фаррен-

копф отмечает позицию признанного лидера неоранкеанцев Фридриха Мейнеке, который не признал революционного значения «Заката Европы» для немецкой исторической мысли (Farrtenkopf, 1994. S. 63). После выхода второго тома «Заката Европы» апокалиптическое видение Шпенглером мировой истории значительно усилилось.

В 1990-е гг. в западной гуманитарной мысли характеризуются всплеском интереса к немецкой «консервативной революции», что активизировало исследования политической доктрины Шпенглера и ее связи с его философией истории в контексте «консервативной революции». Рольф Петер Зиферле в своем исследовании (см. ниже) утверждал, что Шпенглер одновременно, и без различия между ними, использовал два понятия культуры релятивистско-историческое и нормативное (Sieferle, 1995. S. 108). Философско-историческая концепция Шпенглера, по мнению Зиферле, подчинена политическим задачам. Мировая война окончательно показала, какие цивилизационные силы будут доминировать в мировой истории: английский разбойнический капитализм или по-прусски организованный социализм. Таким образом, речь идет о противоречиях внутри современной цивилизации, но не в коем случае о реакционной охранительной борьбе против самой цивилизации. Согласно Зиферле, для Шпенглера вопрос о возвращении к предцивилизационному состоянию не стоял на повестке дня (Sieferle, 1995. S. 111).

Раймонд фон Буше называет Шпенглера авангардистом среди консервативных мыслителей Веймарской республики. Культурфилософия Шпенглера явилась первым опытом создания целостной метаполитической конструкции в германском консерватизме в ходе Первой мировой войны. Под метаполитическими конструкциями немецких консерваторов в Веймарской республике Буше понимал создание универсальной политической теории, способной соединить в себе различные грани бытия и направленной, в конечном счете, на возвращение предвоенного образа и положения консервативной социокультурной ментальности. Шпенглер дал немецким консерваторам звучный тезис-лозунг «Закат Европы», который стал символом консервативного движения в Веймарской Германии. «Метаисторическое учение Шпенглера о закате культур является псевдоисториографическим выражением его бегства в область метаполитических спекуляций», – резюмирует Буше (Bussche, 1998. S. 122). Касаясь взаимосвязи философии истории Шпенглера с его политическими воззрениями, Буше считал, что в своем учении о неизбежности упадка культур Шпенглер не желал реставрации политических институтов прошлого. «Он стремился к возможности возвращения к аполитичному бытию» (Bussche, 1998. S. 128).

Завершение дискуссии о сущности феномена «консервативной революции» в Веймарской республике, длившейся в гуманитарной мысли более десяти лет, с момента выхода книги Ш. Бройера, происходит в 2005 г. с выходом шестого переиздания книги А. Молера – это был фактически новый труд, сохранивший лишь старое название. В последние годы жизни осново-

положника изучения «консервативной революции» в западной гуманитарной мысли Молера по его просьбе один из ведущих идеологов «новых правых» в ФРГ, политолог и историк К. Вайсманн взялся за переработку «Консервативной революции в Германии». В результате усилий Вайсманна, с одобрения Молера, который перед своей кончиной в 2003 году успел ознакомиться и одобрить вариант редакции книги, сделанной Вайсманном, фактически получился новый текст. Начало становления идеологии «консервативной революции» Вайсманн датирует 1918 годом, когда вышли первые программные сочинения ее представителей: первый том «Заката Европы» О. Шпенглера и «Размышления аполитичного» Т. Манна. Труд Шпенглера, по мнению Вайсманна, был написан не только для обоснования новой философии истории, но по замыслу автора должен был служить политическим и военным ориентиром для германской политической элиты после войны (Mohler, Weißmann, 2005. S. 68). Всё, что написал Шпенглер после «Заката Европы» – это развитие идей его культурно-исторической концепции, в том числе и «консервативно-революционная» публицистика (Mohler, Weißmann, 2005. S. 69 – 70).

Дискуссия об интеллектуальном наследии Шпенглера на рубеже XX – XXI вв. также затронула и англоязычное пространство. Исследование «консервативной революции» в русле концепции модернизации предпринял известный английский германист Томас Рокрэмер. В книге «Другой модерн? Критика цивилизации, природа и техника в Германии 1880 – 1933». Рокрэмер предложил рассматривать антимодернистские тенденции в Германии конца XIX – первой трети XX вв. не в контексте проявления идеологии различных реакционных движений, а как естественную реакцию на кризис процесса модернизации (Rohkrämer, 1999). Рокрэмер следующим образом характеризует значение культурно-исторической и политической концепции Шпенглера для своего времени: «Своеобразная мешанина из кажущегося безальтернативным анализа своей эпохи как времени упадка и требования исполнения долга как акта героического пессимизма все это точно попало в нерв эпохи, да так, что одиночка из мюнхенского Швабинга благодаря своей книге «Закат Европы» стал одним из наиболее успешных немецких писателей 1920-х гг.» (Rohkrämer, 1999. S. 285). Касаясь вопроса понимания процесса цивилизации Шпенглером и, соответственно, современности, Рокрэмер утверждает, что автор «Заката Европы» пошел дальше своих предшественников, рассматривая цивилизацию во вселенском масштабе, как судьбу любой культуры. Лозунг «Закат Европы» после Шпенглера стал синонимом наиболее фаталистичной, пессимистической и консервативной критики модерна (Rohkrämer, 1999. S. 286). В самой же Германии такой подход быстро трансформировался в острую критику Веймарской республики. «Будущее должно быть, по убеждению Шпенглера, авторитарным и милитаристским: империализм и цезаризм были для него основными признаками поздней фазы культуры» (Rohkrämer, 1999. S. 287).

В 2001 г. из печати выходит книга современного американского исследователя творчества Шпенглера Джона Фарренкопфа «Пророк упадка. Шпенглер о мировой истории и политике» (Farrenkopf, 2001). Работа характерна тремя моментами. Во-первых, Фарренкопф работал с рукописями из архива Шпенглера в Мюнхене (изданы были позже). Во-вторых, большой историографической частью по текущему состоянию исследований Шпенглера, особенно в Германии, В-третьих, Фарренкопф попытался оценить исторические и политические прогнозы Шпенглера, что было новшеством для американской публики, которая, несмотря на то что «Закат Европы» был издан в США еще в 1930-е гг., плохо знала интеллектуальное наследие немецкого мыслителя. Относительно оценки философии истории Шпенглера Фарренкопф делает вывод, что культурно-историческая концепция немецкого философа не является чем-то застывшим, Шпенглер расширил свои идеи после «Заката Европы», которые можно назвать его второй, в значительной степени неопубликованной теорией истории. Интересна оценка Фарренкопфом политической концепции Шпенглера, прежде всего ее критики. «Нельзя избежать впечатления, что интенсивность и эмоциональность большей части критики отражает антагонизм к веймарскому неоконсерватизму и историческому пессимизму Шпенглера» – пишет он (Farrenkopf, 2001. Р. 120). Соединяя культурно-историческую и политическую концепции Шпенглера, Фарренкопф пишет, вклад Шпенглера в философию государственного управления состоит в его аргументе о том, что политически реалистичная политика в двадцатом веке и после него может быть сформулирована только в соответствии с глубоким пониманием того, что обусловлено разворачивающимися грандиозными историческими тенденциями. Изучение Шпенглером жизненных циклов прошлых цивилизаций обогащает государственное управление, поскольку оно освещает неотвратимые тенденции будущего (Farrenkopf, 2001. Р. 300).

Из работ 2000-х гг. также необходимо отметить книгу австрийского исследователя боснийского происхождения, научного сотрудника института философии университета города Граца Самира Османцевича «Освальд Шпенглер и конец истории» (Osmancevic, 2007). В своей работе автор ставил перед собой многоплановые задачи. Во-первых, опровергнуть тезис о не актуальности наследия Шпенглера. Османцевич не считает, что в изучении идейного наследия Шпенглера следует подвести некий критический итог. Актуальность философии истории Шпенглера автор усматривает не только в ее сенсационной форме, но и в ее глубоком содержании (Osmancevic, 2007. S. 34 – 35). Шпенглер в начале XXI века не менее современен и интересен, чем в первой половине XX.

Вторая задача труда Османцевича заключается в выявлении и анализе автором эсхатологических мотивов в философии истории и философии политики Шпенглера в русле концепции «конца истории». Эсхатологизм Шпенглера, по мнению Османцевича, проявляется в осознании им невозможности после гибели западной культуры нового начала мировой истории (некую на-

дежду оставляет формирующаяся русская культура). Османцевич выделяет два типа философско-исторической мысли: аналитический и спекулятивный. Эсхатологические концепции принадлежат, по мнению автора, к типу философско-исторических спекуляций. В их основе лежит идея возведения законов человеческой, социальной и политической жизни во всеобщий принцип исторического развития, когда субстратом истории выступают культуры, расы, народы, политика и т. д. (Osmančević, 2007. S. 44).

Анализ основных философско-исторических и политических идей Шпенглера позволил Османцевичу сделать, на наш взгляд, довольно верное замечание о том, что актуальность интеллектуального наследия Шпенглера заключается не в тех ответах, которые давал он сам, а в тех вопросах, которые являются прямым следствием его философско-исторической системы (Osmančević, 2007. S. 137). Актуальность интеллектуального наследия Шпенглера также определяется его современным звучанием. Он предчувствовал наступление эпохи постмодерна. Он пытался обосновать новую онтологию истории, а его поздняя метафизика истории, выраженная в опубликованных посмертно трудах «Первовопросы» и «Раннее время мировой истории» не уступает, по мнению Османцевича, по своей глубине и интеллектуальному замыслу «Закату Европы» (Osmančević, 2007. S. 199 – 200).

Приближающееся в 2018 г. столетие со дня выхода в свет первого тома «Заката Европы» вызвало новую волну интереса к творчеству Шпенглера. Помимо переиздания его трудов на различных европейских языках (в Германии они издаются регулярно), вышел ряд сборников с международным участием, интеллектуальным интегратором которых стала германская гуманитарная мысль (Spengler – ein Denker der Zeitenwende, 2009; Oswald Spengler als europäisches Phänomen: der Transfer der Kultur- und Geschichtsmorphologie im Europa der Zwischenkriegszeit 1919 – 1939, 2013; Spengler ohne Ende: ein Rezeptionsphänomen im internationalen Kontext, 2014).

В предисловии к сборнику «Шпенглер мыслитель рубежа веков» известный французский шпенглеровед Жильберт Мерлио отмечает, что интеллектуальное наследие Шпенглера обречено восприниматься в двойной перспективе. С одной стороны, он является мыслителем, стоящим между кайзеровским рейхом и диктатурой и духовным отцом «консервативной революции», труды которого подготовили идеологический климат для национал-социализма, с другой – Шпенглер автор оригинальной философско-исторической концепции «Заката Европы». И между этими фактами существует жесткая диалектическая связь, одно вытекает из другого (Merlio, 2009. S. 9). Мерлио, рассматривая идеи Шпенглера, выявляет, как корректируются друг с другом различные стороны культурно-исторической и политической концепции Шпенглера. Например, идея высоких культур, есть одновременно доведенная до своего логического завершения националистическая идея об автаркии, однако, по мнению Мерлио, «философия Шпенглера предвосхитила структурную революцию, которая разрушила этноцентризм западного ра-

ционализма, чтобы показать полифонию культур» (Merlio, 2009. S. 10). То же самое относится к дихотомии культура/цивилизация в учении Шпенглера. С одной стороны, это парадоксальным образом интерпретированный Шпенглером лозунг «идей 1914» о борьбе немецкой культуры против цивилизации Запада, с другой – продолжение культурпессимистических идей рубежа XIX–XX вв. в европейской гуманитарной мысли, в которых Шпенглер выступил защитником культуры. Мерлио делает интересное наблюдение об актуальности Шпенглера. Он называет конец XX – начало XXI вв. также временем рубежа веков, проблемы которые решает человечество, очень похожи на проблемы конца XIX – начала XX вв. Поэтому нет в современности тех проблем, к которым бы не обращался Шпенглер в «Закате Европы» (Merlio, 2009. S. 13). В этом Мерлио видит актуальность интеллектуального наследия Шпенглера, несмотря на то, что «длинная тень его консервативно-националистической публицистики надолго затмила значение его философии истории и философии культуры» (Merlio, 2009. S. 14).

Сборники «Шпенглер как европейский феномен» и «Шпенглер без конца» тематически и содержательно дополняют друг друга. Они посвящены восприятию и влиянию идей Шпенглера в европейской и мировой гуманитарной мысли. Сборник «Шпенглер как европейский феномен» составлен из материалов международного симпозиума, проходившего в Институте европейской истории имени Лейбница в Майнце в 2012 г. Редакторы сборника Заур Касимов Карл Антониус Лемке Дукве в предисловии отмечают, что воздействие философии истории и философии культуры Шпенглера не ограничивалось только пределами Германии. Значение морфологии истории Шпенглера для гуманитарной мысли они сравнивают с теорией относительности Эйнштейна для естествознания. «Историческая морфология Шпенглера между 1919 и 1939 гг. имела чрезвычайно интенсивный, но в то же время крайне амбивалентный эффект в Европе» (Oswald Spengler als europäisches Phänomen: der Transfer der Kultur- und Geschichtsmorphologie im Europa der Zwischenkriegszeit 1919 – 1939, 2013. S. 11). Авторы также выделяют два уровня восприятия и критики идей Шпенглера в европейской и мировой гуманитарной мысли межвоенного периода. Первый уровень следовал в русле критики Шпенглера в Германии. Второй был обусловлен попытками трансформировать и использовать идеи Шпенглера в создании собственных философско-исторических концепций таких исследователей как: А. Тойнби, Й. Хейзинга, Х. Ортега-и-Гассет (Oswald Spengler als europäisches Phänomen: der Transfer der Kultur- und Geschichtsmorphologie im Europa der Zwischenkriegszeit 1919 – 1939, 2013. S. 13–14).

Сборник «Шпенглер без конца» также является результатом конференции организованной в 2001 г. в Париже обществом по изучению истории и культуры Германии Сорбонны при содействии Немецкой службы академических обменов и парижского дома Генриха Гейне. Поэтому сборник тематически связан со сборником «Шпенглер как европейский феномен», так как на

конференциях в Париже и Майнце поднимались схожие проблемы современного западного шпенглероведения: актуальность идей немецкого мыслителя, их интерпретация, как современниками, так и потомками, интеллектуальные контуры, границы и значимость влияния идей Шпенглера.

В предисловии к сборнику его редакторы Жильберт Мерлио и Даниэль Майер пишут: «Если величина мыслителя может быть измерена заимствованием его идей, то Шпенглер, несомненно, великий мыслитель» (Spengler ohne Ende: ein Rezeptionsphänomen im internationalen Kontext, 2014. S. 7). Авторы считают, что сочинения Шпенглера одновременно современные и не современные. Они современные, исходя из новейшего кризиса Запада. Не современные – так как отражают философские, идеологические и политические воззрения и практику его эпохи. Из такой перспективы формируется, по мнению Мерлио и Майера, двойной подход к значению интеллектуального наследия автора «Заката Европы». С одной стороны - Шпенглер выступает как репрезентативная фигура Веймарской республики, с другой – как гениальный мыслитель-одиночка, проложивший новые пути гуманитарной мысли (Spengler ohne Ende: ein Rezeptionsphänomen im internationalen Kontext, 2014).

В преддверии столетия выхода «Заката Европы» группа исследователей, историков, философов, политологов, юристов, экономистов в 2017 году создала международное «Общество Шпенглера по изучению человечества и всемирной истории» (The Oswald Spengler Society for the Study of Humanity and World History [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.oswaldspenglersociety.com>). Свою миссию создатели «Общества» характеризуют следующим образом «Общество Освальда Шпенглера по изучению человечества и всемирной истории» занимается пониманием принципов, лежащих в основе эволюции человека, всемирной истории и ее перспектив. Его задача – сравнительное изучение культур и цивилизаций, включая предысторию, эволюцию человечества в целом и экстраполяции относительно возможного будущего человека. Общество черпает вдохновение в работах и идеях Освальда Шпенглера, но нацелено на применение самых современных междисциплинарных подходов, включая эволюционную теорию, социобиологию, философию, психологию, юриспруденцию и археологию» (The Oswald Spengler Society for the Study of Humanity and World History [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.oswaldspenglersociety.com/the-society>). Свое внимание к фигуре Шпенглера основатели «Общества» обосновывают тем, что Шпенглер получил широкое признание в дебатах о «конце истории» в последние десятилетия и оказал влияние на ряд современных концепций по философии истории, в частности на Сэмюэля Хантингтона и его концепцию столкновений цивилизаций.

В 2018 г. «Обществом» была проведена конференция, приуроченная к столетию выхода «Заката Европы» (Der lange Schatten Oswald Spenglers: einhundert Jahre Untergang des Abendlandes, 2018) и присуждена первая премия имени О. Шпенглера. Ее лауреатом стал известный современный француз-

ский писатель Мишель Уэльбек за правдивое описание социокультурной, психологической и общественной ситуации на современном Западе. «Общество» также объявило об идее издания под своей эгидой книжной серии общества Шпенглера, вторая книга серии вышла в 2019 г. (Michel Houellebecq. Oswald Spengler und der «Untergang des Abendlandes», 2019). «Общество» также выпускает сетевой журнал «Освальд Шпенглер – онлайн». Таким образом, можно отметить, что создание «Общества Шпенглера» призвано актуализировать интеллектуальное наследие автора «Заката Европы».

2.2. Шпенглер в отечественной гуманитарной мысли.

Пока западная гуманитарная мысль осмысливала сенсационность идей Шпенглера, например, А. Дж. Тойнби, после знакомства в 1920 году с первым томом «Заката Европы», начинает обдумывать концепцию своего не менее известного труда «Постижение истории» (Тойнби, 1995, с.24), выход первого тома вызвал острую полемику в Советской России, закончившуюся, как известно, для ряда деятелей русского серебряного века печально известным «философским пароходом» в 1922 году. Причем полемика была связана как с реакцией представителей русской религиозной философии, которые нашли в «Закате Европы» общие мотивы с русским духовным возрождением начала XX столетия, так и реакцией формирующейся в Советской России марксистской философии диалектического и исторического материализма.

Федор Степун вспоминал, что через своих знакомых узнал «в Германии появилась замечательная книга никому раньше неизвестного философа Освальда Шпенглера, предсказывающая близкую гибель европейской культуры» (Степун, 1994. С. 512). После получения Степуном немецкого экземпляра первого тома «Заката Европы», Н. А. Бердяев попросил его сделать доклад о книге на заседании Религиозно-философской академии. Доклад вызвал широкий резонанс в кругах той части русской интеллигенции, которая осталась после революции и Гражданской войны в России. По словам Степуна, он выступал с докладом в разных аудиториях. Степун передает следующим образом впечатление на русскую интеллектуальную публику, которое произвела книга Шпенглера «книга Шпенглера, многими нитями связанная с русской философией, с раздумьями славянофилов, Соловьева, Достоевского и Данилевского и дошедшая до нас в самый острый момент духовно-политического кризиса, с такой силой завладела умами образованного московского общества, что было решено выпустить специальный сборник посвященных ей статей» (Степун, 1994. С. 515).

Сборник получил название «Освальд Шпенглер и Закат Европы» и был опубликован в московском издательстве «Берег» в начале 1922 года, его авторами стали видные деятели русского религиозно-философского возрождения начала XX: Н. А. Бердяев, Я. М. Букишпан, Ф. А. Степун и С. Л. Франк. Сборник, во-первых, стал одним из ярких образцов интеллектуальной мысли русского серебряного века, во-вторых, он стал последней каплей терпения советской власти в отношении «буржуазной интеллигенции». После того как В. И. Ленин, прочитав сборник, назвал его «литературным прикрытием белогвардейской организации» (Бердяев, 2007. С. 1124) было решено произвести массовую высылку «буржуазной интеллигенции» из Советской России на так называемом «философском пароходе» в 1922 году, куда попали не только авторы сборника.

Авторы сборника, не претендуя на полноту анализа «Заката Европы», попытались, по их словам, «по возможности воспроизвести объективное со-

держание его идей» (Бердяев, 2007. С. 849). Надо отдать должное русским мыслителям они одними из первых в европейской гуманитарной мысли почувствовали сущность, своеобразие и значение книги Шпенглера, определив «Закат Европы» как выдающееся явление в немецкой и европейской культуре. Известный философ С. Л. Франк давал, например, следующую восторженную характеристику «Закату Европы»: «Книга Шпенглера «Закат Европы» есть, бесспорно, самая блестящая и замечательная в буквальном смысле слова книга европейской литературы со времени Ницше...» (Бердяев, 2007. С. 873). Русские философы серебряного века сразу почувствовали в Шпенглере своего единомышленника, так как в своих трудах неоднократно ставили проблемы, которые он поднял в «Закате Европы», в частности проблему кризиса культуры. Однако две вещи у Шпенглера были неприемлемы для русских мыслителей: первое его исторический релятивизм, его неверие в живительную силу научной мысли в деле познания окружающей действительности, об этом много пишет в своей статье С. Л. Франк. Второе его стремление раньше времени похоронить западную культуру, его непонимание того факта, как отмечал Н. А. Бердяев, что выход такой книги как «Закат Европы» есть свидетельство существования этой самой культуры. Н. А. Бердяев также четко уловил политический подтекст философии истории Шпенглера. «Шпенглер германский патриот, германский националист и империалист» (Бердяев, 2007. С. 849).

Выход сборника статей «Освальд Шпенглер и Закат Европы» вызвало бурную реакцию как представителей формирующейся советско-марксистской интеллигенции, так видных деятелей науки и культуры, которые, как и авторы сборника, принадлежали «старому» постепенно уходящему из Советской России миру буржуазному. Правовед и философ Б. П. Вышеславцев, кстати, будущий коллега Н. А. Бердяева по «философскому пароходу», в рецензии на сборник отметил интеллектуальную близость философско-исторических исканий Шпенглера к русской философии, а также авторам сборника. Особо Вышеславцев отмечает эту близость, и вполне справедливо, между Шпенглером и Бердяевым. В тоже время он, как представитель рационалистического направления в русской философии начала XX века (по крайней мере, до своей «насильственной» эмиграции), не принимает иррационализм и натурализм Шпенглера и апокалиптические настроения авторов сборника.

Будущий знаменитый социолог П. А. Сорокин, один из пионеров применения в социологии психологического метода, рассматривает труд Шпенглера и реакцию на его в Германии и России как феномен социальной психологии. Война и ряд катастрофических событий последних лет, по мнению Сорокина, нарушили равновесие психики культурного человечества, «отсюда становится понятной неизбежность коренной «переоценки всех ценностей», радикальных изменений общественной психологии» (Бердяев, 2007. С. 956). По мнению Сорокина, основные идеи Шпенглера упали на хорошо подготов-

ленную почву русской духовной культуры начала столетия. Это и касается авторов сборника, «кто знал мировоззрение участников сборника (кроме разве одного Букшпана), тот заранее мог предвидеть, что лейтмотивы шпенглеровской книги вскоре найдут отзвук именно в тех слоях, ярким выразителем которых является Н. А. Бердяев, отчасти С. Л. Франк» резюмирует Сорокин (Бердяев, 2007. С. 958).

Теперь о марксистской реакции на выход сборника. Историк проф. Преображенский в своей рецензии на сборник констатирует: «Шпенглериянство вещает смерть, философия социализма воскресение» (Преображенский, 1922. С. 65). Известный публицист Карл Грасис назвал свою статью-рецензию «Вехисты о Шпенглере», он полагал, что шпенглеровская морфология всемирной истории есть банальная реакция старого мира на нарождение мира нового мира социализма, в котором культура, наоборот, получит своё высшее развитие. Авторам сборника «Освальд Шпенглер и Закат Европы», якобы поднявшимся, по мнению Грасиса, на некую высшую ступень религиозного сознания абсолютно чужды и не приемлемы идеи построения нового общества. Всё это напомнило Грасису ситуацию дискуссии вокруг сборника «Вехи», тем более что авторы у сборников почти одни и те же. «Вехи», как пишет Грасис, ставили крест на русской революции, и как только появились признаки мировой революции «наши веховцы опять тут как тут» (Бердяев, 2007. С. 1003).

Журнал «Красная новь» во 2-м номере (март-апрель 1922 года) на своих страницах провел полемику относительно сборника «Освальд Шпенглер и Закат Европы». Помимо вышеупомянутой статьи Грасиса, свои размышления написали В. Базаров «О. Шпенглер и его критики» и С. Бобров «Контуженый разум». Базаров считал, что книга Шпенглера не научный феномен, а феномен художественной литературы и признает за содержанием сборник «предварительную ориентировку, достаточную для того, чтобы понять, о чем идет речь» (Бердяев, 2007. С. 1009). Однако религиозно-романтическая мечтательность, авторов сборника, а Базаров считает их представителями русской религиозно-философской мысли, едва ли поможет читателю правильно осмыслить и понять основные идеи Шпенглера. Бобров называет Шпенглера и его последователей людьми с контуженным мировой войной разумом, но люди здравого разума и здравой воли должны опомниться, «но Шпенглер и шпенглерияне вряд ли опомнятся, их-то гибель неизбежна. В ощущении гибели такого сознания все очарование Шпенглера» (Бердяев, 2007. С. 1042).

Эталоном марксистской критики Шпенглера в 1920-х гг. считается статья одного из основателей советской философии А. М. Деборина «Гибель Европы или торжество империализма?» опубликованная в журнале «Под знаменем марксизма» (1922. № 1 2. Январь-февраль). Деборин отмечает литературный талант Шпенглера, но считает, что его книга идейный реванш германского империализма и национализма над своими противниками. Спорить с метафизикой Шпенглера, по мнению Деборина, бесполезно, ее нужно

только принимать на веру, так как ничего научного в ней нет. Поскольку, как утверждал Деборин, марксизм являлся общепризнанной идеологией международного рабочего движения, главная задача Шпенглера – борьба с материалистическим пониманием истории. Его цель – утверждение принципа народности в культуре, понимаемого в прусском духе. «Этот принцип народности должен оправдать специальные притязания прусского империализма» (Бердяев, 2007. С. 972). Надо отдать должное Деборину, он четко уловил суть культурно-исторической и политической концепции Шпенглера, в основе которой лежала идея «прусского социализма» как некой социокультурной модели, базирующейся на принципах немецкого консерватизма, авторитаризма и национализма, но для истинного марксиста коим Деборин, несомненно, был, «прусский социализм» есть торжество империализма над социализмом. Деборин категорически не приемлет идею Шпенглера о синтезе консерватизма и социализма, да еще в прусской обертке. «В борьбе с марксизмом Шпенглер выдвинул свою философию истории и идею «социалистической монархии», т. е. идею истинно прусского социализма и империализма, в надежде, что немецкие рабочие дадут себя увлечь на путь шовинизма» – делает вывод Деборин (Бердяев, 2007. С. 985).

Выход сборника в начале 1922 г. «Освальд Шпенглер и Закат Европы» и дискуссия вокруг самым непосредственным образом сказались на дальнейшем восприятии идей Шпенглера в Советской России. С одной стороны в ходе этой дискуссии было четко определены границы инакомыслия, которые могла допустить советская власть, особенно в отношении «буржуазной интеллигенции». С другой – в ходе дискуссии начала формироваться марксистское понимание культурно-исторической и политической концепции Шпенглера, получившее своё дальнейшее развитие в советской гуманитарной мысли. Парадоксом дискуссии было то, что издание в 1923 году на русском языке в московском и петроградском издательстве Л. Д. Френкеля первого тома «Заката Европы» уже не вызвало столь живой интерес к Шпенглеру, как это было годом ранее. Марксистское восприятие «Заката Европы» требовало еще некоторого осмысления, а «буржуазное вольнодумство» было строго пресечено.

Победное шествие фашизма и национал-социализма в Европе 1930-х гг. подвигло советских гуманитариев к активному изучению предпосылок праворадикальных идеологий в целях разработки идейного оружия в борьбе против фашистской агрессии, ксенофобии и, как полагали советские исследователи, борьбы против рабочего класса и его авангарда коммунистических партий. Германия в этом отношении, с ее преобладанием консервативной и авторитарной политической культуры, была благодатной интеллектуальной почвой для подобных идеологических и политических упражнений. В леворадикальных политических кругах, в том числе и в советской интеллигенции, был поставлен вполне, справедливый, хотя и несколько одномерный вопрос, как в стране философов и поэтов стал возможен Гитлер. Марксистские ин-

теллектуалы в 1930-х гг., да и после, даже не могли подумать о том, что в этот же период похожий вопрос, правда, с разной степени честности задавали себе и германские консерваторы, к которым, несомненно, следует отнести и «консервативных революционеров», а Шпенглер был одним из первых консерваторов, который в самом начале Третьего рейха в 1933 г., попытался ответить на этот вопрос. Но, как бы то не было, борьба с нацистской идеологией потребовала от советских гуманитариев серьезной интеллектуальной работы по освоению наследия культуры Германии и немецкой исторической и философской мысли в частности.

В данном случае речь идет о книге одного из лучших специалистов по немецкой философии в советской гуманитарной мысли В. Ф. Асмуса «Маркс и буржуазный историзм» (Асмус, 1933). Автор посвятил анализу «Заката Европы» три последних главы. Достаточно прочитать их заглавие, чтобы понять общую тональность авторского подхода: глава XVI «Философия фашизирующейся Германии. Шпенглер и проблема специфичности исторической науки»; глава XVII «Биологизм философии истории Шпенглера и его классовая направленность в условиях фашизирующейся Германии»; глава XVIII «Философия истории Шпенглера как явление современного буржуазного алогизма». При этом необходимо отметить, что в отношении анализа и критики Шпенглера труд Асмуса это не публицистика начала 1920-х гг., а фундаментальное монографическое исследование, ставящее своей целью всестороннее выявление различных теоретико-методологических форм «буржуазного историзма» до и после появления марксизма.

Включение автором фигуры Шпенглера в число значительных представителей современного «буржуазного историзма» являлось фактом признания его культурно-исторической и политической концепции в советской гуманитарной науке. Асмус констатирует: «Закат Европы» не принадлежит к числу тех книг, которые пишутся наспех, на злобу дня, *ad hoc*. Не только собственные разъяснения ее автора, но что гораздо убедительнее все содержание книги, ее композиция, стиль, форма изложения свидетельствуют о том, что «Закат Европы» плод многолетней работы, обширного изучения десятилетиями слагавшихся дум» (Асмус, 1933. С. 214). По мнению Асмуса, теоретическая направленность «Заката Европы» далеко выходит за пределы исключительно философско-исторической теории, об этом свидетельствует то, что симптоматическое значение книги надолго пережило период ее литературного успеха, который был в большей степени немецким, чем европейским. Особенность восприятия труда Шпенглера в Германии, Асмус объясняет, ее послевоенным положением и социальной базой, на которую был рассчитан «Закат Европы». «Сама по себе социальная база «Заката Европы» была довольно узка и в европейском масштабе не могла иметь большого веса. Социальную основу книги Шпенглера составляли интересы феодального, прусского юнкерства (Асмус, 1933. С. 215). Униженному и оскорбленному национальному чувству немецкой буржуазии книга Шпенглера противопостав-

ляла глубокое убеждение в том, что катастрофа, пережитая Германией, не есть гибель одной лишь германской культуры.

Говоря о фашистской Германии, Асмус считал, что философия Шпенглера, отодвинутая своим пессимизмом в тень в период кратковременной стабилизацией капитализма, переживает своеобразное возрождение. Германский фашизм пытается использовать философию истории Шпенглера в своих интересах, в современных условиях развития Германии резонанс работ Шпенглера приобретает несомненное политическое значение. Однако Асмус также замечает принципиальные различия между Шпенглером и нацизмом. «Конечно, в целом книга Шпенглера вряд ли будет признана вождями немецкого фашизма за адекватное выражение фашистской идеологии. В «Закате Европы» для них еще слишком много «утонченного интеллектуализма», в уничтожении которого Гитлер и его сподвижники видят одну из задач своей политики» (Асмус, 1933. С. 269).

В своем критическом взгляде на философию историю Шпенглера Асмус не только вскрывает ее политический контекст, но и дает анализ ее теоретико-методологических основ. По словам автора, «в оболочке философско-исторической системы (*Шпенглера курсив мой*) скрывается острая и напряженная антиинтеллектуалистическая методология, принципиальная критика логики и научных методов познания» (Асмус, 1933. С. 217) и является ярким выражением современной буржуазной философской мысли. Помимо антиинтеллектуализма метода Шпенглера Асмус также отмечает, что автор «Заката Европы» не видит принципиального различия между материалистическим и идеалистическим пониманием истории. Асмус утверждает, что Шпенглер, под предлогом борьбы против перенесения методов естественных наук на историю, борется на самом деле против научной трактовки истории. «Цель Шпенглера не столько в том, чтобы определить подлинное своеобразие исторического объекта, сколько в том, чтобы совершенно вывести историческое исследование за пределы науки и научной трактовки. В конечном счете воззрения Шпенглера не есть историзм, но прежде всего восстание против науки» (Асмус, 1933. С. 227). Характерным выражением антинаучности метода Шпенглера стал, по мнению Асмуса, его биологизм, который «есть наиболее удобная для Шпенглера форма развития его социально-политических воззрений», а «философия истории Шпенглера есть не столько теория исторического процесса, сколько классовая, партийная, социально-политическая идеология, изложенная в форме философско-исторических очерков и экскурсов» делает вывод Асмус (Асмус, 1933 С. 240).

Постепенное возрастание интереса к интеллектуальному наследию Шпенглера в 1950-х гг. не обошло стороной и советскую гуманитарную мысль. В 1959 г. вышла монография ленинградского философа Игоря Сергеевича Кона «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли», в основу которой была положена его докторская диссертация. Книга Кона представляет собой одну из первых в советской литературе попыток

дать критический очерк основных направлений современной буржуазной философии истории. Автор обстоятельно разбирает и дает критическую оценку современным идеалистическим концепциям исторического процесса и исторического знания. Шпенглера, наряду с Дильтеем и Лессингом, Кон относит к представителям иррационалистического направления идеалистической философии истории. При этом Кон Шпенглера и Лессинга называет последователями Дильтея, который, по его словам, выработал основные понятия субъективно-идеалистического взгляда на историю, но сам ограничился лишь областью абстрактной методологии и не развил до конца выводов из своего исторического релятивизма. Несмотря на то, что Шпенглер не считал себя последователем Дильтея, Кон оправдано, на наш взгляд, полагает «антиинтеллектуализм Шпенглера, его подчеркивание интуитивного характера исторического знания связаны с дильтеевской «философией жизни» (Кон, 1959. С. 118). Кон называет Шпенглера самым влиятельным представителем философии иррационализма в современной буржуазной исторической мысли. «Иррационалистическая философия Шпенглера полностью обесценивает историческое знание, делает его бессмысленным и превращает историю в простой «динамический миф» на службе современных реакционных сил» делает вывод Кон (Кон, 1959. С. 125).

В советской гуманитарной мысли в 1970–1980-х гг., также как и в западной, начинается «поворот» к Шпенглеру. В связи с возрастанием интереса к интеллектуальному наследию автора «Заката Европы» на Западе, советские историки и, прежде всего, философы не могли больше не обращать внимание на культурно-историческую и политическую концепцию Шпенглера, исходя даже из элементарных методологических и идеологических принципов марксистской методологии науки. В трудах историков А. А. Галкина, А. С. Бланка, П. Ю. Рахшмира были исследованы политические взгляды Шпенглера как идейного и духовного предтечи германского национал-социализма (Бланк, 1978; Галкин, Рахшмир, 1987). Наиболее интересные тенденции в изучении Шпенглера прослеживались в советской философии. Они отличались постепенным отходом от ортодоксальной марксистской трактовки идей немецкого мыслителя, что стало особо характерно со второй половины 1980-гг. Хотя в этот период марксистская интерпретация исторических и политических взглядов Шпенглера была, безусловно, господствующей в отечественной гуманитарной мысли.

Началом этого периода отечественной «шпенглеряны» следует считать выход в журнале «Вопросы литературы» в 1968 г. статьи известного историка культуры и философа Сергея Сергеевича Аверинцева «Морфология культуры» Освальда Шпенглера»⁹. Аверинцев в начале статьи ставит вопрос: стоит ли сегодня говорить культурологии Шпенглера, или эта интеллектуальная сенсация 1920-х гг. утратила всякий смысл для современности? И от-

⁹ Здесь: (Аверинцев, 1991).

вечая на свой же вопрос, пишет «наследие Шпенглера явственно распадается на слои, чрезвычайно разнящиеся по мыслительной фактуре, ценности и значимости» (Аверинцев, 1991. С. 183). Аверинцев выделяет в наследии Шпенглера три интеллектуальный пласта: эксперименты с историческим прогнозированием, политическую теорию тоталитарного толка и философию культуры. К настоящему времени, по мнению автора, действителен только третий интеллектуальный пласт философия культуры. Согласно Аверинцеву, одно из главных значений философии культуры и историософии Шпенглера заключается в том, что он был фактически родоначальником современного этапа этих направлений в гуманитарной мысли.

Статья С. С. Аверинцева, несмотря на ее критичность, звучала явным диссонансом с советским официальным шпенглероведением, в котором господствовала ортодоксально марксистская точка зрения на Шпенглера, как философа кризиса «буржуазного сознания» в эпоху империализма. Например, известный востоковед академик Н. И. Конрад рассматривал концепцию Шпенглера в русле типичных эсхатологических настроений, всегда сопровождающих период острых общественно-политических кризисов. «Эта работа создавалась в годы, следовавшие за первой мировой войной и социалистической революции в России» констатирует Конрад (Конрад, 1972. С. 448). Похожих взглядов придерживался Г. Д. Чесноков, который связывал популярность «Заката Европы» с кризисом империализма после мировой войны. Чесноков писал: «Отличия Шпенглера от большинства современных ему идеологов буржуазного Запада состояло в том, что он раньше других (еще в 1911 г.) почувствовал, хотя до конца и не осознал, грозящую власти капитала катастрофу» (Чесноков, 1972. С. 44–45). Чесноков отмечает некоторые рациональные моменты, как он пишет, в теории Шпенглера, но непонимание немецким философом материалистического подхода к истории не позволило ему, по мнению автора, правильно их развить, оставаясь в русле идеалистической философии истории в форме крайнего субъективного идеализма и антиинтеллектуализма.

Между тем постепенное углубление изучения проблем «буржуазной философии» и «буржуазной исторической мысли» в советском обществоведении требовало иного, скажем так, более утончено-марксистского подхода к критике учения Шпенглера, исследующего интеллектуальное наследие автора «Заката Европы» не в контексте краха мирового империализма и «буржуазного сознания», а в контексте истории западной культуры и философии XX века. То есть требовалась ревизия вульгарного исторического материализма в подходах в отношении Шпенглера, но которая должна остаться, тем не менее, марксистской.

В 1970–1980-е гг. этот подход был представлен в работах известного философа и социолога культуры Юрия Николаевича Давыдова. Он достаточно активно изучал творчество Шпенглера. В своих трудах Давыдов рассматривал различные аспекты культурно-исторической и политической концеп-

ции Шпенглера (Давыдов, 1967; Давыдов, 1987). Наиболее репрезентативной в этом отношении является статья «Шпенглер и война. (Историософское эстетство в свете современного опыта)», которая была написана как отклик на сборник «Шпенглер сегодня» (Давыдов, 1983). Давыдов как ведущий советский философ и социолог культуры обращает внимание на эстетические основания философии Шпенглера, называя его основоположником современного эстетизированного подхода к истории (Давыдов, 1983. С. 77). Эстетизм культурфилософии Шпенглера, выраженный, по мнению Давыдова, в отстраненном созерцании истории с высоты великих культур, поэтизации и героизации ницшеанского человека. Эстетизм также пронизывает и политическую концепцию Шпенглера. В пику авторам сборника «Шпенглер сегодня», пытающемуся найти положительные моменты в наследии Шпенглера, Давыдов полагает, что культурпессимизм и героический реализм автора «Заката Европы» ничто иное как эстетизация войны, которая есть форма существования современного буржуазного мира. Рассматривая концепцию Шпенглера о цезаризме, Давыдов сравнивает его с Макиавелли и полагает, что в области политической теории Шпенглер сделал в XX столетии тоже, что и в свое время итальянский мыслитель (Давыдов, 1983. С. 108–109).

Во второй половине 1980-х гг. в отечественной гуманитарной мысли начинает возникать иной, конечно, не свободный до конца от идеологических штампов советского марксизма, но более взвешенный подход к интеллектуальному наследию Шпенглера. В 1987 г. в журнале «Социологические исследования» известный отечественный специалист по немецкой философии Карен Араевич Свасьян публикует статью о социально-политической философии Шпенглера, в которой автор впервые в отечественной шпенглерiane попытался не предвзято рассмотреть политические взгляды автора «Заката Европы». В начале статьи Свасьян без оглядки на идеологию утверждает, что «политическая доктрина Шпенглера в нашей литературе не рассматривалась» (Свасьян, 1987. С. 125). Между тем, по мнению автора, среди профессиональных предпочтений Шпенглера, данная тематика имела первостепенное значение. Свасьян напоминает, что первоначальный замысел «Заката Европы» возник из политического очерка. В связи с этим, как пишет Свасьян, «анализ социальной философии Шпенглера приобретает принципиальное значение для понимания всего компендиума его воззрений» (Свасьян, 1987. С. 126).

К. А. Свасьян подмечает характерную деталь метода Шпенглера, идентифицировать любой тип мышления, в том числе и научный, с идеологией, которая в конечном итоге выражается в той или иной политической доктрине. Это значит, что мышление в любом, даже чистом виде всегда политическое мышление в какие бы одежды аполитичности оно не рядилось бы. Отождествление в «Закате Европы» политики с жизнью стало, по мнению Свасьяна, своеобразной квинтэссенцией методологических воззрений Шпенглера, в которых вульгарный биологизм трансформируется в вульгарный социологизм

(Свасьян, 1987. С. 128). Характеризуя в целом политическую доктрину Шпенглера, Свасьян отмечает, что она не является оригинальной и содержит в себе общие места германского консерватизма и национализма того времени к тому же изрядно разбавленные романтикой, что вполне в духе немецкой интеллектуальной и политической традиции (Свасьян, 1987. С. 129).

В 1989 г. выходит монография Гаянэ Михайловны Тавризян, областью исследований которой являлись западная философия культуры и философия техники XX столетия (Тавризян, 1989). Монография стала отправной точкой начала постсоветского этапа в изучении Шпенглера в современной отечественной гуманитарной мысли. По словам Тавризян, проблема кризиса западной культуры одна из основных проблем современности. В духе идей перестройки автор утверждает, что марксизм никогда не говорил о тотальном упадке западной культуры, а наоборот призывал прогрессивные силы Запад к общекультурному диалогу в условиях, когда судьба различных культур человечества стала единой в условиях возможной глобальной катастрофы: ядерной, экологической и т. д. Поэтому, как полагает Тавризян, для советского обществоведения, изучение опыта анализа проблемы кризиса культуры в западной гуманитарной мысли является необходимым и важным элементом понимания духовных и общественно-политических процессов на современном Западе.

Одним из первых из западных мыслителей, кто поднял проблему кризиса западной культуры, был, по мнению автора, «известный немецкий философ Освальд Шпенглер» (Тавризян, 1989. С. 5–6). Философия культуры Шпенглера представляет интерес прежде всего тем, что его определение культуры отходит от узкоспециализированного ее понимания и объясняет ее в расширенном толковании, в котором «взаимодействует всё, все стороны общественной жизни: политика и художественная культура, техника и идеалы, государственное управление, военное дело и т. п.» (Тавризян, 1989. С. 12). Помимо подхода к определению и пониманию культуры, важным моментом в интеллектуальном наследии Шпенглера, Тавризян считает, его инновации в поиске новой методологии исторического и культурологического исследования. «Идеи Шпенглера, часто новаторские, у истоков современной ориентации исторической мысли там, где трудно ограничить сферу собственно исторической науки, где она смыкается с такими дисциплинами, как этнография, археология, лингвистика, история искусств, историческая психология, мифоведение и др.» (Тавризян, 1989. С. 14). Однако не все идеи Шпенглера, согласно автору, следует принимать, а принцип историзма автора «Заката Европы» отнюдь не лишен недостатков. Собственно говоря, задача книги, как ее видит Тавризян, выявить положительные и отрицательные моменты культурно-исторической концепции Шпенглера и сравнить ее с культурологической концепцией знаменитого голландского историка Й. Хейзинги, по мнению автора, второй ключевой фигуры «кризисного сознания» в европейской гуманитарной мысли межвоенного периода.

В 1991 г. выходит книга философа Б. Л. Губмана, посвященная анализу проблемы «смысла истории» в западных философско-исторических концепциях XX столетия (Губман, 1991). Для заканчивающей своё историческое существование советской гуманитарной мысли эта работа, как и книга Тавризян, носила новаторский характер. Автор по традиции ссылается на последние постановления партии и правительства, у Губмана это горбачевская политика нового мышления «с позиции нового мышления историю следует рассматривать в перспективе общечеловеческих ценностей» (Губман, 1991. С. 6). Автор полагает, что существует универсальные исторические ценности, которые могут объединить человечество в поиске смысла истории, но он также и не отрицает наличие различных мировоззренческих и, соответственно, исследовательских практик в изучении и понимании истории и уж тем более ее смысла. В частности, говоря о циклических концепциях философии истории, Губман утверждает: «Сегодня наряду с недостатками циклических концепций истории становится очевидным, что их создатели справедливо обращают внимание на наличие повторяемости в эволюции отличных друг от друга культур» (Губман, 1991. С. 12).

Касаясь оценки Шпенглера, Губман относит его к мощному течению современной неклассической западной философии, представители которого в отличие от классической европейской философии сомневались в единстве всемирной истории и ее поступательном развитии. Особенно это явно проявилась в концепции локальных цивилизаций, к главным представителям которой, Губман считает Шпенглера, Тойнби и Сорокина. По его мнению, «эволюция концепции локальных цивилизаций отмечена в конечном итоге попыткой по-новому взглянуть на диалог культур, переосмыслить идею прогресса в ключе альтернативности, многообразия путей совершенствования общества» (Губман, 1991. С. 76). «Закат Европы» Шпенглера был, по убеждению Губмана, порождением кризисной эпохи того времени. Поэтому обвинять немецкого философа в том, что он сделал слишком пессимистические выводы, рассматривая этот закат европейской культуры, было бы не совсем справедливо. Книга Шпенглера интеллектуальный продукт своего времени со всеми ее плюсами и минусами. В этой связи Губман также упоминает консервативно-националистический подтекст философии истории Шпенглера. Значение труда немецкого философа Губман видит в том, что «остро ощущая кризис общества и культуры Запада, Шпенглер пытается предложить собственное видение его истоков» (Губман, 1991. С. 77).

Дальнейшее становление современной отечественной шпенглерианы происходит в 1993 г. С этим связано три события. Во-первых, новосибирский филиал издательства «Наука» переиздает первый том «Заката Европы» в варианте 1923 г. то есть через 70 лет после его первого издательства. Во-вторых, в московском издательстве «Мысль» в серии «Философское наследие» выходит первый том «Заката Европы» в новом переводе К. А. Свасьяна. Том предваряет большой очерк «Освальд Шпенглер и его реквием по Запа-

ду», написанный Свасьяном (Свасьян, 1993), и который, пожалуй, стал первым деидеологизированным исследованием жизни и творчества Шпенглера в отечественной гуманитарной мысли. Позднее автор издаст этот очерк на немецком языке (Swassjan, 1998). И, в-третьих, Т. Б. Карулиной была защищена специализированная диссертация «Освальд Шпенглер и немецкая философия истории 20 – 30-х годов XX века» (Карулина, 1993).

Что касается очерка Свасьяна, то нельзя не согласиться с его краткой характеристикой историка А. И. Патрушева «за яркостью стиля и экспрессивной манерой изложения порой трудно уяснить, а что, собственно, хотел сказать автор. Но пока это лучшее, что у нас имеется» (Патрушев, 1996. С. 122). Действительно, Свасьян так вжился в свой персонаж, что излагая его судьбу и учение, невольно воспринял пафосную манеру изложения Шпенглера. Очерк буквально перенасыщен виртуозной вязью идей, образов и метафор, связанных друг с другом в большие сложноподчиненные предложения и не менее гигантские, страничные абзацы. Свасьян показывает становление и развитие личности и учения Шпенглера в широком социокультурном контексте его времени и современности. Вывод Свасьяна таков: «Парадоксально, но именно эта книга, хоронящая Европу, сегодня оказывается бессмертным напоминанием о Европе» (Свасьян, 1993. С. 120).

Диссертация Карулиной посвящена, по словам автора, актуализации различных сторон учения Шпенглера в современной гуманитарной мысли Запада. Она констатирует: «Шпенглеровская концепция философии истории и современные концепции, развивающиеся в традиции Шпенглера, противопоставили себя диалектическому подходу, концепциям прогрессивного развития человеческого общества» (Карулина, 1993. С. 2). Карулина выделяет феномен шпенглеризма, охвативший многочисленных последователей Шпенглера на Западе из, зачастую, противоположных идейно-теоретических течений. Карулина отмечает главную тенденцию шпенглеризма – стремление канонизировать и модернизировать учение автора «Заката Европы» в соответствии с задачами современности. Это, по ее мнению, больше затрудняет понимание сути культурно-исторической и политической концепции Шпенглера, чем помогает выявить ее реальные противоречия и значение ее отдельных компонентов для современности.

Во второй половине 1990-х гг. к творчеству Шпенглера обратились отечественные историки. Первой такой публикацией стала вышеупомянутая статья историка-германиста Патрушева, написанная в жанре биографического очерка. Автор не ставил перед собой задачи подробного анализа культурно-исторической и политической концепции Шпенглера, хотя по ходу изложения материала он это, конечно, делает, значимость очерка заключается в том, что очерк Патрушева стал первым в отечественной историографии подробным биографическим исследованием немецкого философа. Автор полностью деидеологизирует свой подход к изучению жизни и творчества Шпенглера, рассматривая их на широком социокультурном фоне эпохи. Патрушев

полагал, что в «споре о Шпенглере» время расставило все по местам. Из «Заката Европы» не выросла какая-либо заметная философская или иная традиция, за исключением философии техники, у истоков которой стоял Шпенглер» (Патрушев, 1996. С. 144), но сама книга стала культурным феноменом Запада и этим оказывала и оказывает определенное влияние. В очерке Патрушев также затрагивает и проблему немецкой «консервативной революции» и роли в ней Шпенглера, которая была малоизученна в отечественной гуманитарной мысли.

Именно эта проблема стала одной из основных в монографии петербургского историка О. Ю. Пленкова «Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм» (Пленков, 1997), в которой автор впервые в отечественной исторической науки обратился к комплексному анализу идей «консервативной революции» как одной из предпосылок идеологии национал-социализма. Авторский подход к германской истории заключался в ее рассмотрении через призму социальной и национальной мифологии. «Консервативная революция» при таком подходе являлась, по определению Пленкова, совокупностью идеологий и организаций немецких правых сил, которые не брали на себя роль охранителей того, что можно сохранить, а поставили перед собой цель «революционным способом возродить наиболее важные национальные мифы, утерянные в республике (Пленков, 1997. С. 347 – 348). Каждый из ведущих протагонистов «консервативной революции» внес персональный вклад в формирование ее мифологии. Несомненной заслугой Шпенглера на этом интеллектуальном пути Пленков считает разработку мифа о «прусском (немецком) социализме». Он подчеркивает, что «влияние Шпенглера испытали все течения «консервативной революции», многие его идеи казались конгениальными, их всячески муссировали, популяризировали, перед личностью автора преклонялись» (Пленков, 1997. С. 361).

На рубеже 1990 – 2000-х гг. к творчеству Шпенглера обращаются представители школы гуманитарных исследований Томского университета Философ В. Н. Сыров в контексте разработанной им оригинальной концепции западноевропейской философии истории писал о том, что «Закат Европы» стал для европейской философии истории книгой симптоматичной, «этим трудом фактически были подведены итоги как теоретико-познавательным исканиям, так и порожденным ими культурным ценностям значительного исторического периода в жизни Европы» (Сыров, 1997. С. 376). Сыров полагает, что в культурно-исторической концепции Шпенглера произошло завершение определенного опыта европейского понимания принципа историчности, в котором заканчивается и само действие этого принципа. Сыров сравнивает по значимости «коперниканский переворот» в истории Шпенглера с идеей М. Хайдеггера о конце метафизики в философии. «Европейская философия истории закончилась, потому что в рамках идеи мира как представления все возможные ее варианты были проработаны» (Сыров, 1997. С. 392).

В 2001 г. известный томский специалист по методологии истории историк Б. Г. Могильницкий в первом выпуске своего курса лекций по истории исторической мысли называет «Закат Европы» знаковой книгой XX в. (Могильницкий, 2001. С. 128–129), а самого Шпенглера самым мифологичным мыслителем XX в. (Могильницкий, 2001. С. 143). По мнению Могильницкого, именно в «Закате Европы» идея локальных культур получила фундаментальное обоснование, благодаря которому книга стала достоянием исторической мысли прошедшего столетия, а главное значение Шпенглера он видел в возрождении им историко-культурной проблематики.

После 2000 г. современная отечественная шпенглериана разделяется на два направления. Одно сосредотачивает внимание на культурно-исторической концепции Шпенглера контексте философско-исторической и культурологической мысли, другое рассматривает малоизученную в советской гуманитарной мысли политическую концепцию и политические взгляды Шпенглера в рамках идеологии «консервативной революции». Оба этих направления, конечно, пересекаются друг с другом, но в их наличии все же появилась некоторая автономия в изучении предметных областей интеллектуального наследия Шпенглера. Особенно эта тенденция проявилась в диссертационных исследованиях о Шпенглере.

В диссертации А. К. Камкина предпринята попытка сравнения и выявления значения для современности культурологических концепций Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера (Камкин, 2004). Автор отмечает возросший интерес к циклическому подходу к изучению мировой культуры в мировой гуманитарной мысли, что обусловило ее возвращение к основоположникам этого подхода. Камкин в ходе своего исследования выявляет источники, сходство и различие, значение и влияние культурологических концепций Данилевского и Шпенглера, которые стояли у истоков теории локальных цивилизаций. Автор отмечает значение этих концепций для становления современной культурологии. Проблеме сравнения Данилевского и Шпенглера также посвящено диссертационное исследование О. В. Прорешной (Прорешная, 2008). В его основе лежит анализ принципа системности в культурно-исторических концепциях Данилевского и Шпенглера. Прорешная также, как и Камкин, исходит из актуальности цивилизационного подхода к истории и культуре, который развивали Шпенглер и Данилевский, так как системность европоцентристского взгляда на историю и культуру не отвечает современности. Интеллектуальная ценность концепций Шпенглера и Данилевского для современной гуманитарной мысли заключается в том, что они рассматривают историю и культуру в рамках неклассической рациональности, тем самым расширяя познавательные возможности.

Помимо Данилевского предпринимаются попытки сравнения Шпенглера с другими представителями русской гуманитарной мысли. В кандидатской диссертации А. А. Лактионова на основе авторской концепции альтернативного общества, рассматриваются методом сравнительного анализа та-

кие концепции у Шпенглера и евразийцев (Лактионов, 2006). Под концепциями альтернативного общества Лактионов понимает культурно-исторические и политические концепции, выступающие против универсально-исторического подхода. Иными словами: цивилизационный принцип рассмотрения истории. Шпенглер, по мнению автора, создал проект альтернативный просвещенческой парадигме понимания и восприятия истории. В просвещенческом проекте термины «культура» и «цивилизация», несмотря на их этимологическое различие, были практически отождествлены, в концепции Шпенглера произошло их разъединение. Культурфилософия евразийства доказала, что «альтернативистский» характер русской философии относительно западноевропейской имманентно присущ ей и является ее определяющей и специфической характеристикой» (Лактионов, 2006. С. 16). Культурфилософия евразийцев понимается в этой связи как попытка резюмировать и свести в единое целое русскую философскую традицию с целью построения на этой основе практической модели «альтернативного общества». Свой выбор для сравнительного анализа концепций альтернативного общества Шпенглера и евразийцев, Лактионов объясняет их синхронным и диахронным соответствием друг другу.

Промежуточным итогом диссертационных исследований сравнительного анализа идей Шпенглера с русской гуманитарной мыслью в современной отечественной шпенглериане стала докторская диссертация Л. Г. Зимовец «Кризис культуры в культурологических концепциях Н. А. Бердяева и О. Шпенглера» (Зимовец, 2011). Автор говорит о том, что в условиях кризиса культуры необходимо вернуться к истокам и еще раз попытаться взглянуть на деструктивные процессы собственной и глобальной истории и культуры. Н.А. Бердяев и О. Шпенглер относятся к числу мыслителей, которые в числе первых в своем творчестве поставили вопрос о кризисе. Правомерность их сравнения связана, по мысли Зимовец, с тем, что «философское творчество Бердяева, как и ряда других выдающихся русских мыслителей конца XIX – начала XX века идет в едином русле (после В. Соловьева) с формированием на Западе философии жизни и других близких к ней иррационалистических течений» (Зимовец, 2011. С. 4). Творчество обоих философов явилось олицетворением кризисного самосознания России и Европы в XX столетии. По словам Зимовец: «Трудно найти фигуры, сопоставимые с ними по масштабу, по глубине проникновения в сущность и природу социокультурного кризиса, по широте охвата материала» (Зимовец, 2011. С. 21). Сравнительный анализ методологических и мировоззренческих предпосылок философствования Бердяева и Шпенглера свидетельствует не только о размежевании, но и многочисленных совпадениях в мировоззрении Бердяева и Шпенглера.

В связи с возникновением в современной отечественной гуманитарной мысли темы сравнения основных идей Шпенглера и русской культуры нельзя не отметить книгу Г. А. Тиме (Тиме, 2011), которая посвящена влиянию немецкого философского дискурса на русскую литературу XIX – первой поло-

вины XX вв. Характеризуя влияние «Заката Европы» на русскую культуру, автор называет главу посвященную этой проблеме «Миф о «Закате Европы» в мировоззренческой самоидентификации России начала 1920-х годов», что довольно точно отражает влияние идей Шпенглера на русскую интеллигенцию того периода (см. *описание выше*). Тиме отмечает, что после революции и Гражданской войны, в стране активизировался процесс новой мировоззренческой и культурной самоидентификации. Закономерно возникавшая полемика между старым и новым стала дискуссией осмысления произошедшее со страной. «На таком фоне идеи О. Шпенглера о *закате Европы*, получившие распространение в России как раз в это время, обретали особую остроту и актуальность» (Тиме, 2011. С. 246). Автор отмечает, что русским философам особо импонировало то, что Шпенглер по-славянски судил о России. Тиме цитирует Б. Вышеславцева: «Основная идея Шпенглера есть центральная мысль и глубочайшее переживание русской философии» (Тиме, 2011. С. 234). Подводя итог дискуссии вокруг «Заката Европы» в Советской России начала 1920-х гг., Тиме констатирует: «Полемика революционных идеологов с русскими философами, по сути дела, коренилась все в том же извечном противостоянии и взаимном притяжении между Россией и Западом. Она в принципе не могла закончиться обретением общей «истины», поэтому была прекращена силовым путем» (Тиме, 2011. С. 266).

Отечественные исследователи обращают внимание не только на интеллектуальные параллели между Шпенглером и русской культурой, начинают появляться диссертационные работы, в которых взгляды автора «Заката Европы» анализируются в контексте общеевропейской мысли его времени. Этому посвящена диссертация Е. Н. Немерова о фаустовском типе культуры в творчестве Георга Зиммеля и Шпенглера. Надо отдать должное автору, он удачно выбрал объекты сравнения. Оба немецких философа принадлежали к направлению философии жизни и имели немало общего в теоретико-методологических подходах к изучению социума. Немеров, исходя из концепции Зиммеля о трагическом измерении культуры и сравнивая ее с культурно-исторической концепцией Шпенглера, делает вывод о том, «...что трагическое измерение культуры заключается в проявлении трагического конфликта, состоящего в том, что жизнь приводит к разрушению всех создаваемых ей самой форм (Зиммель). Фаустовская культура в конце XIX века переходит в стадию цивилизации, что ведет к обездушиванию феноменов культуры, исчезновению непосредственности и свежести жизни, ее интеллектуализации; последнее свидетельствует об исчерпании потенциала поступательного развития и упадке культурно-исторического типа (Шпенглер)» (Немеров, 2006. С. 8).

Из монографических трудов 2000-х гг., в которых затрагивалось интеллектуальное наследие Шпенглера, необходимо отметить труды двух авторитетных представителей отечественной философии П. П. Гайденко и Г. М. Тавризян (Гайденко, 2006; Тавризян, 2009), которые в свою очередь, стали

продолжением прежних работ этих авторов по обозначенной ими проблеме. Пиама Павловна Гайдено в монографии, посвящённой пониманию времени в европейской философии, пишет: «Как и другие представители философии жизни, Шпенглер противопоставляет время реальное, называемое им историческим, физическому времени, которое он, подобно Бергсону, считает истолкованным по модели пространства. Поскольку для Шпенглера историческое время есть форма существования культуры, постольку определение последней облегчает задачу выяснения структуры времени» (Гайдено, 2006. С. 332). И далее она продолжает: «Однако своеобразие Шпенглера в том, что при своей биологической ориентации он в то же время сосредоточивает внимание именно на реальности исторической и, подобно Дильтею, превращает философию истории не только в центральную область философии, но – в саму философию. Единственная истинно существующая действительность – это, по Шпенглеру, действительность культурно-историческая (Гайдено, 2006. С. 333). Эти два небольших отрывка из главы о Шпенглере в монографии Гайдено, следует признать блестящей краткой характеристикой сущности его культурно-исторической концепции. Автору буквально в двух абзацах удалось передать почти все основные идеи «Заката Европы». Рассматривая культурно-историческую концепцию Шпенглера через его понимание времени, Гайдено констатирует: «Своей концепцией Шпенглер довел до логического конца исторический релятивизм» (Гайдено, 2006. С. 338).

Шпенглер, как известно, стоял у истоков философии техники XX столетия. Анализ философии истории Шпенглера через его отношение к проблеме техники посвящена глава в монографии Г. М. Тавризян. Автор называет Шпенглера одним из крупнейших европейских философов начала XX века «чье воздействие на общественную мысль Запада не ограничивается годами его наибольшей славы, сопутствовавшей выходу в свет двух томов «Заката Европы» (Тавризян, 2009. С. 25). Тавризян отмечает как положительные, так и отрицательные черты интеллектуального наследия Шпенглера. К положительным чертам она относит влияние Шпенглера на формирования концепции локальных культур. К отрицательным – то, что «реакционные идеи шпенглеровской политической философии в разное время брались на вооружение консервативно-националистически настроенными кругами в странах Западной Европы» (Тавризян, 2009. С. 25). Интересное замечание сделала Тавризян относительно актуальности идей Шпенглера «проблемы, ставившиеся Шпенглером, в течение времени безусловно выиграли в актуальности» (Тавризян, 2009. С. 25). По ее словам: «В целом Шпенглер попытался в своей философии охватить, осмыслить, представить в виде системы всю совокупность явлений в области истории культуры, техники Запада, однако при этом часто не мог преодолеть рамок традиционного культуркритицизма, его предвзятости. Отсюда – неоднозначность оценок идей Шпенглера, в частности, со стороны позднейшей западной философии техники» (Тавризян, 2009. С. 26). В целом Тавризян отмечает, что же касается главной, самой общей философ-

ской темы «Заката Европы» взаимодействия культуры с научно-технической цивилизации то она в философии Запада долгое время присутствовала, скорее, в качестве духовного климата западного мира, общей «атмосферы века». В этом отношении Тавризян через тридцать лет повторила выводы с К. Экерманн.

Что касается изучения в современной российской гуманитарной мысли философии истории Шпенглера, то здесь необходимо отметить кандидатскую диссертацию Б. В. Подороги «Понятие гештальта в философии Освальда Шпенглера» (Подорога, 2015). Автор на основе опыта философии XX столетия, прошедшей путь от философии жизни до постмодернизма, развивает идею сопряженности философии Шпенглера с современным опытом философствования через понятия «метанарратива» и «гештальта». По мнению Подороги, Шпенглер может считаться предшественником постмодернизма, так как он был одним из первых, кто заговорил о множественности существования феноменов. «Шпенглер претендовал на преодоления проекта Просвещения – эпохи наибольшего влияния метанарративов – через отказ от европоцентризма и утверждение культурной множественности: всемогущий субъект растворяется в органическом плюриверсуме, где исторические истины западноевропейской культуры оказывается лишь одними из многих. Однако свидетельством шпенглеровской укорененности в метафизической логике Просвещения является претензия его подхода на тотальность...» (Подорога, 2015. С. 4).

Несмотря на всю критичность отношения Шпенглера к классическому модерну, он остается в его интеллектуальном поле. В этой связи Подорога делает интересное и, на наш взгляд, оправданное наблюдение: «Шпенглеровская философия не может быть определена через парадигмальный разрыв между классическим и неклассическим модерном, как полагают многие его интерпретаторы, говоря о осуществляемом Шпенглером переходе от философии разума к философии жизни: она тесно связана с разработкой с помощью обновленных посредством историцистского и виталистского терминологического аппарата концептуальных взаимосвязей, изначально имплицированных в исходную структуру модерна, общую для обоих его ветвей» (Подорога, 2015. С. 4 – 5). Подорога также, и не без основания, связывает консервативную политическую онтологию Шпенглера с его философско-историческими представлениями в рамках опыта консервативного идеологического метанарратива Просвещения.

Подобного подхода придерживается самарский исследователь И. В. Дёмин. Автор рассматривает философию истории Шпенглера в контексте принципов классического и неклассического историзма. По мнению Дёмина, «неклассический историзм, таким образом, есть историзм универсальный. Он представляет собой последовательное изгнание идеи субстанции из философской рефлексии, последовательную замену субстанции «историчностью» (Дёмин, 2015. С. 38 – 39). Дёмин вслед за современным отечественным ис-

следователем Ю. В. Перовым, связывает утверждение принципа универсальной историчности в европейской культуре с философией жизни, с именами В. Дильтея, Г. Зиммеля, Ф. Ницше и О. Шпенглера (Дёмин, 2015. С. 39). Однако философия истории в философии жизни, будучи порождением классической рациональности также, как и в классическом историзме, претендовала на поиск неких трансцендентальных оснований, что превращало ее разновидность классической «спекулятивной» историософии. Автор относит цивилизационные концепции истории О. Шпенглера и А. Тойнби к этому типу философско-исторической рефлексии.

Глава 3. Политическая концепция Шпенглера: проблемы интерпретации.

3.1. Шпенглер и «консервативная революция».

Находясь в рядах «консервативно революционного» движения, считаясь одним из видных его идеологов и одним из зачинателей, Шпенглер, тем не менее, занимал особую позицию и особое место среди «консервативных революционеров». Организационно и на уровне личных контактов он не примыкал ни к одной из групп «консервативной революции». Это объясняется тем, что по своим социально-политическим взглядам Шпенглер расходился с основным направлением ее идеологических поисков. Даже с наиболее близкими ему в идейном отношении младоконсерваторами, к числу которых его обычно причисляют, у Шпенглера были определенные разногласия. По словам К. Вайсмана, своими политическими сочинениями Шпенглер оказал влияние на часть интеллектуалов, составлявших ядро «консервативной революции», но его контакты с ними были ограничены ввиду идейных и персональных противоречий (Weißmann, 2005. S. 22). Невзирая на консервативный характер философии истории Шпенглера, и те актуальные политические выводы, которые можно было извлечь из нее, Вайсманн отмечает, что реакция на выход «Заката Европы» как среди «старых», так и среди «новых» правых в Веймарской республике была в целом негативной. Немецкие консерваторы полагали, что возродить Германию, опираясь на пессимистическое Шпенглера учение об упадке культур, невозможно (Weißmann, 2005. S. 19 - 20). Исторический фатализм Шпенглера, его вера в «железную» логику истории стали важной точкой расхождения между ним и большей частью младоконсервативных теоретиков.

Исследователи неоднократно отмечали взаимосвязь и взаимообусловленность между культурно-исторической и политической концепциями Шпенглера. Хорст Мёллер писал по этому поводу: «Политические сочинения Шпенглера воспринимаются как выражение главных политических и духовных проблем послевоенного времени и, одновременно, как актуальные парافразы его необычно сенсационного и волнующего главного труда» (Möller, 1980. S. 51). Д. Фелькен подчеркивал, что вопрос о принципах философии Шпенглера, ее методологических и мировоззренческих основах является основным для анализа и оценки места его философии истории в русле философской традиции и духовной ситуации времени. Подобные анализ и оценка, согласно Фелькену, возможны только в контексте современной Шпенглеру идеологии (Felken, 1988. S. 49).

Мировоззренческие и идейные разногласия между Шпенглером и младоконсерваторами не исключали их общей цели: желания будущей национальной революции, которая уничтожит ненавистную им «систему Веймара» и на ее обломках построит новый германский рейх в форме «национального

социализма». Именно в разработке одного из вариантов такого «национального социализма» заключается главный вклад Шпенглера в идеологию «консервативной революции». В «Пруссачестве и социализме» Шпенглер выступил в двух ипостасях «одновременно как хранитель традиции и как провозвестник немецкой нации будущего» (Патрушев, 1996. С. 136).

К. Клемперер образно назвал Шпенглера «языческим консерватором» (Klempere, 1962. S. 187). Клемперер отмечал, что Шпенглер видел в социализме жизненную форму пригодную для века масс и больших городов. Для Шпенглера Маркс принадлежал к миру либерализма. Марксизм для Шпенглера, по мнению Клемперера, был порождением идеализма. Историческая диалектика Шпенглера достигла высшей точки в его концепции «пруссского социализма», которую Клемперер ставил в один ряд с государственно-правовой доктриной Гегеля. Клемперер полагал, что своей концепцией пруссачества Шпенглер вернул в некотором смысле гегелевскую диалектику к своей исходной точке, ибо ее основатель конечной целью мировой истории видел торжество государства прусского типа (Klempere, 1962. S. 192).

Антон Мирко Коктанек также отмечал влияние культурно-исторической концепции Шпенглера на его политические взгляды. Коктанек относит философию истории Шпенглера к романтической традиции в немецкой гуманитарной мысли, которая основывалась на критике цивилизации. «Цивилизация начинается с диктатуры денег над властью – капитализм и заканчивается диктатурой власти над деньгами – цезаризм» (Koktanek, 1968. S. 161). Согласно Коктанеку, Шпенглер определяет для каждой культуры свой способ цивилизации. Для античной – стоицизм, для индийской – буддизм, для западной – социализм. Если же говорить в этом смысле о западной культуре, то в социализме отражается фаустовская забота о будущем и безграничной воле к действию и власти (Koktanek, 1968. S. 162 – 163). Коктанек определяет понимание Шпенглером цели Первой мировой войны, исходя из духа «идей 1914 г.», как борьбу Германии за культуру против западной цивилизации.

Коктанек писал о значении политики для Шпенглера: «Политика была его этикой, в известном смысле практическим разумом в кантовском смысле этого выражения» (Koktanek, 1968 S. 271). Шпенглер не считал необходимым сохранение консерватизма в его традиционной христианско-охранительной форме. Консерватизм дворянства мертв. В понимании Коктанека, консерватизм Шпенглера преследовал одну исключительную цель – получение власти, а для этого он должен стать современным и динамичным. Консерватизм Шпенглера, как пишет Коктанек, хотел примирить с социализмом, ибо только синтез этих двух идеологий должен помочь восстановить и утвердить в мире германскую империю. Рассматривая предпосылки возникновения «Пруссачества и социализма», Коктанек приходит к выводу, что политические работы Шпенглера не являлись ответом на конкретную проблему, хотя без этого и не обходилось. Они прежде всего были окончательным приданием формы его

взглядов на историю и человека. Текущие политические события способствовали кристаллизации и совершенствованию изначально разработанной схемы. Характеризуя в целом политическую концепцию Шпенглера, Коктанек называет его в большей степени политическим теоретиком, мало связанным с текущей политикой (Koktanek, 1968. S. 431). Несмотря на то, что Шпенглер являлся видным идеологом «веймарских правых», ни одна из существующих правых партий Веймарской республики не удовлетворяла его. Он, по мнению Коктанека, был принципиальным противником системы партий.

Согласно Коктанеку, в «Годах решений» вновь соединились основные лейтмотивы философско-исторической и политической мысли Шпенглера: закат западной культуры и начало цивилизации, определение человека как хищника, вступление в эпоху мировых войн, распад системы национальных государств и переход к созданию мировых империй. Классические формы консерватизма, либерализма и социализма, по утверждению Коктанека, Шпенглер считал политическим реликтом. Коктанек также считает «Годы решений» манифестом консервативного сопротивления в годы Третьего рейха (Koktanek, 1968. S. 446). Оценивая политические взгляды Шпенглера, Коктанек причисляет его к представителям консервативно-авторитарной государственной мысли.

Авторы сборника «Шпенглер сегодня», вышедшего в год столетнего юбилея мыслителя, не могли обойти вниманием его политические взгляды. Известный специалист по политической философии Герман Люббе отмечал значительное политико-экзистенциальное воздействие идей Шпенглера на немецкую публику, особенно на правоконсервативный лагерь. Это воздействие в конечном итоге было направленно против системы парламентской демократии Веймарской республики (Lübbe, 1980a. S. VIII). Люббе признает политическую актуальность идейного наследия Шпенглера. Эта актуальность выражается, по его мнению, выражается в длительном воздействии на немецкое общество последствий краха Веймарской республики. Шпенглер относится к числу тех авторов, которые в полной мере выразили кризис своего времени. «Существует немного авторов межвоенного периода, в произведениях которых так наглядно бы отразились идеологические перипетии этого периода» пишет Люббе (Lübbe, 1980a. S. VIII). Люббе видит практическую направленность текстов Шпенглера в политизации сознания читающей публики. Люббе называет Шпенглера «публицистическим гением необычного ранга» (Lübbe, 1980b. S. 6).

Историк Хорст Мёллер констатировал, что Шпенглера причисляют к тем мыслителям, которые, несмотря на свое дистанцирование от национал-социализма, подготовили духовную почву для него. Он писал: «В своих сочинениях после Первой мировой войны Шпенглер связал философско-историческую критику современности с предчувствием нового века» (Möller, 1980. S. 50). Политические сочинения Шпенглера воспринимаются как вы-

ражение политических и духовных проблем послевоенного времени и, одновременно, как актуальные парафразы его главного труда. По словам Мёллера Мёллера, Шпенглер оценивал готовность к войне как важнейшую предпосылку функциональной способности государства. По мнению Мёллера, Шпенглер лучше, чем творцы Веймарской конституции, понимал разницу между конституционным правом и той действительностью, на которую примирят это право (Möller, 1980. S. 64). Характеризуя влияние политических сочинений Шпенглера на общественное сознание Веймарской республики, Мёллер риторически вопрошает: какой же должен быть уровень политической культуры Германии, если призывы к диктатуре мыслителей такого ранга как Шпенглер или Шмитт были услышаны и поддержаны в широких кругах.

К. Экерманн в своей основательной диссертации о Шпенглере и влиянии его взглядов на развитие гуманитарной и политической мысли XX значительное место отвела анализу его политической концепции. По ее мнению, в концепции политики Шпенглера власть возникает как противоположность культуры и вследствие этого приобретает антикультурный характер. Политика становится высшим проявлением витализма и внешней экспансии в истории (Eckermann, 1980. S. 40). Экерманн делала вывод о том, что в учении Шпенглера особенности государственного строя определялись особенностями народа или культуры. В соответствии с этим подходом Шпенглер понимал государство как органический индивидуум, в котором единичная воля подчинялась воли общей.

Гарантом стабильного развития государства выступал его авторитет, который зависел не от наличия, либо отсутствия конституции, а от работы правительства. Постоянство и безопасность политического руководства в свою очередь гарантировалось наличием вождя, обладавшего государственным инстинктом (Eckermann, 1980. S. 41). Вождь непременно должен происходить из элиты. В учении Шпенглера из дворянства. Шпенглер был убежден в природном происхождении патриархальных и феодальных форм господства.

Согласно Экерманн, Шпенглер, основываясь на концепции аристократического и иерархического понимания государства и власти, критиковал демократию и парламентаризм. Он описывал историю возникновения и развития принципов демократии как возрастающий протест четвертого сословия. Экерманн, комментируя отношение масс к культуре по Шпенглеру, пишет: «Буржуазия, которая, по мнению Шпенглера, еще принадлежала к культуре, была уничтожена во время наступления цивилизации, развитием четвертого сословия – массы» (Eckermann, 1980. S. 43). При переходе культуры в цивилизацию буржуазия становится солидарна с массами в требовании массовизации культуры. В контексте функционирования государства этот процесс отражается в требовании всеобщих избирательных прав. Главным в этом процессе для Шпенглера было не разрушение старых форм государства, а

принципиальная позиция буржуазии в ее борьбе против традиционного государства.

«Так как для Шпенглера государственная мысль была тесно связана с личностью вождя, демократические формы правления он понимал как проявление деградации» (Eckermann, 1980. S. 45). Критика Шпенглером принципов парламентской демократии основана на его пророчествах о политическом упадке западного общества. Демократия это начало упадка и гибели. В интерпретации Экерманн, Шпенглер понимал демократию как политическую форму, которая возникает не из органических основ жизни и культуры, а появляется в результате абстрактных представлений о праве и справедливости, что изначально приводит к противоречию между духом закона и реальностью. Шпенглер интерпретировал государство с точки зрения надперсонального образования, демократическая система изначально осуждалась им как крушение авторитета государства.

Экерманн объясняет критическое отношение Шпенглера к индустриальному хозяйству тем, что оно базировалось на его негативной оценке различных аспектов позднеиндустриального государства, охваченного массовой демократией. «Фаустовский человек, согласно Шпенглеру, стал рабом своего творения (буржуазного общества) – утверждает автор (Eckermann, 1980. S. 60). Экерманн считает, что в развитии принципов массовой демократии Шпенглер усматривал опасность ее превращения в диктатуру цезаристского типа. Критика Шпенглером демократии также основывалась на его вере в природное происхождение вождизма, убежденностью в метафизической обусловленности «воли к власти», апелляцией к идее традиционно-сословного государства и мысли о том, что демократическая форма правления является провозвестником всеобщего политического распада.

Экерманн пишет о том, что Шпенглер разрабатывал политический проект для мировоззренческого и политического наступления Германии против «белой» и «цветной» мировых революций. В его основе лежали прусско-германские традиции. Именно с помощью воинственного прусского духа можно преодолеть пацифизм либерализма (Eckermann, 1980. S. 64). В центре такого проекта Шпенглера находился прусский социализм, в котором идеология доминировала над экономикой. «В марксистском социализме Шпенглер усматривал псевдоэсхатологическую концепцию истории» (Eckermann, 1980. S. 75).

Исходя из своих представлений о политике, Шпенглер рассматривал текущие политические события германской и мировой истории. В частности, по мнению Экерманн, несмотря на положительную оценку объединения Германии, Шпенглер в целом негативно относился к государственной и политической структуре кайзеровской Германии. Экерманн выделяет ряд причин такого отношения Шпенглера к кайзеровскому рейху: допуск Бисмарком политических партий к управлению государством; отсутствие политического воспитания чиновничества, которое не выстроил Бисмарк; доминирование в

кайзеровской Германии принципов старогерманского права, которое явно отставало от реальной действительности; большое влияние партикуляризма в политической жизни Германии, что мешало Бисмарку проводить политику национального сплочения и силы (Eckermann, 1980. S. 76 – 81). В этом контексте, согласно Экерманн, Шпенглер трактовал первую мировую войну – как феномен перехода между нисходящей культурой и начинающейся цивилизацией.

Рассматривая отношение Шпенглера к Веймарской республике, Экерманн полагает, что оно соответствовало его консервативным представлениям о значении в истории сильного внутри- и внешнеполитического государства. В соответствии с этой позиции Шпенглер негативно оценивал парламентскую республику как форму крайнего выражения партийных и политических противоречий. Но Экерманн также отметила и амбивалентность отношения Шпенглера к политическим партиям, которые он признавал и не признавал одновременно. Во-первых, Шпенглер, по ее мнению, надеялся на появление сильной личности из партийной среды. Во-вторых, Шпенглер в общественно-политических условиях Веймарской республики отрицал только те партии, которые стремились подчинить государство своим партийно-политическим интересам. Партии, выступавшие с национальных и патриотических позиций, Шпенглер признавал (Eckermann, 1980. S. 86 – 87). Шпенглер считал, что Веймарская Германия была в значительной степени зависима от решений враждебных ей государств в политическом, экономическом и военном отношении. Касаясь проблемы взаимоотношений Шпенглера и национал-социализма, Экерманн утверждает, что отождествлять политические взгляды Шпенглера и нацистов нельзя. Он критиковал национал-социализм как плебейскую форму национализма и не видел в Гитлера вождя, способного вывести Германию в мировые лидеры. Шпенглер рассматривал национал-социализм как переходный феномен перед приходом истинных вождей Германии (Eckermann, 1980. S. 87 – 89).

Автор концепции «реакционного модернизма» Д. Хэрф отмечает, что политические идеи Шпенглера находились на границе между прусскими консерваторами, опиравшимися на промышленность, юнкеров, армию и бюрократию, и послевоенными консервативными революционерами (Herf, 2003. P. 11). Согласно Хэрфу, задача «Пруссачества и социализма» заключалась в освобождении немецкого социализма от Маркса, а также в том, что прусский дух и социалистические ценности, которые диаметрально противоположны, можно было связать друг с другом. Заслуга Шпенглера в переформулировки идеи социализма сводилась к перемещению его смысла из мира цивилизации, связанного с Западом, Англией и евреями, в мир немецкой культуры (Herf, 2003. P. 50). Идея прусского или национального социализма принесла с собой набор символов и метафор, которые выразили протест против рационализации общества, не подвергая сомнению отношения класса и собственности. Этот протест был характерной чертой немецкого антикапитализма (Herf,

2003. Р. 52). Политически взрывоопасный аспект версии романтизма Шпенглера не заключался в дихотомии культуры и цивилизации, которая уже стала общим местом культурпессимизма. Его оригинальность в сочетании панорамы прошлого с мифами и символами, которая предполагала возможность эстетизации политики (Herf, 2003. Р. 55). Аграрная аристократия, прусский милитаризм и традиционные ценности патриархата и семьи нашли свое выражение в категориях и символах Шпенглера. Все эти докапиталистические институты противодействовали вторжению капиталистических отношений (Herf, 2003. Р. 56). Традиционные ценности должны быть брошены на борьбу с миром денег и духом наживы. Хэрф проводит аналогию понимания политики между Шпенглером и М. Вебером: «Концепция политики Шпенглера была именно тем спасением души, на котором настаивал Вебер, но она не имела ничего общего веберовским пониманием политики как призвания» (Herf, 2003. Р. 57).

Обращается также Хэрф и к проблеме отношения Шпенглера к нацизму. Шпенглер, по его мнению, не был нацистом и не был тесно связан с итальянскими или французскими фашистскими группировками: «Но, как мы указали во второй главе, консервативная революция в Германии была важным источником многих идей национал-социализма. Напомним лишь одну важную параллель – восприятие политической жизни через эстетические категории» – пишет Хэрф (Herf, 2003. Р. 63).

Фелькен связывает культурно-историческую и политическую концепцию Шпенглера. Вопрос о принципах философии истории Шпенглера, ее мировоззренческих и методологических основах является, по утверждению Фелькена, основным для оценки его места в философской традиции и духовной ситуации времени. Такая оценка возможна только в контексте современной Шпенглеру идеологии (Felken, 1988. S. 48). Подлинный исторический замысел «фаустовского человека» пришел в конце своей длительной эволюции к абсолютной позиции, которая, как полагал Фелькен, трансформируются, по Шпенглеру, в морфологическую рефлексию собственной истории. Цивилизация в таком морфологическом подходе стала неизбежной судьбой фаустовского культурно-исторического типа. «Цивилизация – для Шпенглера – стала общим обозначением негативного влияния модерна» (Felken, 1988. S. 69). Далее Фелькен пишет: «Культурпессимизм, еще до его националистической мобилизации в идеях 1914 г., стал идеологией реставрации для исторической химеры антимодернизма» (Felken, 1988. S. 72).

Согласно Фелькену, во втором томе «Заката Европы» культурфилософский экскурс Шпенглера благодаря негативному отношению к современности переходит в элементы политической теории. Как полагал Фелькен, для мировоззрения Шпенглера было характерно то, что он делал заключения о современности исключительно через призму философии истории (Felken, 1988. S. 82). Центральным сюжетом второго тома стала проблема жизнеспособности прогностической функции философии истории Шпенглера. Это по-

зволило Шпенглеру встать на вершину консервативной критики современности в ситуации, создавшейся после мировой войны. Критики, которая своими идеологическими корнями, по Фелькену, уходила в предвоенное время. «Так как Шпенглер понимал общественную структуру как комплексную систему, основанную на сословном порядке, ее разрушение в ходе революции, казалось ему важнейшим доказательством наступления эпохи декадентства в политике» (Felken, 1988. S. 122). Приверженность Шпенглера к идее органического происхождения государства и принципу историзма привела его к отрицанию демократии, проявившемуся уже в «Закате Европы». «Морфологическое учение о формах завершилось в политической философии апофеозом государства» (Felken, 1988. S. 127). Тем не менее, Фелькен не склонен считать Шпенглера принципиальным сторонником сословного государства.

Фелькен отметил значимость политических трудов Шпенглера для формирования и развития идеологии «консервативной революции». Особенно интересна мысль Фелькена о том, что публицистика Шпенглера от «Пруссачества и социализма» до «Годов решений» является важнейшим источником идейной эволюции немецкого консерватизма в Веймарской республике в национал-социалистическое мировоззрение. Трансформация политических взглядов Шпенглера демонстрирует как далеко «консервативные революционеры» удалились от своих изначальных идеалов. Фелькен, характеризуя концепцию «пруссского социализма» Шпенглера, писал, что он осуществил поразительную интеллектуальную операцию по освобождению прусского мифа от шлака реакционного балласта и его примирения с социализмом. Социалистически обновленная прусская идея, которая представлялась Шпенглеру в форме «народного сообщества», понималась не как потерпевшая крах, а как незавершенное призвание нации и выступала идейным противовесом «веймарскому» государству (Felken, 1988. S. 96). По мнению Фелькена, «Пруссачество и социализма», как и все младоконсервативные сочинения того времени, преследовало двойную цель: прорыв к современности и разрушение демократии.

Возникновение империй не являлось для Шпенглера высшей точкой исторического развития, наоборот, свидетельством его неизбежного завершения. Из такого подхода вытекает, по утверждению Фелькена, противоречивое отношение Шпенглера к феномену цезаризма. Фелькен отмечал, что цезаризм выступал у Шпенглера, с одной стороны, как политическая форма в хаосе бесформенности как истинный продукт цивилизации. С другой стороны, цезарь, по Шпенглеру, это человек, который может преодолеть и победить демократию (Felken, 1988. S. 129). Фелькен также указывает на то, что, несмотря на подчеркнутый антидемократизм и аристократизм политических воззрений Шпенглера, они не выходили за рамки авторитаризма. Шпенглер в равной степени отвергал как демократию, так и тоталитаризм. «Его, колеблющейся между варваром и рыцарем цезарь, выходящий из глубин романти-

чески-консервативных стремлений и сублимирующий страх перед будущим, тем не менее, не был видением тоталитарной утопии» (Felken, 1988. S. 133).

Фелькен называет книгу «Годы решений» итогом политической мысли Шпенглера. В этой работе, согласно Фелькену, Шпенглер резюмировал все свои консервативные идеи с одной стороны. С другой – работа стала свидетельством радикализации политических взглядов автора «Заката Европы». По замечанию Фелькена, «Годы решений» являются важнейшим историческим источником, который отразил постепенную трансформацию правого консерватизма в Веймарской республике в национал-социалистическое мировоззрение, особенно на ее последней стадии существования. Книга, по мнению Фелькена, показывает как далеко «консервативная революция» удалась от своих истоков (Felken, 1988. S. 195). Таким образом Фелькен в отличие от основного историографического тренда не считает «Годы решений» работой, в которой Шпенглер подверг критике нацистский режим в 1933 г. Подводя итог политическим взглядам Шпенглера, Фелькен полагает, что в основе политической концепции Шпенглера находилась идея о демократии как враге культуры, а, наоборот, аристократия была ее защитником (Felken, 1988. S. 206).

Голландский исследователь Фритц Ботерман связывал индивидуальные и социально-культурные факторы, оказавшие влияние на духовное и интеллектуальное развитие Шпенглера с политическими, а именно: с потерей политического влияния в немецком обществе поздней кайзеровской империи интеллектуалов «старого» среднего класса. Снижение политического веса гуманитарной интеллигенции произошло в результате ряда факторов: возникновения «нового» среднего класса, представленного инженерно-технической интеллигенцией, развития социал-демократического рабочего движения, вторжением в политику масс. Таким образом, «давление на консервативную элиту Германии, которой Шпенглер доверял, усиливалось» (Boterman, 1992. S. 356). Согласно Ботерману, представления Шпенглера о мире были во многом обусловлены теми проблемами, с которыми столкнулась немецкая буржуазия от образования на рубеже веков, как специфическая профессионально-общественная группа, что способствовало проникновению и возрождению в ее среде наиболее консервативных тенденций.

Картина мира, которая сложилась у Шпенглера перед созданием «Заката Европы» во многом была связана с проблемами кайзеровского рейха. «Закат Европы», написан Шпенглером в духе аполитичной традиции немецкой «буржуазии от образования», характерными чертами которой были претензия на универсализм, примат духовных ценностей над политическими. Большое влияние, по мнению Ботермана, на Шпенглера оказал неоромантизм. Но в тоже время, «Закат Европы» был ярким поэтическим выражением заката романтически-консервативных идеалов (Boterman, 1992. S. 356). «Его философия культуры была как диагнозом, так и симптомом культурного упадка» (Boterman, 1992. S. 357).

Шпенглер призывал немецкую элиту к проведению политики силы, которая была бы свободна от гуманистического идеализма и основана на антихристианской элитарной морали (Boterman, 1992. S. 360). Соответственно создание Веймарской республики Шпенглер воспринял более болезненно, чем крах, не совсем удовлетворявшего его кайзеровского рейха. «Веймарская республика была для него результатом немецкого поражения и Ноябрьской революции и означала победу либерализма и социализма» (Boterman, 1992. S. 360). Переход Шпенглера в лагерь «консервативной революции» был изначально предопределен. «Революционные консерваторы» стремились посредством духовной революции и политической активности возродить потерянные духовные и политические идеалы консерватизма: единство, авторитет, иерархию. «Своими политическими идеями Шпенглер несет ответственность за гибель Веймарской республики» резюмирует Ботерман (Boterman, 1992. S. 363).

Интересные размышления о политической концепции Шпенглера принадлежат политологу Михаэлю Тхондалю. Характеризуя понимание Шпенглером современной ему политической ситуации, он отмечал, что автор «Заката Европы» использовал две политические категории «левое» и «правое», которые, на его взгляд, наиболее точно отражали суть политических процессов при переходе от культуры к цивилизации (Thöndl, 1993. S. 426). Борьба между левыми и правыми является предвестником стадии цезаризма. Таким образом, согласно Тхондалю, «представление о переходе западной цивилизации к цезаризму определяют оценку Шпенглером современной ему политики» (Thöndl, 1993. S. 429).

В сборнике «Случай Шпенглера» проблема анализа и критики политических взглядов автора «Заката Европы» заняла важное место. По мнению Фарренкопфа, «Закат Европы» следует рассматривать не только как новаторскую книгу по философии истории, но и как труд призванный дать немецкой элите рекомендации по искусству управления государством (Farrenkopf, 1994. S. 45 - 46). Фарренкопф полагает, что для Шпенглера умение управлять государством должно быть глубоко укорененным в знании универсальной философии истории и согласованно с империалистическим духом времени. «Шпенглер рассматривал дальнейшее развитие мировой политики в XX столетии от процесса эволюции западной цивилизации» (Farrenkopf, 1994. S. 52).

Фарренкопф также отмечает, что шпенглеровский проект синтеза истории и искусства управления государством целиком находится в русле немецкой националистической традиции, ведущей свое начало от Леопольда фон Ранке. Но в противоположность Ранке и особенно неоранкеанцам Шпенглер верил в то, что в XX в. европейская система равновесия великих держав будет разрушена, для того чтобы создать почву для господства Германии. Он отвергал равновесие как основополагающий принцип европейского концерта международных отношений. Шпенглер, в отличие от Ранке, не считал, что «Realpolitik» должна одновременно служить немецкой идентичности и евро-

пейскому порядку. Напротив, «Realpolitik» должна выражать дух времени в эпоху глобального империализма (Farrenkopf, 1994. S. 60 - 61). Идеалом Шпенглера было прусское, консервативное и авторитарное государство. «Философия мировой истории Шпенглера изначально была черновиком для того, чтобы подготовить инновационные формы немецкой «Realpolitik» утверждает он (Farrenkopf, 1994. S. 72). Шпенглер, согласно Фарренкопфу, попытался соединить три великие немецкие интеллектуальные традиции: философию истории, культурпессимизм, «Realpolitik» (Farrenkopf, 1994. S. 73).

Статья Г. Люббе посвящена сравнению двух фундаментальных работ германской «консервативно-революционной» мысли «Пруссачество и социализм» и «Рабочего» Э. Юнгера (Lübbe, 1994). Он усматривает идейно политический замысел этих книг в намерении авторов развернуть социалистическое рабочее движение от идеологии марксизма в сторону прусско-социалистических ценностей для того, чтобы сделать его более современным в соответствии с вызовами технической цивилизации и обеспечить Германии как родоначальнице социализма будущее мировое господство (Lübbe, 1994. S. 130). В обеих книгах наметен проект «постмарксистского социализма как немецкой политической формации будущего» (Lübbe, 1994. S. 137). Люббе также отмечает не только антимарксизм Шпенглера, но и указывает на антилиберальную направленность политических воззрений Шпенглера, выраженных в «Пруссачестве и социализме». В этой связи характерно замечание Люббе, что в ненависти к буржуазной политической системе антимарксист Шпенглер был согласен с Марксом (Lübbe, 1994. S. 140).

Люббе характеризует Шпенглера и Юнгера как романтических политических экзистенциалистов, в практическом отношении их антибуржуазность выражалась в витальном восприятии буржуазно общества как формы отчуждения бытия. Люббе следующим образом объясняет различия между антибуржуазностью марксистов и «консервативных революционеров»: «Экономические интересы, основанные на отчуждении и дегуманизации, марксистская идеология не преодолевает, а, напротив, консервирует. Классовая борьба означает не что иное, как воспроизведение буржуазных форм жизни» (Lübbe, 1994. S. 145). Иными словами, согласно Люббе, политический экзистенциализм Шпенглера и Юнгера это снятие отчуждения между частным и общественно-политическим существованием, которое должно произойти в форме постмарксистского социализма. Люббе называет такой проект историко-политическим авангардизмом (Lübbe, 1994. S. 148). Люббе еще раз отмечает наличие тонкой грани, которая отделяла консервативный утопизм от модернистского футуризма в идеологии и политических концепциях «консервативной революции».

Анализу публицистики Шпенглера была посвящена статья леволиберального немецкого историка и публициста Клеменса Волльнхальса. Десятилетием ранее он опубликовал статью «Освальд Шпенглер и национал-социализм: дилемма революционного консерватора», в которой представил

весьма радикальную трактовку феномена «консервативной революции» (Vollnhals 1984). В «Случае Шпенглера» Волльнхальс предпринял попытку комплексного рассмотрения эволюции политических взглядов Шпенглера на основе его публицистики. Для Волльнхальса очевидно наличие изначальной первичной политической установки в главном труде Шпенглера «Закат Европы» (Vollnhals, 2005. S. 118 – 119)¹⁰. Волльнхальс характеризует идейный конструкт, заложенный в «Пруссачестве и социализме», как романтический миф бесклассового народного сообщества, направленного на самоотверженное служение государству и нации. По мнению Волльнхальса, «Шпенглер определял государство не в либеральном смысле, как союз интересов ради общественного блага, и не в традиционалистско-консервативном смысле как институт бога, а в духе наследия Трейчке и других представителей немецкой «Realpolitik», как инструмент самореализации власти» (Vollnhals, 2005. S. 121 – 122). Волльнхальс полагает, что игра Шпенглера с понятием «социализм» была не более чем кокетливой позой, а пропагандировавшийся им «пруссский социализм» предвосхищал национал-социализм.

Волльнхальс предлагает объяснение политических взглядов Шпенглера исходя из фрейдистского подхода, ссылаясь на то, что истоки его мировоззрения находятся в несчастливом детстве и одинокой юности. Волльнхальс также признает, что публицистика Шпенглера не выходила за рамки немецкой интеллектуальной и политической традиции неприятия либерализма. Ее «ослепительное воздействие» (выражение автора) основано на духовном кризисе, поразившем немецкое общество после мировой войны и Ноябрьской революции. Не случайно, что публикация самых знаменитых политических трудов Шпенглера «Пруссачество и социализм» и «Годы решений» совпала с началом и концом Веймарской республики (Vollnhals, 2005. S. 136).

Фигура Шпенглера, как одного из ведущих идеологов «консервативной революции», оказалась в центре внимания и в трудах исследователей определяющих современное состояние историографии «консервативной революции». «Во время и после первой мировой войны Шпенглер усматривал внутрицивилизационные противоречия в конфликте прусского социализма с английской плутократией. На конечной стадии существования Веймарской республики, наполненной революционными ожиданиями, Шпенглер видел в массовом революционном движении главного врага его концепции, исполненного достоинства заката в духе прусско-социалистического цезаризма» (Sieferle, 1995. S. 127 – 128). Политические сочинения, которые написал Шпенглер в первые годы Веймарской республики, служили объяснению и пропаганде исторической миссии Германии. В них речь шла о дальнейшем развитии «идей 1914 года», но переработанных с учетом политической ситуации после поражения в войне в программу особого немецкого пути, кото-

¹⁰ В нашей работе мы используем вторую редакцию статьи Волльнхальса (Vollnhals, 2005).

рая синтезировала пруссачество и социализм, организацию и сообщество, этику долга и служение делу (Sieferle, 1995. S. 112).

Зиферле следующим образом трактует взгляды Шпенглера на демократию и цезаризм. Шпенглер, следуя традиции консервативной критики цивилизации, считал, что переход к цивилизации есть переход от формы к бесформенности, от сословного порядка к современному массовому обществу парламентской и партийной демократии. Парламентская демократия была, по мнению Шпенглера, формой распада сословного порядка. Установление парламентской Веймарской республики означало крушению специфической прусской традиции. Парламентская демократия основана на господстве денег и плутократии. Парламентаризм – просто фасад, за которым стоят интересы узкого круга капиталистической элиты. Парламентская демократия рано или поздно неизбежно должна закончиться хаосом и перейти в диктатуру цезаря. Предпосылки цезаризма находятся в бунте традиционной элиты против плутократии. Цель цезаризма – захват власти. Цезаризм должен возникнуть на основе синтеза посткапиталистического социализма и предкапиталистической этики долга. В разработке такого типа цезаризма состоит особая историческая миссия Германии (Sieferle, 1995. S. 114–115).

На конечной стадии существования Веймарской республики главного врага немецкой нации Шпенглер видел в революционном движении и пролетариате, который явно вступал в противоречие с его концепцией заката в духе прусско-социалистического цезаризма (Sieferle, 1995. S. 127–128). В этом отношении Шпенглер не делал различия между либеральной, большевистской и национал-социалистической идеологиями. Они являлись для него выражением системы господства партий. Даже итальянский фашизм не был для него истинным цезаризмом, хотя, по мнению Зиферле, в образе Муссолини Шпенглер видел более значительный тип вождя, чем, например, в фигуре Гитлера. Зиферле отмечает неоднозначность восприятия Шпенглером нацизма. С одной стороны, он поддержал Гитлера и нацистское движение как единственно возможный вариант ликвидации Веймарской республики. С другой его пугал массовый характер нацистского движения.

Р. Буше, основываясь на своей концепции о значении аполитичного подхода к действительности в идеологии немецкого консерватизма, отводит Шпенглеру главную роль в формировании метаполитических представлений в обосновании аполитичной позиции немецкого консерватизма после Первой мировой войны. Как мы писали выше, он называет Шпенглера авангардистом среди консервативных мыслителей Веймарской республики. Политический авангардизм Шпенглера основывается, по мнению Буше, на трех важных концептуальных положениях. Во-первых, Шпенглер был первым мыслителем, который обнаружил, что причины политических проблем могут иметь более глубокую основу, чем просто проявление определенных событий. Во-вторых, культурфилософия Шпенглера явилась первым опытом создания целостной метаполитической конструкции в германском консерватизме перио-

да Веймарской республики. В-третьих, Шпенглер дал немецким консерваторам звучный тезис-лозунг «Заката Европы», который стал символом консервативного движения в Веймарской Германии (Bussche, 1998. S. 119–120). «Метаисторическое учение Шпенглера о закате культур является псевдоисториографическим выражением его бегства в область метаполитических спекуляций» резюмирует Буше (Bussche, 1998. S. 122). Согласно Буше, интеллектуальная операция по трансформации консерватизма из охранительно-защитного в наступательное и современное политическое направление была проведена Шпенглером в целях возможности метаполитических спекуляций с политическими понятиями.

Политизация аполитичности обнаруживается у Шпенглера в том, что он возводит иррациональные декорации в современной политической теории. «Политические взгляды Шпенглера опирались не на систему рационального доказательства, а на сконструированные им метаполитические принципы: «раса», «кровь», «душа и тело истории» и т. д.», что стало примером для других немецких консервативных теоретиков после 1918 года (Bussche, 1998. S. 125). Касаясь взаимосвязи философии истории Шпенглера с его политическими воззрениями, Буше считал, что в своем учении о неизбежности упадка культур Шпенглер не желал реставрации политических институтов прошлого. Он стремился к возможности возвращения к аполитичному бытию. Итогом этого стали новое понимание Шпенглером демократии и социализма, что привело к искажению их подлинного политического содержания. Шпенглер превратил демократию в главного врага существования аполитичного общественного бытия. Он связывал демократию прежде всего с англо-французским образцом и считал ее непригодной для Германии. Германия имеет собственный путь исторического развития, который Шпенглер, по мнению Буше, связывал с идеей «прусского социализма» как интегративной идеологией, могущей объединить все сословия. Но, как пишет Буше, «идеальное содержание «пруссачества» и «прусского социализма» оказывается по ту сторону шпенглеровского пафоса и его ожесточенной полемики против обозначенного врага [...] Где культурфилософ выдает себя как охранителя консервативной традиции, он становится ее разрушителем. Немецкие традиции, которые следовало поддерживать, были сведены им к минимуму. Из всех немецких традиций для Шпенглера имели смысл только прусская твердость, послушание и всеобщая служба государству, все же другое, что также наполняло немецкую традицию необходимо упразднить» (Bussche, 1998. S. 128). Буше характеризует Шпенглера как прусского нигилиста.

Буше рассматривает «Пруссачество и социализм» как побочный продукт работы Шпенглера над вторым томом «Заката Европы». По мнению Буше, «Пруссачество и социализм» наглядно свидетельствует о том, какие метаполитические теории можно вывести из казалось бы сугубо философского учения о закате культуры. Шпенглер видел актуальный политический идеал в возрождении старопрусского этоса, основанного на повиновении и

службе государству. Консерватизм Шпенглера выражался не в следовании устаревшим политическим представлениям, а являлся современной и агрессивной идеологией, которая, с его точки зрения, была единственно возможной в условиях Веймарской Германии. «Шпенглер стал первым после 1918 года мыслителем, использовавшим неполитические ценностные представления прусско-немецкого прошлого для того, что синтезировать их в качестве политически легитимных ценностей будущего и в связи с современной политической теорией» (Bussche, 1998. S. 123).

Характеризуя важнейшие элементы политической аргументации Шпенглера, Буше констатирует следующее: формула «аполитичности немецкой нации» после 1918 г. преобразовалась в новую формулу «политический юный немецкий народ», которому суждена в будущем важная политическая миссия. Политическая концепция Шпенглера стала олицетворением этой формулы. С одной стороны, эта формула сохраняла традиционную роль государства, с другой позволила включить немецкий консерватизм в демократическое поле выбора. Немецкий консерватизм, согласно Буше, после 1918 г. был готов признать плебисцитарную форму демократии. Буше, характеризуя основной лейтмотив понимания Шпенглером политического бытия немецкого народа, констатировал: «Немецкий народ был для него специфическим «монархическим» народом или специфическим «вождистским» народом, который в силу исторических, географических и расовых основ передавал политические решения в руки вождя» (Bussche, 1998. S. 135). Шпенглер усматривал политическую миссию немецкой нации в качестве воспитателя «белого мира», а немецкий консерватизм, при этом, должен стать идейной основой этой миссии.

Буше считает представления Шпенглера об эпохе цезаризма квинтэссенцией его политической философии. Только цезаризм в его консервативном исполнении был способен преодолеть «анархические тенденции либерализма» (Bussche, 1998. S. 137). Какая критических замечаний Шпенглера относительно Веймарской республики, Буше выделяет три основополагающих мотива его негативного отношения к Веймару. Первое, военное поражение было результатом предательства и неповиновения. Второе, демократия не знает понятия государства, и она не является немецкой государственной формой. Третье, раздробленность политических партий раскалывает общество и делает невозможной проведение сильной внешней политики (Bussche, 1998. S. 137).

Буше оценивает Шпенглера как значительнейшего консервативного мыслителя Веймарской республики. Говоря о значении Шпенглера для развития идеологии консерватизма в Веймарской республике, Буше пишет: «Его интеллектуальный вклад в политизацию аполитичности и его влияние на консервативную мысль после 1918 года сложно переоценить» (Bussche, 1998. S. 129). Шпенглеру «Закатом Европы» удалось поставить вопрос о новой ле-

гитимации аполитичной позиции, а концепция «прусского социализма» стала политическим следствием его философии истории.

В 2000-е гг. на волне подъема «новых правых» Шпенглер становится для них одной из культовых фигур «консервативной революции», к которой они обращаются, и наследие которой они пропагандируют. В 2005 году ведущий современный политико-теоретический журнал «новых правых» «Сецессион» посвящает Шпенглеру отдельный номер (Sezession. – Oswald Spengler (Sonderdruck), 2005). По мнению редактора номера, видного идеолога «новых правых» К. Вайсмана, как в случае с его философией истории, так и в отношении идеологии «консервативной революции», Шпенглер, несмотря на влияние, занимал определенную дистанцию по отношению к другим ее представителям (Weißmann, 2005. S. 25). Как отмечает Вайсманн, реакция на выход «Заката Европы» как среди «старых», так и среди «новых» консерваторов Веймарской республики в целом была неоднозначна. Немецкие консерваторы полагали, что возродить Германию, опираясь на пессимистическое учение Шпенглера об упадке культуры, не возможно. Они продолжали надеяться на немецкий гений, который, как они ожидали, начнет новое обновление немецкой культуры. Морфология истории Шпенглера, хотя и находилась в русле традиций немецкого культурпессимизма конца XIX - начала XX вв., по своим конечным выводам была гораздо пессимистичней его (Weißmann, 2005. S. 20). Именно в модели «прусского социализма» Шпенглер усматривал последнюю возможность «быть в форме» для побежденной германской нации. В «Пруссачестве и социализме» выражена главная идея Шпенглера: представление о прусской традиции как базисе нового возрождения имперской идеи и германской империи (Weißmann, 2005. S. 21).

Своими политическими сочинениями Шпенглер оказывал влияние на часть интеллектуалов, которая составила ядро «консервативной революции». Шпенглер контактировал с представителями младоконсервативного движения через «Июньский клуб», который создал основоположник младоконсерватизма А. Мёллер ван ден Брук. Однако, по мнению Вайсмана, эти контакты были ограничены из-за персональных и идейных противоречий между двумя ведущими теоретиками формирующейся «консервативной революции». В частности, разногласия касались отношения к кайзеровской империи, которую Мёллер ван ден Брук, в отличие от Шпенглера, критиковал. Он также не считал пруссачество необходимой основой немецкого возрождения, а исходил из своей концепции «права молодых народов». Мёллер ван ден Брук не верил в историческую судьбу и предзаданность. Он иначе, чем Шпенглер, рассматривал проблему единства мировой истории. В рецензии на «Закат Европы» Мёллер ван ден Брук согласился со Шпенглером в его критике философско-исторического рационализма и западной идеи прогресса, но в выводах о будущем западной культуры и цивилизации он был не согласен с ним (Weißmann, 2005. S. 22). В итоге Вайсманн констатировал, что Шпенглер оказал влияние на «консервативную революцию» не столько своими идеями,

а сколько созданием общей духовной атмосферы, в которой формировалась идеология «консервативной революции» (Weißmann, 2005. S. 22).

Касаясь содержания политических взглядов Шпенглера, Османцевич, напротив, стремится снять с них налет ультрамодерности, который наносили на немецкого мыслителя в последние десятилетия XX столетия. Как политический мыслитель Шпенглер, по словам автора, был монархистом, ностальгирующим по Пруссии и противником марксизма, либерализма и демократии, которые не были немецкими идеалами, и достойным наследником Бисмарка (Osmančević, 2007. S. 101). Но Османцевич не разделяет точку зрения о виновности Шпенглера и других «консервативных революционеров» в идейной подготовке национал-социализма. Их стремления были направлены прежде всего на решения империалистических задач, но не в коем случае на создание тоталитарного государства. То, что Шпенглер высказывал в своих политических сочинениях, было, по мнению Османцевича, прямым следствием его философии истории, способом актуализации текущих политических событий. В частности, концепцию «прусского социализма» Османцевич трактует не как системную политико-идеологическую теорию, а как попытку Шпенглера выразить образ немецкого национального характера. По Османцевичу, любое рассмотрение политических взглядов Шпенглера должно исходить из тезиса о том, что автора «Заката Европы» следует причислить к великим немецким националистам (Osmančević, 2007. S. 220).

В последние десятилетие в западной гуманитарной мысли политическая концепция Шпенглера перестала быть в центре внимания. Интерес исследователей в канун столетнего юбилея выхода в свет «Заката Европы» вновь привлекла внимание его культурно-историческая концепция в ее различных интеллектуальных ракурсах и сравнительном отношении с философией истории, культурологией и так далее. Относительно политической концепции, некоторым исключением в общей тенденции современной шпенглеряны стала книга австрийского исследователя Михаэля Тхондаля «Освальд Шпенглер в Италии. Культурный экспорт политических идей «консервативной революции» (Thöndl, 2010). Однако работа Тхондаля стала итогом его многолетних исследований восприятия идей Шпенглера в фашистской Италии и специфики итальянской «консервативной революции». Поэтому автор не ставил перед собой цели дать детальный анализ политических идей Шпенглера, ограничившись пересказом его культурно-исторических и политических идей. Единственное на, что стоит обратить внимание в работе Тхёндаля, его попытку по-новому взглянуть на трактовку «консервативной революции». В ее понимании он занял промежуточное положение между А. Молером и Ш. Бройером. Тхондаль считает, что термин «консервативная революция» соединяет в себе и научные, и политические черты. Он не может быть использован только в сугубо научном плане из-за неоднородности предметной области, которая в конечном итоге делает весьма затрудненной реконструкцию всей концепции в целом. Но понятие «консервативная рево-

люция» может быть вполне применимо в научно-теоретической области, если ему придать политический смысл. Во всяком случае, как полагает Тхондаль, понятие можно и нужно использовать в качестве идеально-типической конструкции. Согласно Тхондалю, феномен «консервативной революции» возник в Европе во время и после Первой мировой войны и является реакцией на крах традиционных ценностей и поиском нового понимания культуры и политики (Thöndl, 2010. S. 16 – 18, 25 – 33).

В отечественной гуманитарной мысли изучение политической концепции Шпенглера четко делятся на два периода - советский и современный российский. В советский период любая оценка политических взглядов Шпенглера жестко шла в русле марксистской концепции германского фашизма и «консервативной революции» как его идеологической предтечи, о чем мы говорили выше. А. С. Бланк выделял два способа, которые, по мнению Шпенглера, могли спасти западную культуру от гибели. Первый – в переходе от парламентской демократии к цезаризму «тотальной диктатуре сильного человека» (Бланк, 1978. С. 105). Второй способ – установление Германии господства над миром. В понимании Бланка в концепции «прусского социализма» Шпенглер изложил самые реакционные тенденции германской истории: милитаризм, бюрократизм, антидемократизм. «Прусский социализм Шпенглера был лжеучением, направленным на дальнейшее закабаление трудящихся. «Это были уже готовые кирпичи для фундамента нацистской идеологии» - пишет Бланк (Бланк, 1978. С. 106).

А. А. Галкин и П. Ю. Рахшмир отмечали, что Шпенглер сыграл важную роль в обновлении немецкого консерватизма впервые послевоенные годы. «Он довел до высшей степени присущее консерватизму чувство исторического пессимизма. Однако для консерваторов, пытавшихся приспособиться к новым условиям, О. Шпенглер был интересен не столько рассуждениями о закате Европы, которые сделали ему имя, сколько способностью низвести набор реакционно-консервативных идей, высказанных его учителем Ф. Ницше, до уровня восприятия отчаявшегося обывателя объединить этот набор идей с современными ему модными понятиями» (Галкин, Рахшмир, 1987. С. 76). Идею «прусского социализма» Шпенглера авторы определяют как идею «феодального социализма», однако при этом признавали, что «прусский социализм» противостоит не только марксистскому социализму, но и либерализму. «Социализм для Шпенглера - это прежде всего логический антипод «либерализма», т. е. капитализма на стадии свободной конкуренции и его порождения – парламентской системы» (Галкин, Рахшмир, 1987. С. 78). Оценивая в целом роль автора «Заката Европы» в немецком консерватизме Веймарской республики, Галкин и Рахшмир констатируют, что взгляды Шпенглера «образовали своеобразный мост между традиционалистским и экстремистским консерватизмом, стимулировав последний к тем поискам, которые привели его в конечном счете в лоно фашизма» (Галкин, Рахшмир, 1987. С. 79).

На современном этапе отечественной гуманитарной мысли изучение политической концепции Шпенглера, как мы говорили выше, начинается с монографии Пленкова. Автор, характеризуя концепцию «пруссского социализма», считает, что Шпенглер воспринимал социализм только в контексте исключительно Пруссии с ее особенностями государства и прусской служебной этики (Пленков, 1997. С. 352). «Прусский социализм» в политической концепции Шпенглера противопоставляется Веймарской системе партий, в которой частные интересы заменяют народную волю. «Немецкий, или прусский социализм, по Шпенглеру, на первое место ставил интересы общности» (Пленков, 1997. С. 352). Наиболее существенная идея Шпенглера заключается, по мнению Пленкова, в том, что каждая нация имеет свою государственно-историческую форму вне зависимости от того государственного правления, которая ему навязана. Соответственно, Веймарская республика для Германии – это английская либерально-капиталистическая модель государственного правления. Шпенглер полагал, что историческое предназначение Германии реализуется только тогда, когда во главе страны встанет авторитарный вождь, который реализует программу «пруссского социализма». Согласно Пленкову, «шпенглеровское понимание социализма было усвоено не только значительной частью «консервативной революции», но и национал-социалистами (Пленков, 1997. С. 356). Как полагает Пленков, «Шпенглер действительно по-новому и абсолютно оригинально смог поставить вопрос о необходимости и неизбежности национальной общности и национальной идентичности и обосновать их действительными особенностями немецкой политической культуры» (Пленков, 1997. С. 361).

С началом XXI столетия в изучении политической концепции Шпенглера в отечественной гуманитарной мысли был сделан значительный шаг вперед. Во-первых, необходимо упомянуть труды философа А. Н. Мочкина, изданные на рубеже XX – XXI вв. (Мочкин, 1999) и особенно (Мочкин, 2002). Он указывает на связь Шпенглера с немецкой философией жизни и, одновременно, называет важным представителем неоконсерватизма (так Мочкин называет «консервативную революцию»), подчеркивая тем самым ключевое значение немецкого философа в качестве связующего звена довоенной и послевоенной эпох в интеллектуальной жизни Германии. После Первой мировой войны в Германии были разрушены почти все прежние общественные связи и структуры, а значительная часть общества было люмпенизировано, деклассировано, вырвано из корней и почвы, на которой оно возникло. Как полагает Мочкин, «именно в этих условиях неоконсервативные мифы явились своего рода центрами кристаллизации дезинтегрированного общества, но уже не по классовому принципу, а по принципу своего рода отрицательной солидарности...» (Мочкин, 2002. С. 35). Шпенглер, по словам автора, занимает «особое место среди неоконсервативных мыслителей Германии по количеству созданных им мифов, по совершенно мифологическому мышлению, во многом определившему тоталитарную мифологию в дальнейшем»

(Мочкин, 2002. С. 38). В конечном итоге, Мочкин относит Шпенглера к идеологическим предтечам тоталитаризма, «в трудах О. Шпенглера тоталитаризм как форма идеологической идолизации государства как целостности, тотальности, поглощающей, и не только объединяющей, но всецело определяющей саму структуру общественных отношений в государстве, впервые обрела свое выражение» (Мочкин, 2002. С. 43).

Во-вторых, начинается публикация политических сочинений Шпенглера на русском языке, которые на данный момент представлены достаточно полно. В 2002 г. было переиздано берлинская публикация начала 1920-х гг. «Пруссачества и социализма» в переводе Г. Д. Гурвича (Шпенглер, 2002). Издание сопровождается статьей-послесловием известного отечественного специалиста по современной западной философии профессора Высшей школы экономики А. М. Руткевича (Руткевич, 2002). Автор считает Шпенглера чрезвычайно влиятельным публицистом периода Веймарской республики, в публицистике которого отразилась эволюция немецкого консерватизма межвоенного периода. Эссе «Пруссачество и социализм» является, по мнению А. М. Руткевича, «одним из первых документов «консервативной революции»» (Руткевич, 2002. С. 189), которую автор определяет как преимущественное идейное и политическое движение в Веймарской Германии. Таким образом, Руткевич одним из первых в современной отечественной гуманитарной мысли, наряду с А. И. Патрушевым и О. Ю. Пленковым, обращает внимание на практически закрытый в советской историографии феномен немецкой «консервативной революции».

И, в-третьих, подробное освещение политические взгляды Шпенглера получили в работах С. В. Артамошина и В. В. Афанасьева. С. В. Артамошин обращался к политической концепции Шпенглера в русле исследования феномена немецкой «консервативной революции» (Артамошин, 2002а, 2002b, 2007, 2009). В работах С. В. Артамошина «консервативная революция» впервые в отечественной гуманитарной мысли показана как некая мировоззренческая, идейная и политическая целостность. Автор выявил предпосылки «консервативной революции», рассмотрел её мировоззренческие и политические компоненты, раскрыл взаимоотношения с национал-социализмом. Автор отмечает значение политических взглядов Шпенглера на формирование идеологии «консервативной революции», особенно его концепции «пруссского социализма».

В 2007 году философом и переводчиком Шпенглера В. В. Афанасьевым была защищена докторская диссертация по философии политики Освальда Шпенглера (Афанасьев, 2007), которая была представлена в ряде авторских публикаций (Афанасьев, 2003, 2006, 2009). Автор считает Шпенглера крупным политическим мыслителем XX столетия, в трудах которого нашли свое отражения многие проблемы: либерализм и консерватизм, война и мир, предотвращение опасности мировой войны и гонки вооружений, а «разработанная им концепция «высоких культур» позволила Шпенглеру подхо-

дять к анализу современных политических процессов с большое исторической перспективы» (Афанасьев, 2009. С. 227). Афанасьев делает вывод о том, что Шпенглер, несомненно, являлся видным теоретиком германского консерватизма своего времени. При этом Шпенглер, по мнению Афанасьева, делает шаг вперед в понимании консерватизма. Он был «метафизическим консерватором» и не связывал сущность политических течений с их экономическими и политическими характеристиками. Консерватизм, по Шпенглеру, это прежде всего укорененность общества и индивидуума в социокультурном пласте истории, определяемой духом нации, выраженном в традиции. В таком ключе, понимание государства Шпенглером предполагало в первую очередь апелляцию к исконным историческим народным ценностям, вроде «прусского духа» (концепция «прусского социализма»). Политическую философию и политические взгляды Шпенглера по праву можно отнести к идеологии «консервативной революции», видным протагонистом которой он был. В политической позиции Шпенглера проявились характерные противоречия присущие «консервативной революции» в целом, что позволяет нам говорить о сложности самого ее феномена. Важным представляется также замечание Афанасьева о том, что «в анализе современных ему политических проблем Шпенглер опирается на тот методологический инструментарий, который он выработал в процессе своей интерпретации истории. Это позволило ему взглянуть на современные события с необычной точки зрения и увидеть новые перспективы, что определило его подход и интерес к его творчеству» (Афанасьев, 2009. С. 508).

Говоря об изучении «консервативной революции» в 2000-х гг. наряду с работами С. В. Артамошина и В. В. Афанасьева, нельзя не упомянуть исследования в этой области философа А. В. Михайловского, переводчика на русский язык и комментатора произведений Э. Юнгера, попытавшегося разработать свою авторскую трактовку феномена немецкой «консервативной революции» (Михайловский, 2008). Михайловский полагает, чтобы понять этот феномен надо идти в его изучении не от социальной теории, а от политической онтологии «консервативной революции». В антилиберальном комплексе идей КР (сокращенное авторское название «консервативной революции», *кстати, распространённое в западной гуманитарной мысли – О. Э. Терехов*) Михайловский выделяет две ключевые идеи: легитимация власти через идею авторитета и идею господства в тотальном государстве, «именно в аспекте вопроса об авторитете и господстве «консервативная революция» может рассматриваться как целостный феномен, интересный не только в исторической перспективе (Михайловский, 2008. С. 267). В установлении авторитета и господства, как они их понимали, «консервативные революционеры» были, по мнению Михайловского, искренними революционерами. Книгу Шпенглера «Пруссачество и социализм» Михайловский называет оптимистической и революционной. «Шпенглер набрасывает не просто политический проект «прусского социализма»: эта философия, которая продолжает и развивает

ницшеанскую метафизику «воли к власти» (Михайловский, 2008. С. 271). Революция, по Шпенглеру, в понимании Михайловского, – эта реализация воли к власти.

В 2010-х гг. политическая концепция и политические взгляды Шпенглера рассмотрены в докторских диссертациях С. В. Артамошина и О. Э. Терехова. В 2011 г. С. В. Артамошин впервые в отечественной историографии защитил докторскую диссертацию по феномену «консервативной революции» в Веймарской республике «Интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики» (Артамошин, 2011a), основные положения которой были изложены в авторских публикациях и монографии (Артамошин, 2011b). В 2018 г. вышла новая монография Артамошина по данной проблематике, которая расширяет и дополняет его предыдущие работы (Артамошин, 2018).

Идейное наследие Шпенглера Артамошин включил в ряд основополагающих идеологем «консервативной революции», прежде всего как творца концепции «немецкого социализма». «Пруссачество и социализм», по мнению Артамошина, дало толчок к развитию консервативной и националистической мысли Веймарской Германии ((Артамошин, 2011b. С. 177). Политическая концепция «пруссского социализма» выводилась Шпенглером, согласно Артамошину, из его культурологической концепции и основывалась на противопоставлении немецкого и английского духа в истории Европы. Артамошин отмечает влияние взглядов В. Зомбарта на формирование концепции «пруссского социализма» Шпенглера. Артамошин так же, как и Афанасьев, говорит о метафизических предпосылках понимания Шпенглером социализма, как и политики в целом. Как полагает Артамошин, Шпенглеру удалось, в консервативном ключе, соединить политические и культурологические проблемы своего времени: культуры и цивилизации, нации и народа, традиции и демократии в единую, хотя и не совсем стройную, систему. Это позволило ему сформировать идеологию «консервативно революционного» контрвеймара и обусловило его место и роль в «консервативной революции» (Артамошин, 2011b. С. 181).

В работах и диссертации О. Э. Терехова проблема «Шпенглер и «консервативная революция» проанализирована в контексте германской и западной историографии «консервативной революции» (Терехов, 2011, 2013). Делается вывод о том, что в истории «консервативной революции» фигура Шпенглера является одной из ключевых для понимания её метафизической и идейной сущности (Терехов, 2011. С. 107). Автор, исходя из своего анализа проблемы «Шпенглер и «консервативная революция» в германской гуманитарной мысли, отмечает вслед за немецкими исследователями, что «интеллектуальный вклад Шпенглера в придание германскому консерватизму новой идейно-ценностной легитимации трудно переоценить» (Терехов, 2011. С. 123). В дальнейшем автор продолжил исследование различных аспектов

культурно-исторической и политической концепции Шпенглера (Терехов, 2014, 2015, 2017, 2019).

3.2. «Консервативная революция» в историографическом дискурсе

Дискуссии относительно феномена немецкой «консервативной революции» ведутся уже не одно десятилетие. Начало им было еще положено в период Веймарской республики в Германии. По крайней мере немецкие интеллектуалы того времени попытались осмыслить сам термин и то, что за ним скрывалось. Впервые в германской интеллектуальной традиции выражение «консервативная революция» использовал Томас Манн в статье 1921 года «Русская антология», в которой характеризовал черты мировоззрения Ницше, сумевшего чудесным образом объединить, по мнению Манна, консервативные и революционные идеи. Именно такой синтез в творчестве немецкого мыслителя Манн и обозначает как «консервативную революцию» (Clason, 1981. S. 46).

Политический смысл выражению «консервативная революция» впервые придал один из ее основоположников Артур Мёллер ван ден Брук в 1923 году в библии немецкого «революционного консерватизма» книге «Третий рейх» (Мёллер ван ден Брук А., 2009). Он писал: «То, что сегодня является революционным, завтра станет консервативным. Мы не хотим продолжать революцию, а лишь подхватить идеи, которые остались еще непонятыми. Мы хотим увязать эти революционные идеи с консервативными, которые всплывают снова и снова. Мы хотим продвигать эту Консервативную революцию, пока не добьемся условий, при которых мы сможем жить» (Мёллер ван ден Брук, 2009. С. 132). Однако выражение «консервативная революция» обретенное Мёллером ван ден Бруком, не нашло в дальнейшем большого распространения ни у него самого, ни в его круге единомышленников младоконсерваторов.

Общественный резонанс понятие «консервативная революция» приобрело только после знаменитой речи известного поэта Гуго фон Гофманншталя «Литература в духовном пространстве нации», произнесенной 10 января 1927 года в мюнхенском университете. Характеризуя духовную ситуацию современности в Германии, усиление консервативных умонастроений среди общественности, Гофманншталь говорил: «Процесс, о котором я говорю, есть ничто иное, как консервативная революция, такого размаха, которого еще не видала европейская история. Ее цель – создание формы новой немецкой действительности, в которой могла бы участвовать вся нация» (Hofmannsthal, 1927. S. 31).

К началу 1930-х гг., когда идейно-политический профиль «нового» консерватизма уже достаточно оформился и проявился, некоторые его ведущие теоретики попытались осмыслить собственную позицию. В 1931 году выходит небольшая работа известного социолога и пропагандиста «нового» консерватизма Ганса Фрайера «Революция справа», которую по праву причисляют к одному из важных манифестов «консервативной революции». Введенное автором выражение «революция справа» воспринималось в нача-

ле 1930-х гг. как синоним «консервативной революции». Объясняя смысл революции справа, Фрайер следующим образом начинает свою книгу: «На полях сражений буржуазного общества формируется новый фронт: революция справа [...]. Пока что ее движение – это лишь выступление умов, без ясного сознания, без символа, без руководства. Но фронт возникает внезапно. Он выходит за пределы старых партий, их тупиковых программ и запыленных идеологий [...]. Этот фронт покончит с пережитками XIX века, который еще сопротивляется, и освободит путь истории XX века» (Фрайер, 2008, С. 7). Только одному из ведущих идеологов «консервативной революции» Эдгару Юлиусу Юнгу, уже на исходе Веймарской республики, удалось придать выражению «консервативная революция» некий политический смысл. В статье «Германия и консервативная революция» он писал: «Консервативной революцией мы называем возрождение всех тех элементарных законов и ценностей, без которых человек теряет связь с природой и богом и не может построить истинный порядок [...]. Консервативная революция должна разрушить механистическую политику и создать предпосылки для истинной политики. Ее главная цель – создание нового порядка и нового этоса западного человечества под руководством Германии» (Jung, 1932. S. 380).

В годы Третьего рейха нацистские власти избегали использовать выражение «консервативная революция», а в рядах антифашистов оно стало ассоциироваться исключительно с идеологией и практикой национал-социализма. Тем не менее, понятие «консервативная революция» и те явления, которые оно обозначало, продолжали оставаться в поле зрения политиков и публицистов. Так, например, политэмигрант Германн Раушнинг считал, что национал-социализм использовал идеи «консервативной революции» для своих политических целей. Именно тень национал-социализма, брошенная на идеологов «консервативной революции», надолго в духовном и политическом плане связала эти два феномена правого радикализма в новейшей истории Германии. Поэтому не удивительно, что после Второй мировой войны они изучались в рамках концепции «преодоления прошлого». Возникшая в 1950 – 1960-х гг. концепция «преодоления прошлого» означала моральное, идейное и политическое преодоление предпосылок и последствий национал-социализма. Послевоенная историография «консервативной революции» развивалась в русле моральных дебатов о вине за нацистское прошлое и пыталась определить отношение «революционно-консервативных» авторов к национал-социализму с точки зрения их конфликта и одновременно участия в нацистском захвате власти.

Современное значение понятие «консервативная революция» получило благодаря труду Армина Молера (1920 – 2003), будущего видного идеолога «новых правых» философа, историка и публициста. Написанная на основе докторской диссертации, защищенной в 1949 году в Базеле под руководством известных философов Карла Ясперса и Германа Шмаленбаха, с момента своего первого издания в 1950 году, книга Молера «Консервативная революция

в Германии, 1918 – 1932» вызвала широкий научный и общественный резонанс (Mohler, 1950). Начиная со 2-го издания 1972 г., благодаря усилиям автора, книга превратилась в обширный историко-био-библиографический справочник.

Книга Молера принадлежит к числу послевоенных работ германских консерваторов, в которых предпринимались попытки самооправдания своей позиции перед и в годы Третьего рейха. Молера называли «революционным консерватором» последнего призыва. Помимо оправдания позиции «революционных консерваторов» в годы Веймарской республики и Третьего рейха книга имела еще одну сверхзадачу: идейно очертить границы возникающего движения «новых правых» в ФРГ, признанным интеллектуальным лидером которых позднее станет Молер.

Молер давал следующие определение «консервативной революции»: «Консервативная революция» это процесс, имеющий европейский характер, который еще не завершен, но начало которого следует относить к Великой Французской революции. «Консервативная революция» это контрреволюция, направленная против идей Великой Французской революции и в целом XIX столетия» (Mohler, 1950. S. 19). «Консервативная революция», по мнению Молера, охватывала все сферы жизни, но сам он предпочитал более узкую ее трактовку, как определенной формы политической мысли.

Молер относил «консервативную революцию» к так называемому «немецкому движению», которое противопоставила немецкий идеализм французскому рационализму и английскому эмпиризму, а в политической мысли являлось немецким вариантом, начавшегося общеевропейского процесса «консервативной революции». Молер подчеркивал специфику немецкого варианта «консервативной революции». Молер ограничил рамки своего труда 1918 – 1932 гг. периодом Веймарской республики в Германии. Говоря о «консервативной революции» в различных ее аспектах, Молер заложил вариативность трактовок понятия «консервативной революции», которая выступала в его интерпретации и как долговременное историческое явление, и как конкретный исторический феномен новейшей германской истории. Несмотря на дискуссионный характер, данного Молером определения сущности немецкой «консервативной революции», сам термин прочно вошел в научный и общественно-политический лексикон. Иными словами: Молер попытался привести к некому общему знаменателю политические взгляды таких крупнейших представителей и идеологов «консервативной революции» как О. Шпенглера, А. Мёллер ван ден Брука, Э. Юнгера, К. Шмитта, Э.Ю. Юнга и др. А. Молер впервые выявил мировоззренческие и идейные предпосылки немецкого «консервативно революционного» движения, дал его идейно-политическую типологию.

Проблема изучения «консервативной революции» неожиданно нашла свое дальнейшее отражения в трудах немецких ученых-эмигрантов. Речь идет о работах Клеменса фон Клемперера и Фрица Штерна, ставших одно-

временно классикой англоязычной и немецкоязычной литературы по «консервативной революции» (Klemperer, 1962; Stern, 1963). Труд Клемперера стал второй значительной работой, после книги Молера, о «консервативной революции» в западной гуманитарной мысли, написанной после Второй мировой войны. Клемперер отказался от использования термина «консервативная революция», предпочитая говорить о германском неоконсерватизме в Веймарской республике. Клемперер, как и Молер, выводит духовные истоки «консервативной революции» из идейно-политических течений XIX столетия. По его мнению, кризис немецкого консерватизма, который в конечном счете привел его к духовной и политической капитуляции перед фашизмом, наметился еще в середине XIX века.

Клемперер выделял среди консервативного движения в Веймарской республике две группы. Так называемых «старых консерваторов», к которым он причислял М. Вебера, Ф. Мейнеке, Ф. Науманна. И вторая группа «молодые консерваторы» или и неоконсерваторы, к числу которых он относил В. Ратенау, Т. Манна, А. Мёллера ван ден Брука, О. Шпенглера, Э. Юнгера, братьев Отто и Грегора Штрассеров, представителей «Тат-Крайз». Германские неоконсерваторы в Веймарской республике были детьми Ноябрьской революции. Неоконсервативное движение возникло в Веймарской Германии на волне дальнейшей радикализации немецкого консерватизма, которая придала ему экстремистские формы. Вторым направлением радикального консерватизма в Веймарской республике стал, по мнению Клемперера, национал-социализм.

Книга Штерна посвящена характеристике идейного и духовного наследия трех видных представителей немецкого консерватизма – Пауля де Лагарда, Августа Юлиуса Лангбена и Артура Мёллера ван ден Брука, которых автор объединил в направление культурпессимизма и включил в общий контекст фёлькишеского движения в Германии. По мнению Штерна, несмотря на то что «консервативная революция» была общеевропейским феноменом, только в Германии ее идеи приобрели большую духовную и политическую силу. Это связано со спецификой мировоззренческой реакции на современность немецкого общества и немецкой общественной мысли. Штерн весьма критично настроен к феномену «консервативной революции». Оценивая ее роль в истории, он пишет: «Выражение консервативная революция, в том смысле, в каком оно употребляется в этой книге, означает идеологическую атаку на модерн, на целый комплекс идей и учреждений, в которых осуществляется наша либеральная, светская индустриальная цивилизация» (Stern, 1963. S. 7).

Говоря о германской и западной историографии «консервативной революции», необходимо отметить, что второй отправной точкой в ее формировании, наряду с трудом Молера, стала книга видного западногерманского политолога Курта Зонтхаймера «Антидемократическая мысль Веймарской республики. Политические идеи немецкого национализма между 1918 – 1933

годами» (Sontheimer, 1992)¹¹. По своей основательности, охвату проблематики, привлечению источников книга Зонтхаймера не уступала работе Молера, но в отличие от нее была написана с либерально-демократических позиций. В своем труде Зонтхаймер представил широкую палитру антидемократической мысли Веймарской Германии, рассмотрев ее предпосылки, главные направления и основополагающие идеи.

В отличие от Молера, Зонтхаймер выделяет в праворадикальном движении Веймарской республики ряд направлений, к числу которых относит «консервативную революцию». Идеологию «консервативной революции» и смежных с ней течений (национал-большевизм, революционный национализм – у Молера эти направления и есть «консервативная революция») он анализирует в совокупности основных идеологов немецких правых в Веймарской республике, к числу которых он относил процесс политизации иррациональности, антилиберальную государственную мысль, ожидание будущего «вождя» немецкого народа, миф о новом рейхе. В такой трактовке «консервативная революция» представляла как конфликт между «старым консерватизмом» и неоконсерватизмом, в основе которого лежало новое чувство жизни и истории в русле послевоенного немецкого национализма. Она была направлена против либерально-демократических ценностей Запада. «Эта революция – радикальная революция, она говорила решительное нет либерально-демократической эпохе» – констатировал Зонтхаймер ((Sontheimer, 1992. S. 120)). Согласно Зонтхаймеру, немецкая антидемократическая мысль 1920-х – начала 1930-х гг. стала важнейшим фактором разрушения Веймарской республики.

В конце 1960-х гг. новую трактовку «консервативной революции» предложила молодая исследовательница-политолог Хайде Герстенбергер. Ее небольшая, новаторская работа, созданная на основе докторской диссертации, была попыткой проанализировать феномен «консервативной революции» с леволиберальных и социал-реформистских позиций (Gerstenberger, 1969). Благодаря оригинальной авторской концепции, книга Герстенбергер прочно вошла в число классических текстов о «консервативной революции». Суть этой концепции выражает идея Герстенбергер об идеологии «консервативной революции» как выразительнице взглядов и настроений представителей «старого» среднего класса Германии, в первую очередь так называемой «образованной буржуазии» (Bildungsbürgertum), или как их называет Герстенбергер «академиков», особого социального феномена немецкой истории второй половины XIX – первой трети XX вв. В условиях социально-экономического и психологического кризиса в Веймарской республике, идеология «революционного консерватизма» выполняла функцию обоснования ценностей элиты. «Революционным консерваторам» казалось, что они продолжают оставаться элитой общества, в то время как принадлежность к

¹¹ Впервые книга была издана в 1962 г. Мы используем третье переиздание 1992 г.

элите стала определяться иными критериями. «Революционный консерватизм» принадлежал, согласно Герстенбергер, к традиции охранительных идеологий буржуазно-либерального характера. В проявлении феномена «революционного консерватизма» она усматривает выражение либерально-реакционной идеологии, приверженцы которой мечтали вернуться в эпоху домонополистического капитализма (Gerstenberger, 1969. S. 145 – 146).

По мнению Герстенбергер, наряду с «революционным консерватизмом», вторым проявлением романтического антикапитализма стала идеология фёлькише, тесно связанная с национал-социализмом. Герстенбергер считает, идеологию революционного консерватизма следует относить к предфашистским идеологическим феноменам, несмотря на то, что она идейно она шире, чем собственно фашизм. Обе идеологии идейно подпитывали друг друга.

Сходной с Герстенбергер позиции в отношении «консервативной революции» придерживался Герман Рудольф в своей монографии о первом популяризаторе термина «консервативная революция» известном немецком поэте Гуго Гофманнштале «Критика культуры и консервативная революция. Культурно-политическая мысль Гофманнштала и её проблемленно-исторический контекст». Рудольф определял консерватизм как идеологию некоторых групп, стоявших на почве современного буржуазного общества и, одновременно, направленного против него (Rudolph, 1971. S. 236). Под «консервативной революцией» Рудольф понимал определенные аспекты антилиберального и антидемократического движения в Веймарской республике. Рудольф, также как Зонтхаймер и Герстенбергер, сужает идейно-теоретические рамки «консервативной революции», которую, по его мнению, необходимо отделить от других подобных ей группировок: фёлькиш, национал-большевизм и т. д. Подлинными «консервативными революционерами» были только младоконсерваторы круга А. Мёллера ван ден Брука, а позднее деятели журнала «Ди Тат» («Дело»). В духовной и политической ситуации в Германии 1920 – начала 1930-х гг. «консервативная революция» означала не только реакцию националистических сил против Веймарской республики, но также выражала политико-активистский процесс эстетического и этического бунта против современного буржуазного общества.

В историографической ситуации 1970-х гг. значительный вклад в изучение феномена «консервативной революции» внесли французские исследователи. В частности, историк, профессор германистики Страсбургского университета Луи Дюпё. Его докторская диссертация о национал-большевизме в Веймарской Германии «Национал-большевизм» в Германии 1919 – 1933: коммунистическая стратегия и консервативная динамика» вызвала большой резонанс и получила признание в западной гуманитарной мысли как классический труд о «консервативной революции»¹². Дюпё определял «консерва-

¹² Впервые работа была опубликована в 1976 году на французском языке: Dupeux L. Stratégie communiste et dynamique conservatrice. Essai sur les différents sens de l'expression «National-bolchevisme» en Allemagne, sous

тивную революцию» как идеологию «новых правых» в Веймарской республике. Она явилась логическим продолжением идеалистической и националистической критики эпохи, распространенной среди немецких интеллектуалов в вильгельмовской Германии. Идеология «консервативной революции» перенесла традиционный немецкий политический романтизм на почву агрессивного антирационализма, который сознательно противопоставлял себя духовному наследию Просвещения.

Согласно Дюпё, важнейшей мировоззренческой и идейной чертой «консервативной революции» являлась вера в существовании в каждом народе, оберегаемого поколениями народного духа (Dureux, 1985. S. 20). Политическим идеалом для «консервативных революционеров» было «народное сообщество», понимаемое как сословный, но основанный на принципах солидарности организм. Поиски идеала национальной солидарности вывели «консервативных революционеров» на проблему социализма, который они понимали иначе, чем марксисты, а именно: как «национальный социализм», образцом для которого выступала для них прусская монархия. Своего главного врага идеологи «консервативной революции» усматривали в либерализме – разрушителе народного сообществ, а марксизм рассматривался как побочный продукт либерально-рационалистической идеологии.

В дальнейших работах Дюпё не изменил свою достаточно критичную точку зрения на сущность «консервативной революции»: «Двусмысленное понятие «консервативная революция» оправдано только в том случае, если встать на точку зрения Мёллера ван ден Брука и позже Молера. В конечном итоге, обозначаемая им позиция представляла собой широкомасштабный поход радикальной реакции против всего того, что составляет проклятый «Запад»: против рационализма, либерализма, марксизма, «Версальского мироздания», веймарской «системы» и т. д.» (Дюпё, 2004. С. 181). Он также стал рассматривать «консервативную революцию» в контексте теории модернизации (Dureux, 1994). Дюпё пришел к выводу о том, что «консервативная революция» была культурной реакцией немецкого консерватизма на процесс модернизации Германии. Она возникла в недрах германской общественной мысли в ходе Первой мировой войны, когда немецкие правые сумели выработать более реалистическое и динамическое видение мира. По мнению Дюпё, «консервативные революционеры» обратились к современности, чтобы приспособить ее к нуждам немецкого консерватизма. Именно в признании процесса буржуазной модернизации Германии, с одной стороны, и стремлении сохранить традиции – с другой, находится, по мысли Дюпё, основное противоречие идеологии «консервативной революции» ее промежуточное положение между традиционализмом и модернизмом.

В этом же ряду стоит другая французская работа, принадлежавшая перу выдающегося социолога Пьера Бурдьё «Политическая онтология Мартина

Хайдеггера»¹³. Бурдье применил к изучению политического подтекста хайдеггеровской метафизики свои известные концепции социального пространства и габитуса. Вопрос о принадлежности Хайдеггера к «консервативной революции» остается дискуссионным на протяжении нескольких десятилетий. Многие исследователи творчества Хайдеггера отмечают влияние на него взглядов Шпенглера и, особенно, Юнгера, «Рабочему» которого Хайдеггер посвятил отдельный цикл лекции. Бурдье недвусмысленно относит Хайдеггера к представителям «консервативной революции», характеризуя его «консервативным революционером в философии» (Бурдье; 2003. С. 105).

Бурдье, как социолог, не пытается реконструировать «консервативную революцию» в исторической ретроспективе, хотя мимо его внимания не прошли различные интеллектуальные влияния на ее идеологию, в частности Кьеркегора, Достоевского, Ницше. Бурдье прежде всего интересуется дух времени (*Zeitgeist*), в социальном пространстве которого возникли и развивались идеи «консервативной революции». Это был дух «веймарской культуры, которую неотступно преследуют неудовлетворенность культурой, очарование войной и смертью, бунт против технической цивилизации и властей» (Бурдье; 2003. С. 26). Именно в подобном контексте, поначалу в рамках академической науки, развивался «своеобразный идеологический настрой» (Бурдье, 2003. С. 26), постепенно охвативший различные слои населения. Второй составной частью этого идеологического настроения стала совокупность вопросов, «посредством которых само время заставляет задуматься над собой. Вопросы смутных, как состояние души, но сильных и неотступных, как фантазмы: о технике, рабочих, элите, народе, истории, родине» (Бурдье; 2003. С. 29).

Эти смутные вопросы и туманные ожидания «консервативных революционеров» порождение их неустойчивого социального пространства. Бурдье дает блестящее описание этого пространства: «Буржуа, не допущенные аристократами к престижным должностям в государственном управлении, или мелкие буржуа, испытывающие фрустрацию вследствие неосуществленности надежд, которые были порождены их достижениями в учебе, «консервативные революционеры» обнаруживают в «духовном возрождении» и «немецкой революции» как «революции души» мифическое разрешение своих противоречивых ожиданий...» (Бурдье; 2003. С. 58 – 59). И далее: «Регрессивная надежда на мирную реинтеграцию в органическую тотальность самодостаточного аграрного (или феодального) общества всего лишь оборотная сторона агрессивного страха в отношении всего того, что в настоящем указывает на угрожающее будущее: капитализм, как и марксизм, капиталистический материализм буржуа, как и безбожный рационализм социалистов. Однако «консервативные революционеры» придают черты интеллектуальной респектабельности своему движению, облакая регрессивные идеи в язык, порой за-

¹³ На французском языке книга впервые вышла в 1975 г., в 1976 была переведена на немецкий, мы используем русский перевод: (Бурдье; 2003).

имствованный у марксизма и прогрессистов, а также проповедуя шовинизм и реакцию на языке гуманистов» (Бурдые; 2003. С. 59).

В 1980-е гг. появились два труда противоположные по замыслу и выводам, но важные для эволюции изучения и понимания «консервативной революции». Первый труд, уже вышеупомянутая книга американского историка и политолога Джеффри Хэрфа «Реакционный модернизм: технология, культура и политика в Веймаре и Третьем Рейхе» (Herf, 2003). Как мы уже говорили, монография стала поистине переломной в исследовании правого радикализма. Введенное Хэрфом в оборот понятие «реакционного модерна» много объясняло в идеологии и политической практике праворадикальных групп и движений. Автор неспроста апробировал свою теорию на образце Германии («консервативная революция» и национал-социализм), которая стала эталоном идейного и политического правого радикализма в первой половине XX столетия, и не только. Влияние идей той же немецкой «консервативной революции» в западной гуманитарной и общественно-политической мысли ощущается до настоящего времени.

Реакционный модернизм был идеологической и тактической переориентацией немецкого консерватизма, который при помощи революции справа хотел восстановить примат политики и государства над экономикой и рынком. Как утверждает Хэрф, реакционные модернисты способствовали сосуществованию иррационализма с формальной рациональностью, что проявлялось в идеологии, политике, отношении к технике (Herf, 2003. Р. 3). Характеризуя сущность «консервативной революции», Хэрф пишет: «Подобно идеалистам-фёлькиш девятнадцатого века, консервативные революционеры искали культурно-политическую революцию, которая была бы способна оживить нацию. Они были реакционерами в том, что они выступали против принципов 1789 г., но в национализме они нашли третью силу за пределами капитализма и марксизма» (Herf, 2003. Р. 11 – 12). По мнению Хэрфа, главную роль в формировании реакционного модерна в Германии сыграл политический романтизм, который был присущ всем политическим силам в Веймарской республики. Характерной его чертой стало презрение к политике как к сфере общественной деятельности и в связи с таким подходом понимание политики как некой абсолютной этики, а не борьбы групп интересов и, соответственно, общественной ответственности. «Политические романтики шли в политику, чтобы спасти свои души, найти новую идентичность, или установить подлинность своих обязательств, или восстановить потерянную национальную общность, вместо того, чтобы участвовать в трудном процессе балансировки политических средств и целей» (Herf, 2003. Р. 14).

Социальной основой «консервативной революции» был средний класс, в широком смысле его понимания. «Консервативные революционеры» утверждали, что националистическая идеология больше соответствует современности и менее ограничена традиционным прусским консерватизмом. Правые националистические представители заявляли, что только националь-

ное государство будет способно преодолеть узкие классовые интересы, а немецкий средний класс с энтузиазмом воспринял обещание защиты первенства политики от эгоистических интересов групп и партий, которая была бы мотивирована национальным «идеализмом», а не либеральным, марксистским, еврейским, французским или английским материализмом и космополитизмом. На первое место в новой национальной общности ставились культурные традиции в обрамлении модернистских идей и целей. «Консервативная революция должна была продемонстрировать, по мнению реакционных модернистов, что национальный культурный протест может служить для оправдания, а не осуждения современности» – констатирует Хэрф (Herf, 2003. Р. 29). Таким образом, «консервативная революция», по Хэрфу, сложный синтез традиционализма и модернизма в националистической упаковке.

Вторым важным трудом стала книга греческого философа Панаётиса Кондилиса «Консерватизм. Историческое содержание и закат», опубликованная в изначальной редакции на немецком языке (Kondyles, 1986). Кондилис в этой известной работе по истории европейского консерватизма развил историко-социологический подход к его изучению. Он определял консерватизм как «конкретное социологическое и историческое явление, связанное с определенным временем и местом» (Kondyles, 1986. S. 11). Главная идея Кондилиса заключается в мысли о том, консерватизм как феномен ушел в историю вместе с уходом с идеологической и политической сцены аристократии. «Консерватизм как конкретно-историческое явление с сопутствующей ему идеологией давно мертв и похоронен» (Kondyles, 1986. S. 507). Идеино-политические феномены, которые считают консерватизмом, применительно к правым течениям конца XIX – XX вв. имеют с ним мало общего, а являются выражением ортодоксального либерализма или буржуазной реакцией.

В подобной исследовательской перспективе немецкая «консервативная революция» предстает ни чем иным как реакцией буржуазии на послевоенный кризис. Кондилис связывал процесс радикализации большей части германской буржуазии в Веймарской республике не с каким-либо поиском особого «немецкого исторического пути» или проявлением особого «прусского духа», а с особенностями внутри- и внешнеполитического положения Германии после 1918 года. Без военного поражения Германии от либерально-парламентских держав Запада, без подписания Версальского мирного договора не было бы необходимости в разработке идеологии «консервативной революции» (Kondyles, 1986. S. 470). Основополагающее влияние национальных мифов и легенд, переработанных идеологией фёлькише, культур-пессимизма Ницше, социал-дарвинизма и национальной проблемы стало характерной чертой идеологии «консервативной революции». Основной идейный посыл «консервативной революции», по мнению Кондилиса, заключался в создании авторитарного государства. «Сильное авторитарное государство, какую бы форму оно ни приняло, должно было полностью или частично устранить парламентаризм и вместе с ним политический либерализм, чтобы со-

хранить либерализм экономический» – пишет он (Kondyles, 1986. S. 470). Кондилис отмечает фрагментарность идеологии «консервативной революции», которая, по его мнению, не была целостной. Ее характерной чертой являлось то, что важнейшие вопросы трактовались не столько на теоретическом уровне, а сколько в публицистической и литературной манере.

Кондилис обозначает следующие признаки различия «консервативной революции» и классического консерватизма: 1) ориентация «консервативных революционеров» на узко национальную проблематику, что противоречит поискам классического консерватизма основ универсального и божественно санкционированного порядка; 2) фёлькишеская ориентация национальной мысли «консервативных революционеров» была продуктом распада классического консерватизма, который иначе понимал и представлял национально организованное и иерархически унифицированное общество; 3) ориентация «консервативной революции» на современность и будущее, тогда как классический консерватизм был целиком обращен в прошлое, в «золотой век» аристократии (Kondyles, 1986. S. 477).

Кондилис также ставит проблему сущности «консервативной революции», насколько она была революционной и насколько консервативной. Революционной она была, с его точки зрения в том смысле, что хотела разрыва с буржуазно-либеральной и социалистической современностью. Консервативной она может считаться: во-первых, в связи с критикой политического и социального либерализма, но не либерализма экономического. Во-вторых, в связи с антикоммунистической направленностью. Националистические и авторитарно ориентированные концепции государства в идеологии «консервативной революции» базировались на идеях экономического неолиберализма. В этом Кондилис усматривает идеологическую асимметрию «консервативной революции», которая вобрала идеи фёлькишеско-корпоративного и, одновременно, экономико-либерального представления о государстве. Таким образом, выводы Кондилиса о «консервативной революции» перекликаются с выводами Х. Герстенберг. Характерно, что оба автора придерживались левых политических позиций.

Из немецких исследований 1980-х гг. по «консервативной революции» следует отметить книгу известного политолога Курта Ленка по истории немецкого консерватизма (Lenk, 1989). Третья часть книги, где Ленк рассматривает консерватизм в Веймарской республике, целиком посвящена «консервативной революции». Тем самым он изначально признал её репрезентативность как основного направления консерватизма в Веймарской Германии. «Консервативная революция хотела соединить национализм и «немецкий социализм» в новом синтезе» – характеризует Ленк главную идею «революционного консерватизма» (Lenk, 1989. S. 109). По мнению Ленка, дискуссионность восприятия и трактовки «консервативной революции» вытекают из двух основополагающих принципов. Во-первых, в ее отличие в мировоззренческом и политическом смысле с классическим консерватизмом XIX столе-

тия. Во-вторых, понятие «консервативная революция», по мнению Ленка, слишком обширно и включает в себя различные группы консерваторов, которые по своим взглядам были далеки друг от друга. Свой витализм и мифологический стиль мышления «консервативные революционеры» перенесли в политическую плоскость, превращая ежедневную политическую борьбу в эпохальное противостояние жизни и интеллекта, судьбы и прогресса, культуры и цивилизации, порядка и анархии. Ленк приходит к выводу о том, что радикализация консерватизма в Веймарской республике была связана с возрастающим напряжением между духовными поисками консерваторов и новыми явлениями жизни. «Консервативная революция отражала всеобщие тенденции, которые следует считать типическими для эпохи между двумя мировыми войнами» – пишет он по этому поводу (Lenk, 1989. S. 111).

К завершению 1980-х гг. в западной гуманитарной мысли за четыре десятилетия исследований установился определенный теоретико-методологический консенсус относительно оценки роли и места «консервативной революции» в интеллектуальной истории Веймарской республики и германского консерватизма в целом. Однако следующее десятилетие показало, что данная проблематика отнюдь не исчерпала своих исследовательских возможностей. Ведущая роль в исследовании «консервативной революции» вновь перешла к германской гуманитарной мысли, в которой обозначились новые тенденции. В 1990-е гг. в германской гуманитарной мысли в изучении «консервативной революции» обозначились новый этап. Возникновение интереса к феномену «консервативной революции» связано с двумя факторами. Во-первых, общественно-политическими дискуссиями в объединенной Германии, вызванными с деятельностью «новых правых», которые активно начинают апеллировать к идейному наследию «консервативной революции». Во-вторых, на фоне этой дискуссии появился ряд работ, в которых немецкие исследователи предприняли попытку очередного концептуального осмысления «консервативной революции».

«Возмутителем спокойствия» стал гамбургский социолог Штефан Бройер. В 1990 г. он опубликовал статью «Консервативная революция» – критика одного мифа» (Breuer, 1990), в которой предложил новую трактовку обозначенного феномена. Во-первых, Бройер констатировал, что понятие «консервативная революция» заняло прочное место в истории политических идей. Во-вторых, вступая в полемику с концепцией Молера, Бройер утверждает, что феномен «консервативной революции» и само понятие есть исторический и научный миф, который мало имеет общего с действительностью. Рассмотрев отношение ключевых представителей «консервативной революции» к государству, нации, народу, идеологии либерализма и социализма, проблемам внешней политики, Бройер пришел к выводу, что «консервативной революции» как самостоятельного направления в политической мысли XX столетия не существовало. Слишком разные идейные установки и пристрастия обнаруживаются в рядах ее апологетов. Единственным пунктом, ко-

торый, по мнению Бройера, хоть как-то сближал «консервативных революционеров» было их отрицательное отношение к политическому либерализму (экономический либерализм, направленный на укрепление института частной собственности, большинство «консервативных революционеров» поддерживало). Но этого явно недостаточно, чтобы, как считает Бройер, придать «консервативной революции» собственный идеологический профиль. Поэтому следует, по его мнению, отказаться от самого понятия «консервативная революция», а тот идейный феномен, который стоит за ним является на самом деле стилизацией идей либерализма, социализма и собственно консерватизма.

В развернутом виде концепция «консервативной революции» Бройера была представлена в его известной работе 1993 г. «Анатомия консервативной революции» (Breuer, 1993). Рассмотрев происхождение и эволюцию понятия «консервативная революция», Бройер приходит к выводу о несоответствии его первоначального смысла с его последующим трактовкам. Поэтому свою главную задачу Бройер видит в том, чтобы произвести деконструкцию понятия «консервативная революция», чтобы затем сделать, по его словам, анатомический анализ основных аспектов её содержания. В качестве методологической базы своей концепции Бройер использует теорию модернизации. Он выделяет два этапа европейской модернизации простой и рефлексивный. Первый сформировал классическое буржуазное рыночное общество. Вторым явился итогом кризиса буржуазного сознания конца XIX - начала XX вв. и был предпосылкой перехода к индустриальному массовому обществу. В силу специфики исторических условий процесс модернизации в Германии протекал крайне болезненно. Однако, как полагает Бройер, несмотря на трудности и противоречия модернизации, немцы уже к концу XIX в. были в целом буржуазной нацией, а принципы буржуазного политического сознания глубоко укоренились среди правящей элиты, в том числе и в её консервативных кругах ((Breuer, 1993. S. 25).

Возникновение идеологии «консервативной революции» стало возможно, согласно Бройеру, в результате острого кризиса буржуазного сознания и процесса модернизации в Германии в ходе Первой мировой войны. Не меньшее значение для появления «консервативной революции» имело психологическое и ментальное единство ее деятелей, принадлежащих в своем большинстве к одному поколению образованных юношей из буржуазных семей. Крах прежнего мира, отступление немецкой культуры перед натиском западной цивилизации, острое переживание неустойчивости модерна – с одной стороны, активизм, авантюризм, воля к жизни и власти – с другой, были той гремучей смесью, из состава которой формировалась идеология «консервативной революции». В чем же, по мнению Бройера, заключалась сущность «консервативной революции» и можно ли данное явление обозначить подобным термином? Главный тезис Бройера звучит следующим образом – «консервативная революция» не была консервативна в том смысле, в каком ее понимают. Несмотря на апелляцию к традиционным формам политического

сознания и использования символов немецкого консерватизма, она явственно несла черты модерна (Breuer, 1993. S. 180). Более того, Бройер считает, что само понятие «консервативной революции» не совсем удачно. Оно скорее запутывает рассматриваемый феномен, нежели проясняет его. Нельзя выделить общее мировоззренческое ядро у её представителей, что исключает целостность и самого феномена.

Ошибочность прежних исследовательских подходов Бройер видит в том, что все дискуссии о «консервативной революции» связывали ее исключительно с идеологией особого немецкого пути. В то время как она была проявлением «нового» национализма (к которому Бройер относит также и национал-социализм). Национализма, рожденного в недрах массового общества, стремившегося разрушить узкоклассовые интересы «старого» консерватизма и рассматривающего нацию как единое целое, а «консервативная революция» была одним из проявлений кризиса буржуазного сознания в Веймарской Германии в форме «нового» национализма. Книга Бройера вызвала дискуссию в современной германской гуманитарной мысли по проблемам и сущности «консервативной революции» и придала новый импульс ее дальнейшему исследованию. Сформировалась своеобразная контрверза Молер – Бройер, как выражение двух полярных подходов в историографии «консервативной революции».

От рассмотрения частных проблем «консервативной революции» Бройер перешел к изучению общих вопросов идеологии и сущности германского консерватизма последней трети XIX – первой половины XX вв. Логическое завершение концепция германского консерватизма Бройера получила в монографии «Основные позиции немецких правых 1871 – 1945 гг.» (Breuer, 1999). Как и в «Анатомии консервативной революции» в «Основных позициях немецких правых...» за основу своих теоретико-методологических построений Бройер берет теорию модернизации. По его мысли, любой общественный процесс, в том числе и процесс модернизации, имеет свою противоположность, которая сохраняет характерные черты феномена. Антимодернизм стал продуктом модерна и в этом смысле являлся его частью. Он выражал желание определенных слоев общества возврата к традиционной целостности и формирование положительной программы, направленной против прогрессирующего модернизма. Характерными чертами такой программы были: идея восстановления стабильной системы в социальной области, система автаркии в экономике, которая должна заменить капиталистический рынок, идея опоры на авторитет и харизму в области развития политической системы.

Как полагает Бройер, именно в широком интеллектуальном и политическом поле «прогрессивного модернизма» и «реакционного модернизма» располагаются главные идеологические направления немецких правых. В конечном итоге он выделяет несколько идеальных типов правой мысли Германии с 1871 по 1945 годы: «старый» национализм, «новый» национализм;

планетарный империализм, неоаристократизм, религиозный и эстетический фундаментализм. «Старый» национализм защищал традиционные национальные идеалы и в идейно-политическом отношении проигрывал «новому» национализму, стремившемуся синтезировать сословные и классовые интересы в едином понятии «нация». Планетарный империализм желал растворить нацию в мировой империи. Неоаристократизм выступал за восстановление обновленного сословно-аристократического принципа устройства общества. Религиозный и эстетический фундаментализм каждый в своей области пытались сохранить традиционные ценности и идеалы. В такой классификации правой мысли Германии идеи «консервативной революции» оказываются разбросанными между направлениями, обозначенными Бройером. Он вообще предлагает отказаться от употребления термина «консерватизм», так как считает, что идеология консерватизма распалась в течение XIX столетия вместе с ее социальными носителями - староевропейской аристократией.

Проблема выявления модернистских черт «консервативной революции» стала основным лейтмотивом исследования Рольфа Петера Зиферле (Sieferle, 1995). Внимание автора сосредоточено на проблеме отношения «консервативных революционеров» к технике и техническому прогрессу, что, по мнению Зиферле, является важнейшим признаком ее восприятия модерна. «В центре нашего исследования находится отношение «консервативной революции» к модерну, в особенности к технической цивилизации» – констатирует он (Sieferle, 1995. S. 25). За проявлением внешних форм «модернистского» сознания «консервативных революционеров» Зиферле пытается выявить их общее восприятие современности и дать характеристику мировоззренческих и идеологических установок радикального консерватизма в Веймарской республике.

Зиферле различает в европейской истории проект модерна и реальность модерна. Он считает, что проблему модернизации следует рассматривать двояким образом: либо как процесс претворения в жизнь проекта модерна, либо как процесс становления культурной объективности, а «консервативную революцию» и национал-социализм следует понимать как реакцию на проблемные поля современности. Анализируя идеологию праворадикальных движений 1920 – 1930-х гг., Зиферле приходит к выводу о правомерности использования термина «консервативная революция», так как за его содержанием скрывается специфическая форма консерватизма. Зиферле, основываясь на теории идеальных типов М. Вебера, выстраивает следующую идеальнотипическую шкалу политического ландшафта в Веймарской республике: гуманистический либерализм, марксистский социализм, «консервативная революция» (Sieferle, 1995. S. 21 - 22).

Истоки «консервативной революции» Зиферле усматривает в реакции части крайне правых на кризис либерализма и социализма конца XIX – начала XX вв. Возникновение правого радикализма стало, по мнению Зиферле, специфическим ответом на кризис либерализма и социализма. Становление

«массового» общества требовало нового опыта преодоления политических конфликтов. Были разрушены привычные представления о социальной действительности, и стало ясно, что социальное действие может исходить не только со стороны разумного индивидуума. Социальные процессы в массовом обществе приобретают собственную логику развития. Категория «индивидуум» заменяется категориями «класс», «нация», «раса». По мнению части правых, порождение капитализма – либеральный индивидуализм, необходимо преодолеть надындивидуальным коллективным субъектом, будь то класс или нация. «Консервативная революция» бала специфическим ответом справа на проблему влияния технической цивилизации на традиционные ценности. Этот ответ основывался не на радикальной критике техники, а на попытке её революционного преодоления. Основной вывод Зиферле следующий: «консервативная революция» и национал-социализм были направлениями не альтернативными модерну, а проектами альтернативного модерна (Sieferle, 1995. S. 221).

Итогом дискуссии в германской гуманитарной мысли 1990-х гг. о сущности «консервативной революции» стала наиболее парадоксальная ее трактовка, принадлежащая гейдельбергскому историку и политологу Раймонду фон Буше, который в своем отрицании существования феномена «консервативной революции» пошел еще дальше Бройера (Bussche, 1998). Для этого он попытался пересмотреть сущность немецкого консерватизма в целом. Буше отрицает наличие в германском консерватизме в Веймарской республике существование различных идейных течений и групп (особняком в этом ряду стоит национал-социализм). Буше также указывает на наличие континуитета между консерваторами кайзеровского рейха и Веймарской республики на основе общих мировоззренческих ценностей. Сущность германского консерватизма после 1918 г. не изменилась, иной стала его политическая тактика. Эту новую форму выражения идеологии и политики германского консерватизма Буше называет феноменом политизации аполитичных (Bussche, 1998. S. 18).

По мнению Буше, основу мировоззренческой и идеологической позиции германских консерваторов составляла их вера в возможность существования аполитичного общественного порядка, в котором политика была бы изгнана из бытия или, по крайней мере, отдана в руки государства и его руководящей элиты. Такой подход германских консерваторов к пониманию политического свидетельствует, по утверждению автора, об изначальной иррациональности их мировоззренческих, идеологических и политических установок. По мнению Буше, в германском консерватизме после 1918 г. происходит процесс политизации иррациональности, которая была вызвана объективными условиями исторического развития Германии.

Общая схема эволюции германского консерватизма в Веймарской республике, начертанная Буше, такова. Политизация немецкого общества в ходе Первой мировой войны и Ноябрьской революции способствовала вторжению в общественно-политическую жизнь широких народных масс. Традиционные

идеологические и политические устои, на которых держался консерватизм в кайзеровском рейхе, потерпели крушение. Поэтому консерваторы в Веймарской республике были вынуждены выработать новые методы идеологической и политической борьбы с целью восстановления мифа об аполитичном обществе и утраченной аполитичной гармонии кайзеровского рейха. Буше выделяет три стадии развития консервативного сознания в Веймарской Германии: политику национального протеста, создание метаполитических теорий (спекуляций, по терминологии автора) и формирование на их основе новых консервативных архетипических символов. Эти задачи являлись общими для всех консерваторов Веймарской республики. Поэтому противопоставление «старых» и «новых» консерваторов, вильгельмовской реакции и «консервативной революции» не имеет смысла. Под политикой национального протеста Буше подразумевает вынужденное встраивание германских консерваторов после 1918 г. в реалии государства партий, которым была Веймарская республика.

Центральным сюжетом книги Буше является анализ метаполитических теорий германских консерваторов в Веймарской республике. Обращение германской консервативной мысли к разработке метаполитических теорий было вызвано необходимостью политического обоснования аполитичной позиции для того, чтобы иметь весомые аргументы в идеологических спорах с противниками. Метаполитическая точка зрения расширяла возможности обобщения политического опыта. Одновременно переход консервативной мысли к конструированию метаполитических теорий был явным признаком трансформации аполитичной позиции в новое консервативное понимание политики (Bussche, 1998. S. 107). Германские консерваторы искали в метаполитических теориях «архимедову точку аполитичной политики» (Bussche, 1998. S. 106), которая могла бы выразить политическую философию «неполитичных наблюдателей» (Bussche, 1998. S. 108). Наличие в германском консерватизме после 1918 г. различных метаполитических конструкций Буше определяет как плюрализм фундаменталистов.

Рассматривая политическую мысль «веймарского консерватизма», Буше выходит за рамки декларируемой концепции, так как к числу крупнейших метаполитических теоретиков он как раз причисляет ведущих представителей «консервативной революции»: О. Шпенглера, А. Мёллера ван ден Брука, К. Шмитта, Э.Ю. Юнга, В. Штапеля. Особое место занимает Э. Юнгер, который в своих трудах, как полагает Буше, вышел за пределы традиционного консервативного сознания. Таким образом, как ни старается Буше отрицать существование «консервативной революции» этого ему не удаётся сделать.

Другим составным элементом идеологии и политики германского консерватизма в Веймарской республике Буше называет архетипическую стилизацию, которая в процессе политизации аполитичного консервативного сознания выполняла функцию гипостазирования образа аполитичного прошлого и являлась конкретным выражением метаполитических мотивов. В этом от-

ношении главными мировоззренческими и политическими архетипами выступали для германских консерваторов дворянство и крестьянство как истинные носители идеи и образа аполитичного общественного порядка и представители преддемократической политической культуры.

В итоге Буше предлагает отказаться от термина «консервативная революция» как исторически не совсем точного. Хотя этот термин придает, по мнению Буше, некоторую содержательность хаотичности германского консерватизма после 1918 г., он ни в коем случае не должен выступать как всеобщая категория, характеризующая его в целом. Само словосочетание «консервативная революция» относится более к парадоксальным лексическим изобретениям, чем к научно обоснованному понятию. Термин «консервативная революция» Буше заменяет определением «консервативный утопизм», как более соответствующему историческому содержанию немецкой консервативной мысли периода Веймарской республики (Bussche, 1998. S. 382 – 383).

Несомненно, книгу Буше можно причислить к числу значительных работ, посвященных исследованию столь сложного и неоднозначного идеологического и политического феномена как германский консерватизм в Веймарской республике (метод Буше к сожалению не получил дальнейшего развития как в германской, так и западной гуманитарной мысли). Автору удалось, на наш взгляд, выделить ряд идеально-типических черт немецкого консерватизма 1918 – 1933 гг. Плодотворным представляется подход Буше рассматривать идеологию германских консерваторов с точки зрения анализа их метаполитических теорий как, собственно, удачен, на наш взгляд, и сам термин. Тем не менее, как нам представляется, избранный автором подход, превращает германский консерватизм в некий статичный и застывший в своем развитии феномен. Буше также не принимает во внимание тот факт, что политические цели, мировоззренческие основы социально-политических взглядов О. Шпенглера, К. Шмитта, А. М. ван ден Брука и др., несмотря на их определенную общность, отличались друг от друга. Говорить о единстве германского консерватизма в первой немецкой республике весьма проблематично. Слишком велик был идейный и политический разброс в рядах «веймарских консерваторов». Безуспешное отрицание Буше идейного наследия «консервативной революции» тому пример. Малоубедителен также вывод автора о политизации якобы аполитичных германских консерваторов в Веймарской республике. Как известно, идеологи германского консерватизма со времени его возникновения, несмотря на свои увлечения метафизическим проблемами, никогда не забывали о брэнности политического бытия. Да и рассматривать идеологию германского консерватизма, исходя только из ее утопических и иррационалистических черт, игнорируя идеологические и политические установки, достаточно проблематично.

Говоря о влиянии концепции модернизации на проблему изучения «консервативной революции», нельзя не отметить вышеупомянутую работу

известного английского германиста Томаса Рокрэмера «Другой модерн?/ Критика цивилизации, природа и техника в Германии 1880–1933» (Rohkrämer, 1999). Рокрэмер рассматривает мировоззренческие, идеологические и политические антимодернистские тенденции в Германии конца XIX – первой трети XX вв. в контексте реакции на кризис процесса модернизации. Он выстраивает свое исследование вокруг правых концепций критики цивилизации и модерна, которые признавали факт индустриализации и технизации современного мира и в рамках этого признания пытались разрабатывать свои альтернативные проекты понимания современности. По мнению Рокрэмера реконструкция антицивилизационных идей германских правых неизбежно ведет к дискуссии о сущности модерна (Rohkrämer, 1999. S. 26).

Рокрэмер отмечает неоднозначность смыслового содержания термина «консервативная революция», но который, на его взгляд, тем не менее, придает некую целостность противоречивому характеру феномена скрывающегося за ним. Рокрэмер полагает, что «консервативная революция» не была консервативной в общепринятом смысле этого слова, но ее следует считать консервативной вследствие тех, идеалов которые она проповедовала: стабильного, основанного на неизменных ценностях и традициях общественного устройства. В этой связи Рокрэмер считает оправданным для более точного определения феномена «консервативной революции» использовать понятие «реакционный модерн», под которым он подразумевал представителей экстремистского крыла немецких правых в Веймарской республике «консервативных революционеров» и национал-социалистов. «Реакционные модернисты» проповедовали идею другого модерна, противоположного буржуазно-либеральному пониманию прогресса. Они были реакционны в выражении своей антидемократической политической ориентации, но современны в желании использовать достижения цивилизации в своих целях (Rohkrämer, 1999. S. 271).

Дискуссия 1990-х гг. сформировала новые возможности в определении феномена «консервативной революции», что отразилось в последних исследованиях этой проблематики. Молодой немецкий исследователь Даниэль Морат в монографии о братьях Эрнсте и Фридрихе Георге Юнгерах и Мартине Хайдеггере попытался синтезировать новые и старые представления о сущности «консервативной революции» (Morat, 2007). Морат согласен с критикой Ш. Бройером концепции «консервативной революции» А. Молера. Морат рассматривает «консервативную революцию» как одно из проявлений «новых правых» в немецкой интеллектуальной и общественно-политической мысли, которая началась на рубеже XIX – XX вв. и охватила весь идейно-политический спектр немецких «новых правых» от фёлькише до современных форм правого радикализма (Morat, 2007. S. 36).

Морат также считает, что понятие «консервативная революция» не совсем подходит для характеристики отдельных групп «новых правых», но оно вполне пригодно для выделения в целом специфики «новых правых» как

особой политической группы. По мнению Мората, консерватизма сформировался как реакция на Просвещение и Великую Французскую революцию и был контрдвижением против модерна. Но консерватизм с момента своего зарождения также стоял на почве модерна и боролся с ним его же методами. «В этом смысле консервативная революция стремилась к альтернативному модерну» – утверждает Морат (Morat, 2007. S. 39). Ее возникновение (как и национал-социализма) он связывает с процессом дальнейшей идейной и политической радикализации немецких «новых правых» в годы Первой мировой войны. Наиболее характерной чертой «консервативной революции» было не ее отношение к модерну, а появление в ее идеологии противоречий в связи с переходом в новую революционную стадию. Это привело к проявлению политического экстремизма в деятельности «консервативных революционеров», которых Морат называет «нигилистами действия» (Morat, 2007. S. 40).

Говоря об отечественной историографии «консервативной революции» нельзя не привести слова Ю. Н. Солонина, который, характеризуя незначительный интерес советских авторов к истории «консервативной революции», писал: «Неясно, в какой мере эта тема была табуирована, а в какой она представлялась не имеющей важного значения для понимания европейской политической истории XX века» (Солонин, 2000. С. 40). Во всяком случае, эти слова можно с полным правом отнести к советскому периоду отечественной историографии «консервативной революции». В отличие от своих западных коллег отечественные гуманитарии сравнительно поздно обратились к изучению «консервативной революции». В силу идеологических обстоятельств советская гуманитарная мысль считала немецкий консерватизм первой половины XX в. сугубо реакционным идейным и политическим феноменом, продуктом разложения империализма, подготовившим духовную почву для прихода нацистов к власти. И уж тем более советские гуманитарии не вели речь о каком-то идейно-политическом размежевании в немецком консерватизме того периода.

Однако существование исторического феномена под названием «консервативная революция» требовало от советских гуманитариев дать ему соответствующую оценку. В первую очередь, советские авторы подвергли критике сам термин «консервативная революция» как логически и содержательно бессмысленный. В советской литературе утвердилась точка зрения о том, что авторы термина намеренно использовали слово революция для того, чтобы исказить его подлинное значение. Несмотря на критику термина «консервативная революция», он вошел в научный лексикон советской гуманитарной мысли. Это объясняется, на наш взгляд, его употреблением в западной гуманитаристике, с которой, как известно, советская наука вела постоянную идейную и научную полемику.

В отечественной гуманитарной мысли (в данном случае необходимо говорить как о ее советском, так и современном периодах) основоположником изучения «консервативной революции» является известный специалист

по западному консерватизму доктор исторических наук, профессор П. Ю. Рахшмир. В статье 1972 г. он рассмотрел трактовку в западной историографии животрепещущую проблему взаимоотношения «консервативной революции» и национал-социализма (Рахшмир, 1975). Рахшмир отмечает, что различные интерпретации вопроса о роли «революционных консерваторов» в генезисе нацизма стали элементом идейно-политической борьбы в современной ФРГ» (Рахшмир, 1975. С. 409). Автор также выделяет в западной историографии проблемы два направления: консервативное и буржуазно-либеральное. Для первого характерно отрицание какой-либо связи между «консервативной революцией» и нацизмом (пример А. Молер). Буржуазно-либеральное направление не так прямолинейно отрицает эту связь, но в тоже время пытается ограничить ее в основном сферой идеологии, замалчивая социально-политические и экономические аспекты.

А. С. Бланк связывал «консервативную революцию» с именем А. Мёллера ван ден Брука. По мнению Бланка, «концепция «консервативной революции», выдвинутая ван ден Бруком, представляла собой реакционное, антидемократическое и антиреспубликанское идейное течение, тесно связанное с «философией жизни» (Бланк, 1978. С. 110). Революция понималась этим кругом идеологов не как классовый процесс, а как некое виталистское действие на пути круговорота истории. Такое толкование истории позволяет, как полагал Бланк, произвольно трактовать исторический процесс, переворачивая его с ног на голову, например, контрреволюцию изображать как революцию. Именно исходя из такого подхода, как пишет Бланк, «гитлеровцы впоследствии объявили «революцией» установление своей террористической, антинародной диктатуры» (Бланк, 1978. С. 110).

Наиболее репрезентативное (насколько это было возможно в условиях советского марксизма) и критическое освящение в советской гуманитарной мысли идеология «консервативной революции» получила в труде А. А. Галкина и П. Ю. Рахшмира «Консерватизм в прошлом и настоящем» (Галкин; Рахшмир, 1987). Авторы констатируют: «После первой мировой войны консерватизм в Германии вступил в полосу глубокого затяжного кризиса» (Галкин; Рахшмир, 1987. С. 74). Крах монархии и кризис консервативной системы ценностей привели немецких консерваторов к поиску новых духовных и политических ориентиров. По мнению авторов, таким ориентиром стала идея «прусского социализма», которую проповедовали младоконсерваторы и близкие к ним сторонники идеи «консервативной революции». Галкин и Рахшмир разделяют консерватизм в Веймарской республике на два направления: традиционалисты или вильгельминисты и «обновители», под которыми авторы как раз и понимали «консервативных революционеров». Взгляды «обновителей» характеризовались рядом особенностей. Так, в отличие от традиционалистов «обновители» не превозносили порядки в кайзеровской империи. Они считали, что политическая система, существовавшая в стране до первой мировой войны, была излишне демократична, она оказалась не в

состоянии «преодолеть» классовое расслоение общества, а «обновители» отвергали узкословную идеологию консерваторов в кайзеровском рейхе. Внешняя политика кайзеровских правительств критиковалась за недостаточную последовательность в осуществлении имперских притязаний. Это привело к Германии к военной катастрофе. Пытаясь сделать выводы из краха кайзеровского государства, «обновители» консерватизма искали средства политически мобилизовать эти массы в интересах осуществления своих целей.

Таким образом, истоки «консервативной революции» советские исследователи усматривали в реакционных и националистических традициях немецкого консерватизма кайзеровской империи. В числе основных черт «консервативной революции» советские авторы выделяли следующие: 1) политическую реакционность; 2) антидемократическую направленность; 3) национализм; 4) антикоммунизм и псевдосоциалистическую фразеологию; 5) политический экстремизм. В советской научной литературе однозначно было принято причислять «консервативную революцию» к идеологическим течениям национал-социализма.

Содержательные изменения в изучении «консервативной революции» в отечественной гуманитарной мысли начались в 1990-х гг. Они были вызваны, на наш взгляд, не столько ослаблением идеологического диктата, а сколько осознанием советскими исследователями важности изучения феномена «консервативной революции» для более глубокого понимания духовной и политической истории XX столетия не только Германии, но и Европы в целом.

Как характеризовала постсоветская отечественная гуманитарная мысль феномен «консервативной революции» и выделяла ее типологические черты? По мнению О. Ю. Пленкова, под «консервативной революцией» следует понимать «совокупность идеологий и организаций немецкой правой, которая не удовлетворилась ролью сохранения того, что можно сохранить, а поставила перед собой цель – революционным способом возродить наиболее важные национальные мифы» (Пленков, 1997. С. 347). А. Ф. Филиппов, наоборот, определяет «радикальный консерватизм» (авторский термин) с точки зрения этического и политического противостояния либерализма и консерватизма, через их отношение к государству. Основная интенция радикального консерватизма – возвращение к государству как высшей форме политического и социального единства (Филиппов, 1996. С. 83). Такой подход вполне объясняет радикализм политических взглядов «консервативных революционеров», но выражает лишь одну из сторон самого феномена.

Более детальная трактовка сущности «консервативной революции» и ее характерных черт была дана В. Э. Молодяковым. По его мнению, «консервативную революцию» необходимо понимать в трех значениях, «как учение, как движение, направляемое этим учением, и как процесс, осуществляемый в соответствии с учением» (Молодяков, 1999. С. 5). «Консервативная революция» не представляет собой единую доктрину, а является совокупностью доктрин. Ее главная цель – разрушение существующего порядка вещей и

возвращение революционным путем к традиции, которая понималась «революционными консерваторами» как вечные исторические и духовные ценности. Исходя из приоритета традиции в идеологии «консервативной революции», В. Э. Молодяков выделяет следующие ее черты: 1) ориентация на национальные основы бытия; 2) отрицание «современного мира» как антинационального и антидуховного; 3) но, вместе с тем, приятие современных институтов и технологий, если они помогали достижению поставленной цели, 4) отрицательное отношение к духу буржуазности; 5) опора на государство и коллективные формы общежития; 6) неприятие эволюционного пути политической борьбы. «Консервативная революция» в силу ряда обстоятельств не являлась архаичным мировоззренческим образованием и роль элементов буржуазного сознания была достаточно сильна в ее идеологии. Об этом неоднократно писали западные авторы. Тем не менее, В. Э. Молодяков несомненно прав, когда подчеркивает значительное влияние традиции на формирование ее идеологических установок.

В современной отечественной гуманитарной мысли проблематика немецкой «консервативной революции» представлена достаточно широко (выше мы упоминали ряд авторов историков и философов, исследующих эту тему). Просматривается также плюрализм трактовки понятия и сущности феномена «консервативной революции». А. М. Руткевич считает, что связывать «консервативную революцию» с какой-либо философской идеей или тем более школой не правомерно. По его мнению, она феномен более политического характера, чем философско-мировоззренческого и является порождением политической жизни Германии определенного периода (Руткевич, 2002. С. 190). Ее возникновение вызвано особыми условиями исторического и политического развития Германии в 1910-е гг. XX в.: взрывом национализма в 1914 году, идеей борьбы немецкой культуры против западной цивилизации, поражением Германии в Первой мировой войне и установлением Веймарской республики.

В. В. Афанасьев склонен ограничивать идеологию «консервативной революции» рамками национализма. Согласно Афанасьеву, важным отличием «консервативных революционеров» от других политических течений Веймарской Германии было то, что их идеология носила ярко выраженный националистический характер. «Под свой национализм они подводили глубокий философский фундамент» (Афанасьев, 2009. С. 312). По мнению автора, крайний национализм «консервативных революционеров» был обусловлен тем, что «в Германии после поражения в Первой мировой войне вновь остро встал вопрос о создании единого немецкого государства» (Афанасьев, 2009. С. 312). Другой характерной чертой «консервативной революции», которая в корне отличала ее от традиционного консерватизма, Афанасьев считает попытку примирить, исходя из реалий Веймарской республики, консерватизм и революцию.

С. В. Артамошин комплексно рассматривает феномен «консервативной революции» (Артамошин, 2018 и др.). Она, по его мнению, является интеллектуальным продуктом ряда факторов, так или иначе повлиявших на ее становление. К их числу он относит: традиции немецкого национализма XIX столетия, кризис немецкого консерватизма, политические и социокультурные последствия Первой мировой войны, Ноябрьская революция и крушение монархии в Германии, возникновение Веймарской республики. Определяя сущность «консервативной революции», Артамошин прежде всего акцентирует внимание на ее политической составляющей. Автор пишет: «Неудовлетворенность современностью определяла не только стремление к поиску глубинных причин кризиса ценностей, но и националистический вектор будущего развития Германии, с которым связывалось преодоление либерального политического влияния и возрождение истинно германской политической традиции в новых политических условиях» (Артамошин, 2018. С. 41). И далее: «В отличие от консерватизма XIX в. консервативная революция не строила государство на основе иерархической структуры общества с жестким регулированием и не вращалась своими идеями вокруг фигуры монарха. Она поставила в качестве стержня политической мысли народ, который вместе с вождем нового типа должен был создать будущее германское национальное государство» (Артамошин, 2018. С. 42 - 43).

Историография феномена «консервативной революции» в Веймарской Германии развивалась в русле общих тенденций как западной, так и отечественной гуманитарной мысли. Соответственно подходы к рассмотрению проблемы «консервативной революции» эволюционировали в зависимости от общественно-политического и историографического контекста. В первое послевоенное десятилетие становление историографии «консервативной революции» во многом определила позиция Молера, который попытался вывести ее идеологию из тени национал-социализма и реабилитировать идейное наследие протагонистов «революционного консерватизма».

В 1960-е – 1980-е гг. «консервативная революция» рассматривается в рамках либерального и частично социал-реформистского дискурса, сюда также можно добавить и марксистский дискурс, представители которых подвергли критическому осмыслению понятия и позиции «революционного консерватизма». Был сделан вывод о неоспоримой принадлежности «консервативной революции» к радикальным направлениям германского консерватизма в Веймарской республике. Радикализм «консервативных революционеров», их абсолютное непринятие политических реалий первой немецкой демократии сыграли заметную роль в крушении Веймарской республики. В то же время исследователи подчеркивали неоднозначность феномена «консервативной революции», трудность его интеллектуального и исследовательского редуцирования (этот тезис не относится к марксистской трактовки «консервативной революции»).

В 1990-е гг. в гуманитарной мысли обозначились новые тенденции в изучении феномена «консервативной революции», обусловленные ее современным состоянием. Как уже было сказано выше, появился ряд работ, в которых исследователи предприняли попытку очередного концептуального осмысления феномена «консервативной революции», которое закончилось, с одной стороны, использованием уже накопленных знаний, теории модернизации и в целом новой методологии. С другой – появлением попыток деконструкции, вычеркивания из анналов истории термина «консервативная революция» и реального феномена, который стоял за ним. В подобной исследовательской перспективе «консервативная революция» выступает в еще более неопределенном и мифологическом свете, чем являлась на самом деле.

Что касается изучения «консервативной революции» в современной отечественной гуманитарной мысли, то необходимо отметить, что в современной отечественной гуманитарной мысли существует плюрализм мнений относительно мировоззренческих, идеологических, политических основ «консервативной революции». Современные авторы, не отрицая националистических, реваншистских и антидемократических идей, содержащихся в ее политических теориях, объясняют их не только особенностями ее радикального политического содержания, но и «мифологичностью сознания» ее творцов. Кроме того, в новейшей отечественной литературе подчеркиваются антилиберальные тенденции в трудах теоретиков «консервативной революции» и их роль в формировании концепции «немецкого социализма». Современная отечественная гуманитарная мысль также признала идеологическую и политическую неоднородность «консервативной революции». Постсоветская гуманитарная мысль отказалась от идеи рассматривать ведущих представителей «революционного консерватизма» исключительно только как духовных предтеч национал-социализма

Заключение.

Уникальность положения Шпенглера в идеологии «консервативной революции» заключалась в том, что он формально не принадлежал к ни одной из ее группы. Наиболее идейно близкими ему были младоконсерваторы, духовным лидером которых являлся другой выдающийся представитель «революционных консерваторов» А. Мёллер ван ден Брук. Но Шпенглер не разделял ряд их идей, а они его. Выше мы говорили о том, что Шпенглер предпочитал вообще оставаться «над схваткой». Это, действительно, позволяло ему дистанцироваться от различных политических групп консерваторов Веймарской Германии. Следует учитывать и то факт, что политические идеи Шпенглера, в отличие от других младоконсерваторов, вобрали в себя как старопруссские традиции, так и, безусловно, «консервативно революционные» тенденции веймарского времени. Возвращаясь к идеям «отца» концепции «реакционного модерна» Д. Хэрфа, необходимо отметить, что шпенглеровский синтез между правым романтизмом, консерватизмом и современной политикой привел его к выработке такой политической концепции, в которой органично сочетались традиции, современное динамичное понимание политики, использование элементов современной технологии обработки масс и апелляция в националистическом и консервативном духе к идеям и ценностям массовой политики. Названия его трудов, как своеобразные идеи-лозунги, стали крылатыми общественно-политическими выражениями: «Закат Европы», «Пруссачество и социализм», «Годы решений» и т. д.

Говоря современной терминологией, Шпенглер стремился играть роль идеологически ангажированного политтехнолога, пытаясь при этом сконструировать гибкую идейно-политическую концепцию в «консервативно-революционном» духе, тесно связанную с его культурфилософией. Германский исследователь Раймонд фон Буше считает, что политические концепции («метapolитические теории» – по терминологии автора) Шпенглера, Мёллера ван ден Брука и Шмитта были основополагающими для немецкого консерватизма в Веймарской республике. Все другие консервативные политические концепции были эклектичным синтезом этих идеологов, которые содержали их более менее оригинальные трактовки (Bussche, 1998. S. 203).

Историография интеллектуального наследия Шпенглера подтверждает сказанное нами выше. Отношение к Шпенглеру менялось с течением времени и было связано с научным и общественно-политическим дискурсом, который господствовал в обществе в тот или иной период. Это было характерно для восприятия как культурно-исторической, так и политической концепций Шпенглера. Большое влияние в этой связи также оказывало восприятие самого феномена «консервативной революции», на который, как известно, наложила тень идеология и практика Третьего рейха. Как бы «консервативные революционеры» не относились к национал-социализму, послевоенное общество, и не только немецкое, вполне справедливо рассматривало их в числе его идейных предшественников. Понадобилось лет двадцать, чтобы улеглись

все политические послевоенные страсти и дискуссия стала постепенно переходить в плоскость научного дискурса.

Шпенглер не был исключением из правил. Как мы показали, первые фундированные работы о нем появились в 1960-х гг. и только в 1980-х гг. произошла окончательная импликация интеллектуального наследия Шпенглера в европейскую и отечественную гуманитарную мысль. Это касается в целом его интеллектуального наследия. Что касается политической концепции Шпенглера то, несмотря на различие теоретико-методологических подходов, исследователи отмечали ряд типических черт политической концепции автора «Заката Европы», которые делали его во многом уникальной и ретроспективной фигурой немецкого консерватизма XX столетия.

Литература

- Аверинцев, С. С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера [Текст] / С. С. Аверинцев // Новые идеи в философии: Ежегодник Философского общества СССР, 1991. – М.: Наука, 1991. – С. 183 – 203.
- Артамошин, С. В. Идейные истоки национал-социализма [Текст] / С. В. Артамошин. – Брянск: Издательство БГУ, 2002а. – 184 с.
- Артамошин, С. В. Освальд Шпенглер и проблема государственно-политического устройства Германии [Текст] / С. В. Артамошин // Право: история, теория, практика. – Вып.6. – Брянск, 2002b. – С. 282 – 291.
- Артамошин, С. В. Немецкий социализм в консервативной оправе: Освальд Шпенглер и Эрнст Юнгер [Текст] / С. В. Артамошин // Всеобщая история: современные исследования. Межвуз. сб. науч. трудов. – Вып. 16. – Брянск: РИО БГУ, 2007. – С. 158 – 171.
- Артамошин, С. В. О. Шпенглер и «консервативная революция» в Германии [Текст] / С. В. Артамошин // Вопросы истории. – 2009. – №6. – С. 148 – 154.
- Артамошин, С.В. Интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики [Текст]: автореф. дис... докт. ист. наук: 07.00.03 / Артамошин Сергей Викторович. – Брянск, 2011а. – 42 с.
- Артамошин, С. В. Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики [Текст] / С. В. Артамошин. – Брянск, 2011b. – 312 с.
- Артамошин С. В. Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики [Текст] / С. В. Артамошин. – СПб.: «Владимир Даль», 2018. – 415 с.
- Асмус, В. Ф. Маркс и буржуазный историзм. [Текст] / В. Ф. Асмус. – М. – Л.: СОЦЭКГИЗ, 1933. – 271 с.
- Афанасьев, В. В. Политическая философия Освальда Шпенглера [Текст] / В. В. Афанасьев. – М.: МГОУ, 2003. – 150 с.
- Афанасьев, В. В. Социология политики Освальда Шпенглера [Текст] / В. В. Афанасьев. – М.: МГПУ, 2006. – 187 С.
- Афанасьев, В. В. Философия политики Освальда Шпенглера: автореф. дис... док. полит. наук: [Текст] / В. В. Афанасьев. – М., 2007. – 46 с
- Афанасьев, В. В. Либеральное и консервативное // О. Шпенглер. Политические произведения [Текст] / Афанасьев В.В. М.: Канон+РОИИ Реабилитация, 2009. – С. 223 – 526.
- Балла, О. Историческая судьба «Заката Европы» Освальда Шпенглера. Биография одного мифа [Текст] // О. Балла. Примечания к ненаписанному. Статьи. Эссе. Т. 1. / О. Балла.– Franc-Tireur USA, 2010. – С. 29 – 64.
- Бердяев, Н. А. Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922 [Текст] / Н. А. Бердяев. – М.: Астрель, 2007. – 1179 с.
- Бланк, А. С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы [Текст] / А. С. Бланк. – М.: Мысль, 1978. – 208 с.

- Бурдьё, П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера [Текст] / П. Бурдьё / Пер. с фран. – М.: Праксис, 2003. – 272 с.
- Вебер, А. Избранное. Кризис европейской культуры [Текст] / А. Вебер / Пер. с нем. – СПб.: Университетская книга, 1998. – 565 с.
- Визгин, В.П. Освальд Шпенглер и Мартин Хайдеггер [Текст] / В. П. Визгин // Философские науки. – 2015. – №7. – С. 68–81.
- Вудс, Р. Консервативная революция и консервативная дилемма [Электронный ресурс]. / Гефтер / URL: <http://gefeter.ru/archive/18362> (дата обращения 20.07.2019)
- Гайденко, П. П. Категория времени в буржуазной европейской философии истории XX века [Текст] / П. П. Гайденко // Философские проблемы исторической науки. – М.: Наука, 1969. – С. 230–255.
- Гайденко, П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке [Текст] / П. П. Гайденко. – М.: Прогресс – Традиция, 2006. – 464 с.
- Галкин, А. А. Германский фашизм. 2. Изд. [Текст] / А. А. Галкин. – М.: Наука, 1989. – 352 с.
- Галкин, А. А., Рахшмир, П. Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем [Текст] / А. А. Галкин, П. Ю. Рахшмир. – М.: Наука, 1987. – 192 с.
- Гергилов, Р. Е. Щ. Шпенглер и Третий рейх [Текст] / Р. Е. Гергилов // Новый исторический вестник. – 2007. – №1 (15). – С. 45–61.
- Губман, Б. Л. Смысл истории. Очерки современных западных концепций [Текст] / Б. Л. Губман. – М., 1991. – 192 с.
- Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия [Текст] / Э. Гуссерль // Вопросы философии. – 1986. – № 3. – С. 101–116.
- Давыдов, Ю. Н. Освальд Шпенглер и судьба романтического мирозерцания [Текст] / Ю. Н. Давыдов // Проблема романтизма. М.: Искусство, 1967. – С. 229–303..
- Давыдов, Ю. Н. Шпенглер и война. (Историософское эстетство в свете современного опыта) [Текст] / Ю. Н. Давыдов // Вопросы литературы. – 1983. – №8. – С. 76–113.
- Давыдов, Ю. Н. Биокосмическая мифологизация диалектики (О. Шпенглер) [Текст] / Ю. Н. Давыдов // Идеалистическая диалектика в XX столетии / ред. Ю. Н. Давыдов, М. Б. Митин. – М.: Наука, 1987. – С. 228–270.
- Данн, О. Нации и национализм в Германии, 1770 – 1990 [Текст] / О. Данн / Пер. с нем. – СПб.: Наука, 2003. – 468 с.
- Дёмин, И. В. Философия истории в постметафизическом контексте [Текст] / И. В. Дёмин. – Самара: Самар. гуманит. акад., 2015. – 251 с.
- Дюпё, Л. Под знаком Версальского мира. «Восточная идеология» и «национал-большевизм» в Веймарской республике [Текст] / Л. Дюпё // Германия и русская революция 1917 – 1924 / Пер. с нем. – М.: Памятники исторической мысли, 2004. – С. 176–204.
- Евдокимова, Т. В. Вышедшие из тени забвения: рейхсканцлеры Веймарской Германии [Текст] / Т. В. Евдокимова. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2011. – 290 с.

- Женин, И. Между идеей и идеологией: политизация академического сообщества Германии в первой трети XX века [Текст] / И. Женин // Философско-литературный журнал Логос. – 2013. – № 1 (91). – С. 122–143.
- Зимовец Л. Г. Кризис культуры в культурологических концепциях Н. А. Бердяева и О. Шпенглера [Текст] / Л. Г. Зимовец. Автореф. дис...докт. философских наук – Ростов-на-Дону, 2011. – 51 с.
- Зомбарт, В. Собрание сочинений в 3-х томах. Том II. Торгаши и герой. Раздумья патриота. Еврей и экономика [Текст] / В. Зомбарт / Пер. с нем. – СПб.: Владимир Даль, 2005. – 601 с.
- Лактионов, А. А. Идея альтернативного общества в философии культуры (на основе концепций Шпенглера и евразийства) [Текст] / А. А. Лактионов. Автореф. дис...канд. философских наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – 21 с.
- Камкин, А. К. Сравнительный анализ культурологических концепций Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера, и их значение для современности. [Текст] / А. К. Камкин. Автореф. дис...канд. философских наук. – М., 2004. – 28 с.
- Карулина, Т. Б. Освальд Шпенглер и немецкая философия истории 20 – 30-х годов XX века [Текст] / Т. Б. Карулина. Автореф. дис...канд. философских наук. – М., 1993. – 23 с.
- Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография [Текст] / Р. Дж. Коллингвуд / Пер. с англ. – М.: Наука, 1980. – 485 с.
- Кон, И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. (Критические очерки философии истории эпохи империализма) [Текст] / И. С. Кон. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. – 403 с.
- Конрад, Н. И. О смысле истории [Текст] / Н. И. Конрад // Н. И. Конрад Запад и Восток. Статьи. – М.: Наука, 1972. – С. 446–486.
- Корнева, Л. Н. Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985 – 2005) [Текст] / Л. Н. Корнева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. – 275 с.
- Манн, Т. Письма [Текст] / Т. Манн / Пер. с нем. С. К. Апта. – М.: Наука, 1975. – 463 с.
- Манн, Т. Об учении Шпенглера [Текст] Т. Манн // Т. Манн. Аристократия духа. Сборник очерков, статей и эссе / Пер. с нем. С. Апта, В. Бакусева и др. – М.: Культурная революция, 2009. С. 115 – 122.
- Манн, Т. Философия Ницше в свете нашего опыта [Текст] / Т. Манн // Т. Манн. Аристократия духа. Сборник очерков, статей и эссе / Пер. с нем. С. Апта, В. Бакусева и др. – М.: Культурная революция, 2009. С. 295 – 331.
- Манн, Т. Размышления аполитичного [Текст] / Т. Манн / Пер. с нем. Е. В. Шукшеной. – М.: Издательство АСТ, 2015.. – 544 с.
- Манхейм, К. Диагноз нашего времени [Текст] / К. Манхейм / Пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.
- Маркарян, Э. С. О концепции локальных цивилизаций. Критический очерк. [Текст] / Э. С. Маркарян. – Ереван: Наука, 1962. – 177 с.
- Мейнеке, Ф. Возникновение историзма [Текст] / Ф. Мейнеке / Пер. с нем. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 480 с.

- Мёккель, К. Диагностика кризиса: Гуссерль против Шпенглера [Текст] [Текст] / К. Мёккель // Логос. – 2007. – №6. – С. 147 – 175.
- Мёллер ван ден Брук, А. Третья империя [Текст] А. Мёллер ван ден Брук // А. Мёллер ван ден Брук, А. Васильченко. Миф о вечной империи и Третий рейх. – М.: Вече, 2009. – С. 112 – 364.
- Михайлов, И. А. Ранний Хайдеггер: между феноменологией и философией жизни [Текст] / И. А. Михайлов. – М.: «Прогресс-Традиция», «Дом интеллектуальной книги», 1999. – 284 с.
- Михайловский, А. В. Консервативная революция: апология господства [Текст] / А. В. Михайловский // Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе / под ред. Л. Е. Бляхера, Б. В. Межуева, А. В. Павлова. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 264 – 283.
- Михайловский, А. Философия войны Макса Шелера [Текст] / А. Михайловский // Вопросы национализма. – 2015. – № 1 (21). – С. 51 – 60.
- Могильницкий, Б. Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. 1: Кризис историзма [Текст] / Б. Г. Могильницкий. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. – 206 с.
- Могильницкий, Б. Г. История исторической мысли в XX века. Курс лекций. Вып. II. Становление «новой исторической науки» [Текст] / Б. Г. Могильницкий. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. – 178 с.
- Могильницкий, Б. Г. История исторической мысли в XX века. Курс лекций. Вып. III. Историографическая революция [Текст] / Б. Г. Могильницкий. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2008. – 554 с.
- Молер, А. Консервативная революция в Германии 1918 – 1932 [Текст] / А. Молер / Пер. с нем. А. В. Васильченко. – М.: Тотенбург, 2017. – 312 с.
- Молодяков, В. Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика [Текст] / В. Э. Молодяков. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 320 с.
- Мочкин, А. Н. Парадоксы неоконсерватизма: (Россия и Германия в конце XIX – начале XX вв.) [Текст] / А. Н. Мочкин. – М.: ИФРАН, 1999. – 192 С.
- Мочкин, А. Н. Рождение «зверя из бездны» неоконсерватизма [Текст] / А. Н. Мочкин. – М.: ИФРАН, 2002. – 138 с.
- Немеров Е. Н. Фаустовский тип культуры в философии Георга Зиммеля и Освальда Шпенглера [Текст] / Е. Н. Немеров. Автореф. дис...канд. философских наук. – Курск, 2006. – 24 с.
- Никиш, Э. Жизнь, на которую я отважился. Встречи и события [Текст] / Э. Никиш / Пер. с нем. – СПб.: Владимир Даль, 2012. – 560 с.
- Парамонов, Б. Шедевр германского «славянофильства». О «Размышлениях аполитичного» Томаса Манна [Текст] / Б. Парамонов // Звезда – 1990. – № 12. – С. 152 – 158.
- Патрушев, А. И. Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880 – 1936) [Текст] / А. И. Патрушев // Новая и новейшая история. – 1995. – №3. – С. 122 – 144.
- Пленков, О. Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм [Текст] / О. Ю. Пленков. – СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1997. – 576 с.

- Подорога, Б. В. Понятие гештальта в философии Освальда Шпенглера [Текст] / Б. В. Подорога: автореф. дис...канд. философ. наук. – М.; 2015 – 26 с.
- Поппер, К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона [Текст] / К. Поппер / Пер. с англ. под. ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
- Преображенский, П. Освальд Шпенглер и крушение истины (Страница из истории гибели одной культуры) [Текст] / П. Преображенский // Печать и революция – 1922 – Книга 1 (4). Январь март – С. 58 65.
- Прорешная, О. В. Принцип системности в культурно-исторических концепциях Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера [Текст] / О. В. Прорешная: автореф. дис...канд. философских наук. – М., 2008 – 20 с.
- Рахшмир, П. Ю. Проблема взаимосвязи нацизма и «революционного консерватизма» в буржуазной историографии [Текст] / П. Ю. Рахшмир // Ежегодник германской истории. – 1972. – М.: Наука, 1975. – С. 409 – 431.
- Рингер, Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890 – 1933. [Текст] / Ф. Рингер / Пер. с англ. – М., Новое литературное обозрение, 2008. – 648 с.
- Руткевич, А. М. Прусский социализм и консервативная революция [Текст] / М Руткевич // Шпенглер О. Пруссачество и социализм / Пер. с нем. – М.: Праксис, 2002. – С. 187 – 228.
- Свасьян, К. А. Социально-философская и политическая доктрина О. Шпенглера [Текст] / К. А. Свасьян // Социологические исследования. – 1987. – №11. – С. 125 – 133.
- Свасьян, К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу [Текст] / К. А. Свасьян // Шпенглер О. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. – М.: Мысль, 1993. – С. 5 – 122.
- Солонин, Ю. Н. Эрнст Юнгер: образ жизни и духа [Текст] / Ю. Н. Солонин // Юнгер Э. Рабочий. Господство и Гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / Пер. с нем. – СПб.: Наука, 2000. – С. 5 – 54.
- Степанова, А. Закат Европы Освальда Шпенглера в философском и литературоведческом дискурсе [Текст] / А. Степанова // Polilog. Studia Neofilologiczne – 2014. – №4. – С. 5 20.
- Степун, Ф. Бывшее и несбывшееся [Текст] / Ф. Степун. – СПб.: Издательство «Алетейя», Издательская группа «Прогресс – «Литера», 1994. – 651 с.
- Сыров, В. Н. Расцвет и закат европейской философии истории (От Бэкона к Шпенглеру) [Текст] / В. Н. Сыров. – Томск: НПТ «Курсив», 1997. – 387 с.
- Тавризян, Г. М. О. Шпенглер, Й. Хейзинга: две концепции кризиса культуры [Текст] / Г. М. Тавризян. – М.: Искусство, 1989. – 272 с.
- Тавризян, Г. М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации» [Текст] / Г. М. Тавризян. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 216 с.
- Тиме Г. А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX – XX веков. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 456 с.

- Терехов, О. Э. Феномен «консервативной революции» в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации [Текст] / О. Э. Терехов. Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2011. – 194 с.
- Терехов, О. Э. Германская историография идеологии «консервативной революции» как феномена интеллектуальной истории Веймарской республики [Текст] / О. Э. Терехов: автореф. дис... док. ист. наук. Томск, 2013 – 45 с.
- Терехов, О. Э. Категория времени в культурно-исторической и политической концепции О. Шпенглера [Текст] / О. Э. Терехов // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. - №3 (59). - Т. 2. - С. 97 – 101.
- Терехов, О. Э. От традиции к «консервативной революции»: история и идеология в культурно-исторической концепции Освальда Шпенглера [Текст] / О. Э. Терехов // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – №3 (63). Т. 2. – С. 49–52.
- Терехов, О. Э. Большевизм в культурно-исторической концепции Освальда Шпенглера [Текст] / О. Э. Терехов // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 417. – С. 163–168.
- Терехов, О. Э. В тени самого себя: Освальд Шпенглер и гуманитарная мысль XX столетия [Текст] / О. Э. Терехов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 57. – С. 137–140.
- Тённис, Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии [Текст] / Ф. Тённис / Пер. с нем. – СПб.: «Владимир Даль», 2002. – 451 с.
- Тойнби, А. Дж. Мой взгляд на историю [Текст] / А. Дж. Тойнби // А. Дж. Тойнби. Цивилизация перед судом истории / Пер. с англ. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1995. – С. 21–27.
- Трёлъч, Э. Историзм и его проблемы [Текст] / Э. Трёлъч / Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 719 с.
- Трёлъч, Э. Метафизический и религиозный дух немецкой культуры [Текст] / Культурология. XX в. Антология / Э. Трёлъч. – М.: Юрист, 1995. - С. 540 – 556.
- Фрайер, Х. Революция справа [Текст] / Х. Фрайер / Пер. с нем. – М.: Праксис, 2008. – 144 с.
- Февр, Л. Бои за историю [Текст] / Л. Февр / Пер. с франц. – М.: Наука, 1991. – 629 с.
- Фест, И. Гитлер Биография. Т. 1 [Текст] / И. Фест / Пер. с нем. А. Федорова. – Пермь: Культурный центр «Алетейя, 1993. – 368 с.
- Филиппов, А. Ф. Облик работника и революция справа: к истории радикального консерватизма [Текст] / А. Ф. Филиппов // Россия XXI. – 1996. – №1 – 2. – С. 82 – 105.
- Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне [Текст] / Ю. Хабермас / Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь мир», 2003. – 415 с.
- Хайдеггер, М. Исследовательская работа Вильгельма Дильтея и борьба за историческое мировоззрение в наши дни [Текст] / М. Хайдеггер // Вопросы философии. – 1995. – № 11. – С. 122–156.

- Хряков, А. Психология «особого пути» и немецкие историки (1920–1940-е годы) [Текст] / А. Хряков // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. – М.: Квадрат, 2010. – С. 17–48.
- Хантингтон, С. Консерватизм как идеология [Текст] / С. Хантингтон // Тетради по консерватизму. Альманах. – 2016. №1. С. 231–250.
- Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года [Текст] / Э. Хобсбаум / Пер. с англ. – СПб.: Издательский дом: «Алетейя», 1998. – 306 с.
- Чесноков, Г. Д. Современная буржуазная философия истории. Критической очерк [Текст] / Г. Д. Чесноков. – Горький: Изд. Горьковского ун-та, 1972. – 205 с.
- Шелер М. Война как совокупное переживание [Электронный ресурс]. URL: www.wwi.rhga.ru/upload/iblock/2d6/1914_Max_Scheler.pdf (дата обращения 25.01.2019).
- Шмитт, К. Политический романтизм [Текст] / К. Шмитт / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Б. М. Скуратова, послесл. А. Ф. Филиппова. – М.: Праксис, 2015. – 460 с.
- Шмитт, К. Политическая теология. Сборник. [Текст] / К. Шмитт / Пер. с нем. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. – 336 с.
- Шмитт, К. Государство и политическая форма [Текст] / К. Шмитт / Пер. с нем. – М.: Изд. дом Гос. ун-т – Высшей школы экономики, 2010. – 272 с.
- Шпенглер, О. Пессимизм ли это? [Текст] / О. Шпенглер // Новые идеи в философии: Ежегодник Философского общества СССР, 1991. – М.: Наука, 1991. – С. 166–182.
- Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность [Текст] / О. Шпенглер / Пер. с нем. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.
- Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы [Текст] / О. Шпенглер / Пер. с нем. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.
- Шпенглер, О. Человек и техника [Текст] / О. Шпенглер // Культурология. XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995. – С. 454–494.
- Шпенглер, О. Пруссачество и социализм [Текст] / О. Шпенглер / Пер. с нем. – М.: Праксис, 2002. – 240 с.
- Шпенглер, О. Годы решений [Текст] / О. Шпенглер / Пер. с нем. – М.: Скимень, 2006. – 240 с.
- Шпенглер, О. Политические произведения [Текст] / О. Шпенглер. / Пер. с нем. В. В. Афанасьева. М.: «Какон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 528 с.
- Шпенглер, О. Воссоздание Германского рейха [Текст] / О. Шпенглер / Пер. с нем. А. В. Перцева и Ю. Ю. Коринца, послесловие А. В. Перцева. СПб. «Владимир Даль», 2015. 223 с.
- Эли, Д. Теории фашизма: проблемы интерпретации [Текст] / Д. Эли // Берегиня 777 Сова. – 2014. – № 4 (23). – С. 22–40.
- Эрн, В. Ф. От Канта к Крону [Текст] / В. Ф. Эрн // В. Ф. Эрн. Сочинения. – М.: «Правда», 1991. – С. 308–318.

- Ясперс, К. Смысл и назначение истории [Текст] / К. Ясперс / Пер. с нем. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – 527 с.
- Юнгер, Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли [Текст] / Э. Юнгер / Пер. с нем. – СПб.: Наука, 2000. – 539 с.
- Юнгер, Э. Новый национализм [Текст] / Э. Юнгер // Э. Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи 1923 – 1933 / Пер. с нем. – М.: Издательская группа «Скимень», 2008. – С. 100 – 107.
- Adorno Th. W. Prismen. Kulturkritik und Gesellschaft [Текст] / Th. Adorno. – Berlin-Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1969. – 350 S.
- Beck, U. Die Erfindung des Politischen: zu einer Theorie reflexiver Modernisierung [Текст] / U. Beck. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993. – 302 S.
- Boterman, F. Oswald Spengler en Der Untergang des Abendlandes: Cultuurpessimist en politiek activist [Текст] / F. Boterman. – Assen – Maastricht: Uitgeverij Van Gorcum, 1992. – 402 S.
- Breuer, S. Die «Konservative Revolution» – Kritik eines Mythos [Текст] / S. Breuer // Politische Vierteljahresschrift, H. 4. 1990. – S. 585 – 607.
- Breuer, S. Anatomie der Konservativen Revolution [Текст] / S. Breuer. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993. – 232 S.
- Breuer, S. Grundpositionen der deutschen Rechten 1871 – 1945 [Текст] / S. Breuer. – Tübingen: Ed. Diskord, 1999. – 191 S.
- Bussche, R. von dem. Konservatismus in der Weimarer Republik: die Politisierung des Unpolitischen [Текст] / R. von dem. Bussche. – Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1998. – 428 S.
- Clason, S. Schlagworte der «konservativen Revolution»: Studien zur polemischen Wortgebrauch der radikalen Konservatismus in Deutschland zwischen 1871 und 1933 [Текст] / S. Clason. – Stockholm: Deutsches Inst., 1981. – 241 S.
- Farrenkopf, J. Klio und Cäsar. Spenglers Philosophie der Weltgeschichte im Dienste der Staatskunst [Текст] / J. Farrenkopf // Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz / Hrsg. von A. Demandt, J. Farrenkopf. Köln, Weimer, Wien: Böhlau, 1994. S. 45 73.
- Farrenkopf, J. Prophet of Decline: Spengler on World History and Politics [Текст] / J. Farrenkopf. Louisiana: University Press, 2001 304 p.
- Felken, D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur [Текст] / D. Felken. – München: Beck, 1988. – 304 S.
- Eckermann, K E. Oswald Spengler und moderne Kulturkritik [Текст] [Текст] / K E. Eckermann. – Bonn: Univ., Diss., 1980. – 315 S.
- Gerstenberger, H. Der revolutionäre Konservatismus: ein Beitrag zur Analyse des Liberalismus [Текст] / H. Gerstenberger. – Berlin: Duncker & Humblot, 1969. – 171 S.
- Gossler, A. Publizistik und konservative Revolution: das «Deutsche Volkstum» als Organ des Rechtsintellektualismus 1918 – 1933 [Текст] / A. Gossler. – Münster; Hamburg; London: Lit, 2001. – 294 S.
- Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz [Текст] / Hrsg. von A. Demandt, J. Farrenkopf. Köln, Weimer, Wien: Böhlau, 1994. 200 S.

- Der lange Schatten Oswald Spenglers: einhundert Jahre Untergang des Abendlandes [Текст] / herausgegeben von David Engels, Max Otte und Michael Thöndl. – Manuscriptum Verlagsbuchhandlung Thomas Hoof KG, 2018. – 175 S.
- Dupeux, L. «Nationalbolschewismus» in Deutschland 1919 – 1933: kommunistische Strategie und konservative Dynamik [Текст] / L. Dupeux. – München: Beck, 1985. – 492 S.
- Dupeux, L. Kulturpessimismus, Konservative Revolution und Modernität [Текст] / L. Dupeux // Intellektuellendiskurse in der Weimarer Republik: zur politischen Kultur einer Gemengelage / Hrsg. von M. Gangl, G. Raulet. – Frankfurt a. M.: Campus Verlag, 1994. – S. 287 – 299.
- Herf, J. Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. Reprinted 1985. [Текст] / J. Herf. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 251 p.
- Hofmannsthal, H. von. Das Schrifttum als geistiger Raum der Nation (Rede, gehalten im Auditorium maximum der Universität München am 10. Januar 1927) [Текст] [Текст] / H. von. Hofmannsthal. – München: Verl. der Bremer Presse, 1927. – 31 S.
- Hughes, H. Stuart. Oswald Spengler: A Critical Estimate. [Текст] / H. Stuart Hughes. – New York: Scribner's., 1952. – 176 p.
- Joel, K. Die Philosophie in Spenglers. «Untergang des Abendlandes». [Текст] [Текст] / K. Joel // Logos. 1920 – 1921. Bd. IX. S. 130 140.
- Jung, E. J. Deutschland und die Konservative Revolution [Текст] / E. J. Jung // Deutsche über Deutschland: Die Stimme des unbekannten Politikers. – München: Albert Langen / Georg Müller, 1932. – S. 369 – 383.
- Jung, E. J. Die Herrschaft der Minderwertigen : ihr Zerfall und ihre Ablösung durch ein neues Reich. 3. Aufl., Faks.-Ausg. der 2. Aufl. [Berlin, Deutsche Rundschau], 1930 [Текст] / E. J. Jung. – Struckum: Verl. für Ganzheitliche Forschung und Kultur, 1991. – 692 S.
- Klemperer, K. von. Konservative Bewegungen zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus [Текст] / K. von. Klemperer – München: Oldenbourg, 1962. – 276 S.
- Koktanek, A. M. Oswald Spengler in seiner Zeit [Текст] / A. M. Koktanek. – München: Beck, 1968. – XXVII, 523 S.
- Koktanek, A. M. Spenglers Verhältnis zum Nationalsozialismus in geschichtlicher Entwicklung [Текст] / A. M. Koktanek // Zeitschrift für Politik – 1966. – B. 13. – S. 33 – 55.
- Kondyles, P. Konservativismus. Geschichtlicher Gehalt und Untergang [Текст] / P. Kondyles. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1986. – 553 S.
- Lenk, K. Deutscher Konservatismus [Текст] / K. Lenk. – Frankfurt am Main: Campus- Verlag, 1989. – 330 S.
- Lübbe, H. Vorwort [Текст] / H. Lübbe /// Spengler heute / Hrsg. von Ch. Ludz. – München: Beck, 1980a. – S. VII – XI.
- Lübbe H. Historisch-politische Exaltationen. Spengler wiedergelesen [Текст] / H. Lübbe // Spengler heute / Hrsg. von Ch. Ludz. – München: Beck, 1980b. – S. 1 – 24.

- Lübbe, H. Oswald Spenglers «Preußentum und Sozialismus» und Ernst Jüngers «Arbeiter» [Текст] / H. Lübbe // Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz / Hrsg. von A. Demandt, J. Farrenkopf. – Köln, Weimer, Wien: Böhlau, 1994. – S. 129 – 151.
- Moeller van den Bruck, A. Das Recht der jungen Völker [Текст] / A. Moeller van den Bruck. – München: Piper, 1919. – 120 S.
- Meinecke, F. Über Spenglers Geschichtsbetrachtung [Текст] / F. Meinecke // Werke. Bd. 4. Zur Theorie und Philosophie der Geschichte. – Stuttgart: Kehler, 1959. – S. 181 – 195.
- Merlio, G. Über Spenglers Modernität [Текст] / G. Merlio // Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz / G. Merlio / Hrsg. von A. Demandt, J. Farrenkopf. – Köln, Weimer, Wien: Böhlau, 1994. – S. 115 – 127.
- Merlio, G. Einleitung. / [Текст] / G. Merlio // Spengler – ein Denker der Zeitenwende / G. Merlio / Manfred Gangl (Hrsg.). – Frankfurt, M.; Berlin; Bern; Bruxelles; New York, NY; Oxford; Wien: Lang, 2009. – S. 9 – 15.
- Michel Houellebecq. Oswald Spengler und der «Untergang des Abendlandes» / Hrsg. Michel Houellebecq [Текст] / David Engels / Gerd Morgenthaler / Max Otte. – Walpole. 2019. – 152 p.
- Die Modernisierung der Moderne [Текст] / Hrsg. U. Beck, W. Bonß. – Fr./M.: Lang, 2001. – 317 S.
- Mohler, A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932: Grundriss ihrer Weltanschauungen [Текст] / A. Mohler. – Stuttgart: Vorwerk, 1950. – 287 S.
- Mohler A., Weißmann K. Die konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932: ein Handbuch. 6, völlig überarb. und erw. Aufl. Graz, 2005. – XXV, 643 S.
- Mohler, A., Weißmann, K. Die konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932: ein Handbuch. 6, völlig überarb. und erw. Aufl. [Текст] / A. Mohler, K. Weißmann. – Graz: Ares-Verlag, 2005. – XXV, 643 S.
- Morat, D. Von der Tat zur Gelassenheit: konservatives Denken bei Martin Heidegger, Ernst Jünger und Friedrich Georg Jünger; 1920 – 1960 [Текст] / D. Morat. – Göttingen: Wallstein-Verlag, 2007. – 592 S.
- Möller, H. Oswald Spengler – Geschichte im Dienste der Zeitkritik [Текст] / H. Möller / Spengler heute / Hrsg. von Ch. Ludz. – München: Beck, 1980. – S. 49 – 73.
- Nolte, E. Geschichtsdenken im 20. Jahrhundert von Max Weber bis Hans Jonas [Текст] / E. Nolte. – Berlin, Frankfurt a. Main: Propyläen, 1991. – 680 S.
- Osmanovic, S. Oswald Spengler und das Ende der Geschichte [Текст] / S. Osmanovic. Wien: Verlag Turia + Kant, 2007. – 239 S.
- Peukert, D. Die Weimarer Republik. Krisenjahre der klassischen Moderne [Текст] / D. Peukert. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1987. – 313 S.
- Philosophie Spengler. Eine Art Messias [Текст] // Der Spiegel. – 1968. – № 43. – S. 172 – 175.
- The Oswald Spengler Society for the Study of Humanity and World History [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.oswaldspenglersociety.com> (дата обращения: 15.08.2019).

- Rohkrämer, Th. Eine andere Moderne? Zivilisationskritik, Natur und Technik in Deutschland 1880 – 1933 [Текст] / Th. Rohkrämer. – Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1999. – 404 S.
- Rudolph, H. Kulturkritik und konservative Revolution: Zum kulturell-politischen Denken Hofmannsthals und seinem problemgeschichtlichen Kontext [Текст] / H. Rudolph. – Tübingen: Niemeyer, 1971. – VI, 297 S.
- Sezession. – Oswald Spengler (Sonderdruck) [Текст] Mai 2005.
- Sieferle, R. P. Die Konservative Revolution: fünf biographische Skizzen (Paul Lensch, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freyer [Текст] / R.P. Sieferle. – Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1995. – 250 S.
- Sontheimer, K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 – 1933. 3. Aufl. [Текст] / K. Sontheimer. – München: Beck, 1992. – 336 S.
- Sorokin, P. Sociological Theories of Today [Текст] / P. Sorokin. – N. Y.: Harper, 1966. – 208 p.
- Schroeter, M. Der Streit um Spengler. Kritik seiner Kritiker [Текст] / M. Schroeter. – München: Beck, 1922. – VII, 168 S.
- Spengler – ein Denker der Zeitenwende [Текст] / Manfred Gangl (Hrsg.). – Frankfurt, M.; Berlin; Bern; Bruxelles; New York, NY; Oxford; Wien: Lang, 2009. – 293 S.
- Oswald Spengler als europäisches Phänomen: der Transfer der Kultur- und Geschichtsmorphologie im Europa der Zwischenkriegszeit 1919 - 1939; [Текст] / hrsg. von Zaur Gasimov und Carl Antonius Lemke Duque. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. – 327 S.
- Spengler ohne Ende: ein Rezeptionsphänomen im internationalen Kontext [Текст] / Gilbert Merlio; Daniel Meyer (Hrsg.). – Frankfurt, M.: Lang-Ed, 2014. – 281 S.
- Spengler, O. Politische Schriften [Текст] / O. Spengler. – München: Beck, 1933. – XII, 337 S.
- Spengler, O. Reden und Aufsätze [Текст] / O. Spengler. – München: Beck, 1937. – IX, 295 S.
- Spengler, O. Briefe, 1913-1936 [Текст] / O. Spengler / In Zusammenarbeit mit Manfred Schroter hrsg. von Anton M. Koktanek. – München: Beck, 1963. – 817 S.
- Spengler, O. Urfragen. Fragmente aus dem Nachlass [Текст] / O. Spengler / Hrsg. von Manfred Schröter und Anton Mirko Koktanek. – München: Beck, 1965. – XXX, 380 S.
- Spengler, O. Frühzeit der Weltgeschichte. Fragmente aus dem Nachlass [Текст] / O. Spengler / Hrsg. von Manfred Schröter und Anton Mirko Koktanek. – München: Beck, 1966. – XX, 520 S.
- Spengler-Studien: Festgabe für Manfred Schröter zum 85. Geburtstag [Текст] / Hrsg. von A.M. Koktanek. – München: Beck, 1965. – 259 S.
- Spengler heute [Текст] / Hrsg. von Ch. Ludz. – München: Beck, 1980. – 197 S.
- Stern, F. Kulturpessimismus als politische Gefahr. Eine Analyse nationaler Ideologie in Deutschland [Текст] / F. Stern. – Bern, Stuttgart, Wien: Scherz, 1963. – XIII, 420 S.

- Swassjan, K. Der Untergang eines Abendländers. Oswald Spengler und sein Requiem auf Europa [Текст] / K. Swassjan. – Berlin: Heinrich Verlag, 1998. – 224 S.
- Thöndl, M. Das Politikbild von Oswald Spengler (1880–1936) mit einer Ortsbestimmung seines politischen Urteils über Hitler und Mussolini [Текст] / M. Thöndl // Zeitschrift für Politik. – 1993. – № 4. – S. 418 – 443.
- Thöndl, M. Oswald Spengler in Italien: Kulturexport politischer Ideen der «konservativen Revolution» [Текст] / M. Thöndl. – Leipzig: Leipziger Univ.-Verl., 2010. – 221 S.
- Vollnhals, C. Oswald Spengler und Nationalsozialismus. Das Dilemma eines konservativen Revolutionärs [Текст] / C. Vollnhals // Jahrbuch des Instituts für Deutsche Geschichte, Tel Aviv 13, 1984. – S. 263 – 303.
- Vollnhals, C. Praeceptor Germaniae. Spenglers politische Publizistik [Текст] / C. Vollnhals // Völkische Bewegung – Konservative Revolution – Nationalsozialismus. Aspekte einer politisierten Kultur / Hrsg. von W. Schmitz, C. Vollnhals. – Dresden: Universitätsverlag, 2005. – S. 117 – 137.
- Weißmann, K. Spengler und die Konservative Revolution [Текст] / K. Weißmann // Sezession (Sonderdruck). – Oswald Spengler, Mai 2005. – S. 19 – 25.
- Zumbini, M. F. Untergänge und Morgenröten: Nietzsche – Spengler – Antisemitismus [Текст] / M. F. Zumbini. – Würzburg: Verlag Königshausen & Neumann, 1999. – 217 S.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Задачи дворянства. Речь, произнесенная 16 мая 1924 г. на съезде немецкого дворянства в Бреслау.

Если я сегодня позволю себе что-то сказать о задачах немецкого дворянства, я должен кратко ограничиться их политической стороной.

Практически все было разрушено революцией, которая является одной из предпосылок успешной политики. Прежде всего, это включает социальную и политическую структуру дворянства как органического слоя внутри нации. Каждая большая страна должна решать внутри- и внешнеполитические задачи, которые предполагают существование единого мышления, чувства и действующего слоя, без которого невозможно гарантировать логическое решение этих задач. Там, где этот слой отсутствует, высокая политика начинает очень сильно зависеть от присутствия очень одаренных отдельных личностей. В Германии эта надстройка потрясена революцией до глубины — это, вероятно, самый катастрофический результат революции. Если революция распустила армию, она может быть восстановлена; потерянная власть может быть восстановлена; но израненное изнутри национальное тело очень трудно излечить, даже если потрясение общества не привело к уничтожению его ведущего слоя.

Мировая история учит, что этот поддерживающий, разводящий и воспитывающий класс обычно имеет родовитое дворянство по праву первородства в качестве своей сердцевины. Хорошо известным примером является Рим, где расовая чистота и культура людей была сформирована многочисленными знатными семьями. Каждое истинное благородство внутри расы является «чистым» в своей культуре, не только очерченной по происхождению, но и воплощением определенных инстинктов: командования, организации, ведения переговоров, самостоятельности, превосходства во всех сферах практической национальной жизни. Дворянство всегда было чисто политическим сословием.

Политику следует понимать как войну посредством духовной и общественной тактики. Владение внешне- и внутривнутриполитической дипломатией — это не что иное, как дуэль с применением идейного оружия и способность дворянства решать судьбы народа. Однако из-за политического поражения дворянства его сначала ограничили, а затем убрали с истинного исторического пути. В Германии сегодня так обстоят дела в особенно высокой степени. В Германии, которая из-за своего жалкого развития после Тридцатилетней войны не получила развитого буржуазного общества в духе английского и французского, не может обойтись без дворянства как центра ее ведущих классов. Не только ради самой себя аристократия обязана вернуть сегодня прежнее значение, но не через попытку борьбы за безнадежно устаревшие привилегии, а через возрождение внутреннего превосходства и воспитания, образцом которых был Фридрих Вильгельм I. И насколько это возможно были его чиновники и офицеры, чему есть немало свидетельств. В нашем политическом и географическом положении мы не можем зависеть от случайного

появления Бисмарка или Наполеона. Англия дает нам большой урок в этом. За прошедшие 200 лет у неё не было блестящего лидера типа Питта. Но все лидеры среднего звена могли окружить себя персоналом, который инстинктивно понимал и контролировал необходимые цели и средства, и они полагались на инстинкты английского высшего класса, который во многом состоит из семей родовитого дворянства, прежде всего джентри. Только так Англия могла продвигаться по своей траектории, хотя десятилетиями у нее не было великого премьер-министра.

Этот инстинкт слоя не может быть заменен патриотическими программами и взглядами. Его мировоззрение основано на почве, как показал ход мировой истории, лучшие результаты никогда не связаны с какой-либо программой, а гарантируются политическими, национальными инстинктами. Политический инстинкт, однако, не изучается в университетах, книгах и газетах, но вызывается, как и в предыдущие века, не количеством прочитанных страниц, а как в современной Англии через общественную дисциплину и персональными контактами между молодым и политически более опытным поколением в аристократических клубах. Для практического успеха неважно умение анализировать великие факты и положения, а важно чувствовать с первого взгляда, какие возможности лежат в них и какие средства применимы для этого. Каждая политическая битва, каждая искусная дипломатическая охота, каждая политическая игра имеют, в первую очередь эмоциональную логику, а не логику философии, понимание эмоциональных мотивов в политике также может считаться политическим успехом. Как раз современная Англия показывает опасность недопонимания этих фактов. В последние годы в Англии было два премьер-министра, которые не вышли из аристократической среды, а сформировались под воздействием внутренней политики, в частности профсоюзного движения, и которым благодаря обстоятельствам удалось получить в свои руки внешнеполитические дела: Ллойд Джордж и Рамсей Макдональд. Оба смертельно ухудшили положение Англии; И то, что это не привело к явному поражению, Англия обязана инстинктам своего общества, которые развивали общий курс политики даже против воли правящих личностей. Когда присутствует высший слой, неправильные представления о политике сдерживаются инерцией того, что называется «волей страны», которая действует весьма обезличено и без явного осознания многими людьми.

Если взглянуть на сегодняшнюю ситуацию в мире, которая, поскольку мировые войны с возрастающей скоростью определяют недавние решения, то признается, что из всех последних народов победит в гонке тот, чей ведущий слой обладает превосходными способностями. Независимо от того, разрушена ли армия, была ли разрушена экономика, были ли потеряны колонные владения или сократились их размеры, все это стало менее важным, чем вопрос о том, остается ли эффективный ведущий слой, основа нации. Когда римляне, наконец, смогли справиться со всеми своими противниками, а Римская империя стала подлинно великой, этим они были обязаны ни интеллигенцией римского форума, ни хорошей подготовкой своих легионов, но обязаны слою старых аристократических семей, который сохранил политиче-

скую традицию даже после Канн и после гражданских войн Мария и Суллы, и сильно в этом отношении превосходили карфагенян и греков.

Мы, немцы, стоим в современности, как ни одна другая страна за последние сто лет. Мы живем отрезанными как на острове; мы даже не хозяева в нашей собственной стране; мы получили французскую армию на немецкой земле, оплачиваемую немецкими деньгами. И все же, благодаря умелой политике, мы могли бы завоевать позицию, которая превращает наше географическое положение из невыгодного положения в преимущество: между грядущей Россией и английской военно-морской державой в разгар её внутреннего кризиса. Но для этого мы должны воспитывать людей, которые, в дополнение к старопруссским характеристикам дисциплины, ответственности и самоотречения, должны обладать политическими достоинствами, которые до сих пор были у нас результатом редкого случая, а не социальной дисциплины. Это и есть настоящая задача немецкого дворянства. Именно по этой причине некоторые особенности, которые были присущи всем слоям нашего народа в начале мировой войны, должны вызывать особую обеспокоенность. Поскольку у нас больше нет колоний, и мы почти оборвали связи с нашими соотечественниками за рубежом, мы воспринимаем политические вопросы слишком узко и провинциально. Безусловно, чувства национальной гордости действительно являются основой здорового народа и, в особенности здоровой знати, однако не они не должны ограничивать горизонт политических соображений.

Германия с ее 60-миллионным населением – очень маленькая страна на поверхности земли и ее политическое единство можно и нужно рассматривать только в связи с мировой политикой. Именно ввиду нашей нынешней слабости еще важнее, чем до войны, чтобы каждый политически активный человек имел постоянный обзор ситуации и событий в Тихом океане, в Южной Африке, в Северной Америке, чтобы его постоянно беспокоили мировые события и их отражение в печати и, чтобы он всегда был в курсе событий и точек зрения на них и имел возможность выразить свое мнение. Мы можем изменить свою судьбу, если только если будем постоянно держать перед глазами всемирно-политические тенденции, иначе все усилия будут напрасными. Но это именно то, чего нам сейчас не хватает.

Мы слишком быстро стали большой нацией. Всего пятьдесят лет назад, во времена наших дедов, еще было много небольших германских государств, каждое из которых проводила только местную политику и не знала мировую политику в английском смысле этого слова. Сегодня мы еще далеки от преодоления этого узкого взгляда на мировую политику. Существует много примеров того, что наше понимание народных и национальных интересов, основано на полном незнании политической мысли и воли за пределами Германии и катастрофической недооценке враждебного превосходства в политических средствах, точках зрения и методах других государств. Мы в одночасье стали людьми мировой промышленности, мировой торговли и военно-морской мощи, так что до сих пор существует большое число немцев, которые воспринимают цели экономических кругов и их интересы как не нацио-

нальные, потому что горизонт их горизонт мировоззрения выходит за рамки экономических местечковых интересов.

Но германская политика со времен Бисмарка возможна только в том случае, если она будет закреплена во всем пространстве сегодняшнего мирового контекста, и если наше государство-образующее сословие считает своей главной обязанностью обучаться этой политике: понимания широких горизонтов мировой перспективы и осознания тех средств, которые важны для их достижения. В этом я сразу вижу великую миссию немецкого дворянства и, прежде всего, его молодого поколения. Ему нелегко в этом отношении. Каждый молодой англичанин-аристократ имел колониальную практику, и благодаря личным контактам с кругами, которые руководят британскими колониями или ведут там экономическую деятельность, обрел чувство истинного значения от занятия политикой. Наша молодежь видела слишком мало до войны. Вместо Индии, Египта, Америки она осваивала различные виды университетских строений и аудиторий. Первый серьезный политический опыт молодой человек приобретал, если ему сильно везло в этом отношении, на дипломатическом поприще, но обычно с помощью патриотических книг, фестивалей, лекций и уроков, которые, конечно же, не могли заменить ему реального политического опыта.

Сегодня для нашей молодежи другие государства практически закрыты по политическим и экономическим причинам. Поэтому необходимо использовать каждую возможность получить информацию от внешних источников о тенденциях в мировой политике, в том числе и через посещение других стран, что не должно быть просто «отдыхом», как это распространено у японцев. В Германии же необходимо создать систему подготовки кадров, чтобы уметь понимать и предсказать внутри- и внешнеполитическое состояние и развитие современных великих держав, и чтобы открыть для них самих нечто новое.

Это хорошее немецкое качество – быть способным чувствовать дух других времен и народов, и его следует поддерживать. Это в корне неправильно выражать законное чувство ненависти побежденного к победителю, отказываясь погрузиться в его мир, и вообще не поддерживать с ним никаких отношений. Для молодого поколения нашего дворянства должно стать ежедневной привычкой постоянное чтение ведущих газет иностранных держав, изучение самых важных иностранных политических брошюр, а также быть в курсе политического и общественного мнения ведущих мировых журналов и по возможности состоять в переписке со своими зарубежными сверстниками. Только так можно преодолеть немецкую изоляцию. Наше возвращение к старым идеалам, которые до сих пор играют катастрофическую роль в нашем национальном самосознании, и которые в середине двадцатого века кажутся ограниченными и провинциальными, не ведет нас в будущее. Английский консерватор всегда отличался хорошим пониманием политики, которая в своих средствах и целях была более современным, чем у большинства либералов.

Поэтому я делаю следующее замечание: мысленно отбросьте все духовные барьеры, отделяющие вас от сути понимания принципов функциони-

рования мировой политики. Мировая политика разрушает страны, и не только не в ментальном плане. Учитесь у английского дворянства, у которого было очень трудное положение из-за сложности земельных отношений у себя в стране, что нет никаких пределов и препятствий для успеха своего внутреннего превосходства. Отбросьте последние остатки ложного национального самосознания в отношении горизонта мировой политики, мировой торговли и мировой промышленности. В Германии, где таланты выращивались в соответствии с планом, у нас были блестящие результаты: в армии, в технологии, в промышленности, в мировой торговле. Мы можем добиться того же и в политике. Но тогда мы должны знать, что сегодняшняя политика отличается от консервативной политики 1860 года и даже 1900 года; Помимо всего прочего, аристократия в качестве своего политического горизонта должна осознавать задачу интеллектуального роста народа и завоевания решающей позиции в мировой политике и воспользоваться неизрасходованными силами Германии, чтобы немецкий народ вновь достиг соответствующего места в мировой политике.

Источник: Reden und Aufsätze. München 1937, S. 88 – 95.

Франция и Европа (1924).

Фактом, который полностью господствует в современном мировом положении, является невиданный подъем Франции к безоговорочно ведущей мировой державе. На континенте у нее больше нет противника. Англия поставлена на службу французским планам с помощью умной тактики, которая варьируется от убеждения до угрозы. Американские желания прохладно отклоняются, желания других просто не принимаются во внимание.

Между тем, французский народ, с его 39 миллионами граждан, марширует на последнем месте среди великих наций. В течение десятилетий рождаемость во Франции была низкой. Французы очень старый в своем духовном состоянии, очень утонченный и очень потрепанный историей народ. Даже в политическом отношении французы не могут сказать миру ничего нового. В течение 50 лет Францию питала только одна мысль: возмездие за проигранную войну. В то время как другие народы организовали колониальные империи, создавали отрасли промышленности, строили мир социальных институтов. В 1894 году Франция восстановила культ Орлеанской Девы как символ военного возмездия. «Мы, французы, ничего больше не покорим», - так сказал тогда Эмиль Золя своему посетителю. А что сейчас? Народ, который, как в свое время испанцы, пережил славные века, этот народ, спасенный только англосаксонскими штыками и миллиардами, сегодня играет с судьбой держав. Он забыл, что не в последнюю очередь обязан миру своим успехом. Он забыл сотни тысяч погибших иностранных солдат в своих окопах. Он убежден в том, что только он один одержал победу и поэтому претендует на право использовать этот успех в свою пользу.

Сегодня Франция – единственная страна, правящие круги которой, руководствуясь тщеславием, разбуженным Робеспьером и Дантоном, обученные Наполеоном, наступают ногой на шею другим нациям. Эта традиция, которая не терпит противоречий, всегда будет отдавать предпочтение вместо яркой славы, материального преимущества, военного триумфа и экономического развития сиюминутному блестящему успеху за счет более значимого будущего. Было бы заблуждением серьезно говорить о Франции, как о стране больших социальных и экономических целей. Франция - единственная страна, готовая после битвы при Маренго, даже в случае самой острой необходимости, принять кровавую гражданскую войну в качестве последствий для продолжения осуществления власти любой ценой. Француз 18-го века, века рококо, погиб с победами якобинских армий.

Это за гранью французского характера, и за гранью французского вкуса, развивать завоеванные земли, чтобы превратить вчерашних противников в друзей завтрашнего дня. В Африке и Индокитае француз – худший колонизатор, которого только можно представить. От войн Людовика XIV, которые превратили в пустыню побережье Рейна, до жестокого обращения с европейскими народами армиями Наполеона, от которых его империя окончательно погибла, французское чувство победы всегда оставалось неизменным. Ни

один народ, кроме России, не боролся со своими революциями с такой безграничной разрушительной силой и ужасным кровопролитием, как французы. Вспомним депопуляцию Вандеи в 1792 году, разрушение Лиона в 1793 году, сожжение общественных зданий Парижа в 1871 году. Подобное опьянение победой сегодня снова достигает широких кругов французского общества. И так как у них все старое, характер, дух, амбиции, выражение чувства силы и даже нынешние цели применения этой силы. Вся современная политика с нарастающей очевидностью является возобновлением наполеоновских планов. И эти 39 миллионов человек хотят стать хозяевами Европы и мира. То, что в 1919 году под воздействием внезапного и неожиданного успеха все еще оставалось весьма смутным импульсом, - сегодня это план, осуществляемый со всей ясностью и энергией французского духа. С удивлением мы наблюдаем, как Рейнская зона оккупации развивается как крепость, для которой в качестве подбрюшья Германии должна находиться в форме Рейнской федерации, в то время как внешний форт Рурской области должен входить в Северное море, а Малая Антанта, должна выстроить сухопутный мост вдоль Дуная на Ближний Восток, многочисленные колонии на северо-западе Африки должны прикрыть путь к Нилу, в то время как военно-воздушные и военно-морские силы обязаны гарантировать безопасность этого пути со стороны Средиземного моря.

С успеха на Руре, которому не могла сопротивляться полностью разоруженная и разрушенная страна (*Германия – О. Э. Терехов*), особенно когда она изолирована, следующий противник французов обозначился достаточно четко. Речь идет о наступлении на англосаксов и, следовательно, триумфа романского господства над германским миром. В истории как в бизнесе с приходом успеха вчерашний союзник становится завтрашним противником. Судьба мира может зависеть от провала французских выборов в парламент следующей весной. Сегодняшний французский парламент еще прибывает в сомнении относительно внешнеполитического вектора французской политики. Как только успех на Рейне и Руре будет окончательно закреплён, на что сегодня направлена вся энергия французской политики, новые выборы создадут парламент громкого триумфа и, таким образом, центр решительно агрессивной политики. Этот парламент строго будет следовать пожеланиям своих избирателей во внешней политике, что также свяжет парламентских лидеров. И это особенность французской истории, когда в момент таких великих ожиданий французская нация передает власть человеку, который, как Наполеон, принимает на себя однозначное командование.

Наполеон очень хорошо понимал, что первый шаг на пути к поражению его воинской славы означал конец его господства. Поэтому после ухода из Москвы он уже не мог вступать в серьезные мирные переговоры, несмотря на то, что они неоднократно начинались в 1813 и 1814 гг. В сентябре 1813 года он открыто сказал об этом желании князю Меттерниху в Дрездене. Таким же образом, по причине утраты власти Бурбоны нуждались в войне в Испании в 1816 году, а Луи-Филипп - в 1832 году в Алжире. Наполеон III, когда взойдет на трон с лозунгом: «Империя – мир», также знал, что Вторая

империя должна означать войну, если она хочет удержаться. Экспедиция в Мексику состоялась в 1861 году только потому, что в то время не было перспективы великой войны в Европе. По той же причине Франция всегда искала войны с Германией. Новые выборы, если они будут проведены под впечатлением большого внешнеполитического успеха с 1918 года, могут спровоцировать Францию на войну – войну против английского мирового могущества.

Сегодня Франция желает, и это в Германии знают прекрасно, прежде всего, не денег, а Рура и, более того, создания рейнской конфедерации под своим протекторатом. Это необходимый этап по возрождению старого наполеоновского плана. Рурская область лежит именно там - что, очевидно, неясно в Англии - где Наполеон основал Великое Герцогство Берг в 1806 году, которое он передал своему зятю Мюрату, и о военных целях создания которого не было никаких сомнений с самого начала. В следующем году возникло северо-восточное королевство Вестфалия, чье правительство было полностью в руках французов и чьи войска входили в состав французской армии. И, наконец, в 1810 году немецкое побережье в Северном море было окончательно присоединено к Франции. На страницах «*Vie Maritime*», националистическом журнале ВМС Франции, требовали оккупация Бремена и Гамбурга уже летом 1923 года, и эта идея с тех пор звучит все чаще и чаще. В абсолютно незащитной Германии нет ничего, что могло бы предотвратить внезапную оккупацию портов Северного моря и превращение их в совершенно неприступные базы для французских воздушных эскадронов и подводных лодок. Сегодня все должны понимать, что означает полное владение этим побережьем Северного моря для угрозы восточного побережья Англии, Континентальная блокада Англии 1806 года будет возобновлена в любой момент, но при этом посредством современных средств противодействия в морской и воздушной войне на основе обширного опыта блокады с континентальной стороны. Расстояние от Рурской области до лиманов Эмс и Везер составляет 200 километров. Это для современной, оснащенной автомобилями, легкой кавалерийской прогулки меньше двух дней. Германия не горит желанием стать жертвой Франции в ее внешнеполитических планах, она, как это было в прошлом, не хочет быть англо-французским театром военных действий, наряду с Голландией, которая в 1809 году имела опыт высадки британских экспедиционных сил.

Такого еще не было, чтобы обедневшее, отчаявшееся и нуждающееся население Рейна и Рура составило основную часть набора в Иностранный легион, действующий в Африке под защитой Версальского договора и составляющий там ядро белой армии. Для обширных колониальных владений на северо-западе Африки Иностранный легион это новый фактор, который еще не был в руках у Наполеона во время экспедиции в Египет, и который сегодня позволяет французам повторить свой успех прошлого века, но с лучшими перспективами. Здесь готовится новый фашистский кризис. Поскольку Германия была исключена из Африки, у нее больше нет никакого интереса в распределению колоний там. Но она с растущим беспокойством следит за

тем, как там формируется чёрной многомиллионная черная армия и угрожает всей Европе. Очевидно, Франция готовится захватить часть Судана. Французы обучают негров тактике современного боя и в то же время учат их мыслить через границы власти белого населения. Французское чувство расы, как и тевтонское, не противоречит равенству с черными людьми. Генерал Мангин публично заявил – настолько громко, что его можно было услышать в Африке -- что Франция – это нация, которая может мобилизовать не 40 миллионов, а 100 миллионов, а колониальный министр Сарро также публично назвал негров «frères de couleur» цветными братьями. То, что во Франции нет чувства неприятия смешанных браков хорошо известно. Эта армия черных французов сегодня, как только она захочет, станет хозяйкой Африки. Правительство Франции только что одобрило строительство железной дороги через Сахару, которая будет иметь большое экономическое значение, но еще больше стратегическое значение и тесно свяжет Судан с неисчерпаемым человеческим ресурсами из Марокко и Алжира. Эксплуатация богатых минеральных ресурсов уже позволяет сегодня производить крупномасштабные военные материалы на самой африканской земле. Сближение Италии и Испании в этом отношении может произойти слишком поздно, и, кроме того, Франция, благодаря оккупации Танжера, в любой момент может закрыть момент закрыть Средиземное море, что создаст дополнительные трудности для Италии через ограничения ее возможности вкладывать в свои колонии материальные и иные средства. Новый шаг на пути к Нилу готов, но с армией, с которой никто не может сравниться в Африке, и с большими резервами в Западной Африке, где они находятся в абсолютной безопасности. На Ниле, где население ждет этого момента, решается судьба Индии. Наполеон знал это.

И, в-третьих, все более открытые попытки превратить западную и южную Германию в ряде зависимых отдельных областей также соответствуют еще одной идеи Наполеона: сухопутном мосту вдоль Дуная на Ближний Восток. Таким образом, Средиземное море будет полностью окружено с севера и юга, а Ближний Восток будет подчинен всеми своими подходам французскому контролю. Для достижения этой цели Наполеон породнился с родом австрийских Габсбургов. Сегодня Франция поддерживает любое движение, будь то коммунистическое или монархическое по своей природе, которое предлагает перспективу разрушения Германии. То, что сегодня называют Югославией, ранее было иллирийскими провинциями. И тогда, и сейчас они преследовали цель отрезать Италию, получить господство над Адриатическим морем и держать Вену в страхе. Последняя цель, также очень старая, - это соглашение с Россией, лидера которой, несомненно, предпочтут альянс, чем борьбу, с самой сильной державой в Западной Европе. Это будет северный путь в Индию, который советская республика откроет быстрее, чем когда-то царь Александр I.

А теперь экономико-техническая сторона: в 1923 году Франция добыла 5,3 миллиона тонн железной руды, Англия только – 1, Германия – 0,77 миллиона. Вместе с Рурской областью она контролирует 35% добычи угля в Европе. Если сложить Бельгию и Малую Антанту, а также особенно Польшу,

которая сегодня, как и при Наполеоне, является ничем иным, как французской провинцией, чьи военные и промышленные ресурсы Париж может свободно использовать, то на французской стороне не менее 60% европейской добычи угля, по отношению к английской – 25%, немецкой – 4%. Следует также отметить, что часть силезских каменноугольных запасов постоянно находится под польской угрозой, и, не следует забывать, что запасы угля на континенте оцениваются примерно на 800 лет добычи, в Англии едва ли на 150 лет. Ситуация по добыче нефти аналогичная. Это означает, что у Франции самый большой арсенал и, безусловно, самые большие запасы сырья в Европе.

Такова ситуация сегодня в Европе в «эпоху репараций», и нет смысла рассматривать вопрос о репарациях даже как проблему возмещения ущерба, нанесенного войной, и прописанную в Версальском мирном договоре. Сегодня, в Париже говорят о необходимости привести бюджет в порядок, но этот бюджет, прежде всего, несбалансирован, потому что его доходы были использованы для все более расширяющихся милитаристских целей. По Версальскому договору Германия уже потратила более 2 миллиардов фунтов стерлингов в различных формах, не считая материальной стоимости своих территориальных потерь. В том числе она понесла огромные расходы на содержание оккупационных войск на Рейне и уничтожение военных материалов и транспортных средств. Но ту сумму репараций, которая была выплачена Германией под давлением Англии, Франция создала свой воздушный флот. Захватив Саарский угольный бассейн, Франция хорошо торгует углем в Италии, Бельгии и Швейцарии – где она открыла банковские счета от продажи немецкого угля, – это еще больше усиливает ее военный бюджет и позволяет давать Малой Антанте сотни миллионов франков в виде займов на вооружение. Каждый новый миллиард означает новые воздушные эскадрильи, подводные лодки и африканские полки. Если целью этих платежей было восстановление экономики Франции, тогда не понятно, почему Франция боролась против германской революции со всеми ее катастрофическими экономическими последствиями. Однако Франция нуждается в немецкой революции, чтобы разрушить Центральную Европу и получить свободный фланг на оперативном поле деятельности для своих более отдаленных целей. Коммунистическое движение контролируется Россией и поддерживается Францией по совершенно другим причинам, но, несомненно, с намерением достичь того же результата. И, кроме того, как недавно показал Фукса в Мюнхене, нет такого движения, будь то коммунистического или монархического, или польского в Верхней Силезии, которое не финансировалось бы Францией, как только у нее появляется надежда добиться трансформации Германии в соответствии с французскими планами.

Снова и снова историки поражаются тому, как мало человек учится на историческом опыте, как даже ведущие государственные деятели признают очевидные цели других только тогда, когда они достигнуты. Подъем Наполеона стал возможен именно таким образом, кстати, как и подъем Японии к ведущей мировой державе Востока. Франция сегодня находится в таком со-

стоянии, что может уже больше не бояться равного противника. Через два года у нее, возможно, может не остаться оппонента, который будет думать о сопротивлении. Мировое господство без внутренней подготовки и внутреннего оправдания, может быть лишь эпизодом, но оно может вызвать череду непрекращающихся войн и превратить Европу, Африку и Азию в хаос, прежде чем рухнет. Поражение французской революции и Наполеона стоило всем 20 лет и 2 миллионов человеческих жизней, были израсходованы миллиарды денег различных национальных активов. Поражение европейско-африканской Франции, которая вновь возрождает наполеоновские планы, может привести к таким жертвам, которых Европа может больше и не выдержать.

Источник: Oswald Spengler: Reden und Aufsätze. München 1937, S. 79 - 88.